

На правах рукописи

Айрапетов Никита Андреевич

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
И ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук
Рожкова Марина Александровна

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Общая характеристика добросовестности в сфере интеллектуальных прав	14
1.1. Понятие принципа добросовестности.....	14
1.2. Недобросовестное поведение и злоупотребление правом как антиподы добросовестности	33
Глава 2. Реализация принципа добросовестности в сфере интеллектуальных прав	59
2.1. Принцип добросовестности при создании и регистрации объектов интеллектуальных прав	59
2.2. Принцип добросовестности при осуществлении интеллектуальных прав и распоряжении исключительными правами	82
2.3. Принцип добросовестности при защите интеллектуальных прав	113
Заключение	150
Список сокращений и условных обозначений.....	156
Библиографический список	157

Введение

Актуальность исследования. Принцип добросовестности в качестве общего начала нашел легальное закрепление в российском гражданском праве не так давно – в 2012 году презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий была введена в Гражданский кодекс Российской Федерации. Несмотря на краткость самого нормативного положения в науке гражданского права на сегодняшний день сформировалась довольно обширная система взглядов на добросовестность, обусловленная тем, что в качестве предмета научных изысканий добросовестность издавна вызывала интерес как российских, так и зарубежных ученых-правоведов.

Указание в общих положениях Гражданского кодекса Российской Федерации на принцип добросовестности, который является общим для всех гражданских правоотношений, свидетельствует о необходимости его применения и к правовым отношениям по поводу объектов интеллектуальной собственности. Между тем ввиду общепризнанной специфики интеллектуальных прав, объектом которых выступает нематериальный продукт интеллектуальной деятельности, правоприменители нередко затрудняются в применении принципа добросовестности к правоотношениям по поводу интеллектуальных прав, что приводит к ситуациям, когда выработанные правовые механизмы защиты прав как правообладателей, так и третьих лиц, не применяются и на практике применение этого принципа может вызвать сложности. Суды могут столкнуться с трудностями при определении того, действовал ли участник правоотношений добросовестно или нет. В некоторых случаях это может привести к неправильному толкованию закона и нарушению прав участников процесса. Для решения этой проблемы необходимо более чётко определить понятие добросовестности применительно к праву интеллектуальной собственности и разработать критерии, которые помогут реализации указанного принципа на практике.

Недостаточное теоретическое осмысление механизмов, вытекающих или связанных с принципом добросовестности, направленных на поддержание

баланса интересов сторон в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав, которые не применяются в Российской Федерации или применяются без опоры на научное обоснование, снижают эффективность существующего правового регулирования отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем обращение к научной литературе, в рамках которой категория добросовестности рассматривалась исключительно как элемент общих, фундаментальных начал гражданского права, не всегда оказывается достаточным для практических целей. Подобные исследования, безусловно, создают теоретическую основу и задают концептуальные ориентиры, однако их потенциал ограничен, когда речь идет о выявлении конкретных механизмов и инструментов, необходимых для разрешения отдельных проблем правоприменения. Это связано с тем, что в «общегражданских» исследованиях не учитываются различные нюансы права интеллектуальной собственности, а также специфика смежных категорий, вторгающихся в правовой анализ отношений в сфере интеллектуальных прав. Вследствие этого получается, что правовая наука далеко не во всех случаях может предложить адекватное и эффективное разрешение правоприменительных проблем ввиду отсутствия целостного анализа проявления принципа добросовестности в сфере интеллектуальной собственности.

Таким образом, актуальность комплексных научных исследований в этой сфере не вызывает сомнений. При этом, как показывает анализ судебной практики, с развитием предпринимательства в Российской Федерации и увеличением количества объектов интеллектуальной собственности неуклонно растет число споров между участниками гражданского оборота. Разработка научно выверенных ориентиров для целей толкования добросовестного поведения и правовой оценки случаев отхода от него позволит в рамках правоприменения разрешать возникающие вопросы.

Научный анализ существующих и потенциальных направлений применения принципа добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав способствует существенному прогрессу в разрешении актуальных вопросов,

стоящих перед современной цивилистической наукой, а также поможет определить направление дальнейшего развития законодательства в области интеллектуальной собственности и ориентиры для правоприменительной практики в данной сфере. В прикладном значении такое исследование позволит увеличить число используемых правовых механизмов и упрочит возможности защиты интересов участников гражданского оборота в сфере интеллектуальной собственности.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопрос о месте и значении принципа добросовестности неоднократно становился предметом обсуждения в российской науке гражданского права. Вместе с тем, большинство существующих исследований акцентируют внимание на анализе принципа добросовестности в рамках отдельных подотраслей гражданского права, таких как корпоративное, обязательственное, договорное право и др.

Значительный вклад в изучение принципа добросовестности в гражданском праве внесли диссертационные исследования Е.Е. Богданова («Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав», 2010) и К.В. Нам («Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта», 2021).

Отдельные вопросы анализа недобросовестных стратегий поведения при осуществлении и защите исключительного права рассматривались такими авторами как А.С. Ворожечин и Н.В. Козлова («Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты», 2017), Э.П. Гаврилов («Принцип добросовестности и нормы права, основанные на этом принципе», 2020), И.Г. Озолина («Обход закона и иное недобросовестное поведение при патентовании изобретений и полезных моделей», 2022), Б.А. Шахназаров («Пресечение недобросовестной конкуренции, недобросовестной рекламы и защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет», 2021).

Исследования указанных авторов представляют собой важнейший вклад в формирование и развитие доктринальной основы принципа добросовестности при осуществлении и защите исключительных прав и позволяют обосновать необходимость применения принципа добросовестности не как абстрактного начала гражданского законодательства, а как реально действующего инструмента, обеспечивающего баланс интересов участников гражданских правоотношений.

Объектом исследования выступают общественные отношения, касающиеся применения принципа добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав.

Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие отношения в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав, применимые к объектам интеллектуальной собственности с учетом принципа добросовестности, судебная практика по указанному вопросу и научные труды, посвященные изучаемой теме.

Целью исследования является решение научной проблемы, заключающейся в формировании целостного представления о применении и возможностях использования принципа добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав.

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих **задач**:

- 1) определение принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности;
- 2) выявление критериев недобросовестного поведения и злоупотребления правом, включая оценку недобросовестных практик при осуществлении и защите интеллектуальных прав;
- 3) определение критериев добросовестности действий при создании объектов интеллектуальной собственности, осуществлении прав на них и их защите.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и частно-научных методов, а именно: системно-структурный,

формально-логический, конкретно-социологический, функциональный, а также историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Системно-структурный метод способствовал достижению цели и решению задач диссертационного исследования и был направлен на рассмотрение отдельных проявлений принципа добросовестности как целостную категорию. Формально-логический метод использован для изучения общих закономерностей регулирования общественных отношений, указанных в качестве объекта исследования. При использовании конкретно-социологического метода автором была изучена актуальная судебная практика, которая позволила сформулировать выводы о применении принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности. Функциональный метод использован для построения теоретической модели принципа добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав.

Формально-юридический метод позволил выявить правовые особенности принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности, определить соотношение категорий недобросовестное поведение и злоупотребление правом в праве интеллектуальной собственности, изучить особенности его проявления при возникновении, осуществлении и защите интеллектуальных прав. Историко-правовой метод применен в исследовании развития понятия принципа добросовестности в гражданском праве. Сравнительно-правовой метод использовался в целях выявления отдельных особенностей и доктрин, основывающихся на принципе добросовестности в других правовых системах.

Эмпирическую основу исследования составляют акты Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, Высшего арбитражного суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также решения иностранных судов.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области гражданского права и права интеллектуальной собственности.

В ряде работ в области гражданского права проводится анализ общего понимания и целей принципа добросовестности, а именно в трудах Д.В. Дождева, Э.П. Гаврилова, А.Г. Карапетова, К.В. Нама, И.Б. Новицкого, А.М. Ширвиндта.

Основой изучения вопросов, связанных с осуществлением субъективного гражданского права, послужили труды М.М. Агаркова, В.П. Грибанова, С.В. Третьякова, Г.Ф. Шершеневича.

В отечественной юридической науке достаточно глубоко изучены стратегии недобросовестного поведения в праве интеллектуальной собственности. В частности, данные вопросы рассматривали В.С. Витко, А.С. Ворожечин, Э.П. Гаврилов, М.В. Гордон, О.С. Иоффе, Я.А. Канторович, Д.В. Мурзин, Л.А. Новоселова, Е.А. Павлова, М.А. Рожкова, А.П. Сергеев, А.М. Ширвиндт и др.

До настоящего времени было сделано лишь единичные попытки выйти за пределы анализа отдельных случаев и перейти к изучению общих проблем добросовестности, применимых к рассматриваемой разновидности прав. Как следствие, в доктрине отсутствует однозначное и устоявшееся понимание значения и места принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности.

Научная новизна исследования. Диссертационная работа представляет собой комплексное исследование места и значения принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности. В результате анализа сформированы значение и функции принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности. На основе проведенного исследования предложены идеи по толкованию и применению отдельных институтов гражданского права, направленные на реализацию принципа добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В сфере интеллектуальных прав обязанность соответствовать требованию добросовестности возлагается на их правообладателя по отношению ко всем третьим лицам и предъявляется к действиям, связанным как с

возникновением, осуществлением и защитой исследуемой разновидности прав в отличие от обязательственных правоотношений, где такая обязанность имеет место только в отношении конкретного контрагента.

2. Первоочередной функцией принципа добросовестности является ограничительная, которая устанавливает рамки для действий правообладателя, связанных с возникновением, осуществлением и защитой интеллектуальных прав, и предотвращает злоупотребления со стороны правообладателя. Иные функции, присущие принципу добросовестности (дополняющая, конкретизирующая, корректирующая), проявляются в договорных отношениях по поводу объектов интеллектуальной собственности и охватывают вопросы толкования прав и обязанностей сторон по договору.

3. Выявлены и раскрыты критерии разграничения злоупотребления правом в сфере интеллектуальной собственности и недобросовестных действий в виде акта недобросовестной конкуренции. К ним относятся следующие:

– самостоятельность требований (требование о злоупотреблении правом невозможно заявить в качестве самостоятельного требования, а заявление о недобросовестной конкуренции рассматривается судом в качестве самостоятельного требования в рамках отдельного спора);

– границы судебных полномочий (суд вправе в самостоятельном порядке рассматривать вопрос о злоупотреблении правом, но суд не вправе по собственной инициативе разбирать вопрос о наличии в действиях лица признаков недобросовестной конкуренции и не может в отсутствие соответствующего требования заявителя признать действия лица актом недобросовестной конкуренции);

– наличие самого права (злоупотреблять можно только правом, которое имеется у лица; при этом субъекты не обладают правом на осуществление недобросовестных действий (акт недобросовестной конкуренции), поскольку такие действия прямо запрещены законом);

– цели правоприменения (непосредственной целью признания действий субъекта актом недобросовестной конкуренции является привлечение этого

субъекта к юридической ответственности, в отличие от признания действий субъекта злоупотреблением права, которые направлены на защиту прав лица, чьи права были нарушены таким злоупотреблением);

– направленность действий (злоупотребление правом – это умышленное, сознательное, намеренное действие; недобросовестное поведение правообладателя может оставаться пассивным в течение длительного времени, при этом не становясь добросовестным).

4. При создании объектов интеллектуальных прав добросовестность поведения проявляется следующим образом.

В отношении объектов авторского права добросовестными следует признавать действия, направленные на создание самостоятельного (оригинального) объекта авторского права либо производного произведения, при наличии согласия правообладателя первоначального произведения, при этом такое произведение создается путем переработки с сохранением существенной части оригинального произведения с изменением формы выражения либо без такового и наличия творческого вклада достаточного, чтобы не считать его воспроизведением другого объекта авторского права.

Применительно к объектам патентных прав добросовестность поведения в первую очередь усматривается в совершении действий, которые влекут создание и патентование объекта, соответствующего критериям охраноспособности, предъявляемых действующим законодательством. Кроме того, подобные действия не должны быть направлены на ограничение развития инноваций в тех случаях, когда существует формальная возможность преднамеренного увеличения срока правовой охраны патентов путём применения императивных положений относительно первого разрешения о применении патентоохраняемых объектов, а также не должны приводить к ограничению поведения неопределённого круга лиц в сфере действия патента путем создания блокирующих патентов.

Применительно к средствам индивидуализации добросовестным признаётся такое поведение, при котором действия правообладателей направлены на достижение целей по индивидуализации товаров и услуг, а также для защиты

своих законных интересов в рамках конкурентных отношений. Не может признаваться добросовестным поведение, при котором правообладатель совершает действия, направленные на устранение присутствия третьих лиц на конкурентном рынке определенного товара путем применения мер защиты, предусмотренных действующим законодательством.

5. Использование объектов интеллектуальных прав третьими лицами, не обладающими исключительным правом на используемый объект и не получившими согласия правообладателя на такое использование, признается добросовестным в случаях, прямо установленных законом, что характерно для результатов интеллектуальной деятельности, либо определенных судебной практикой, что характерно для средств индивидуализации. При этом неиспользование объекта интеллектуальных прав самим правообладателем создает для третьих лиц правовую возможность использования такого объекта в своих целях (принудительная лицензия).

6. Распоряжение исключительным правом при совместном правообладании будет добросовестным при наличии у лица полномочия на определение юридической судьбы указанной разновидности прав от имени всех соправообладателей того же объекта при условии уведомления своего контрагента обо всех соправообладателях и характере их прав способных повлиять на действительность совершаемой сделки. При этом такое распоряжение может быть осуществлено как путем заключения договора, так и в виде прекращения государственной регистрации, если действие права обусловлено фактом такой регистрации.

7. Действующее законодательство позволяет судам при расчете взыскиваемой компенсации учитывать не только характер и тяжесть нарушения, но и срок, в течение которого правообладатель мог применить доступные меры защиты, и учитывать этот срок с целью уменьшения суммы взыскиваемой компенсации в тех случаях, когда предоставленная мера защиты используется для неосновательного обогащения.

8. Предъявление требования о ненарушении исключительного права является надлежащим способом защиты права, которое вытекает из принципа добросовестности и может быть рассмотрено судом как самостоятельное требование, устраняющее неопределённость между участниками гражданского оборота касательно использования объекта интеллектуальной собственности. Предъявление такого требования выражается в иске о ненарушении исключительного права (иск о признании), который направлен на признание за истцом субъективного права на соответствующий объект интеллектуальных прав, путем его признания самостоятельным и ненарушающим права третьего лица.

9. Защита товарного знака от «размытия» представляет собой совокупность действий правообладателя, соответствующих принципу добросовестности, направленных на сохранение различительной способности в глазах потребителей принадлежащего ему средства индивидуализации путем оспаривания регистрации товарных знаков третьих лиц или требования о судебном запрете использования средства индивидуализации третьими лицами.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении механизмов, вытекающих или связанных с принципом добросовестности, направленных на поддержание баланса интересов сторон в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав.

Полученные в ходе исследования выводы могут быть положены в основу будущих исследований в сфере проявления добросовестности в праве интеллектуальной собственности, в частности для выявления и определения новых добросовестных и недобросовестных стратегий при возникновении, осуществлении и защите интеллектуальных прав применительно к отдельным механизмам защиты, имеющиеся в мировой практике.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных по результатам исследования выводов в законотворческой деятельности, разработке методик выявления недобросовестных практик осуществления и защиты интеллектуальных прав, при

подготовке разъяснений ВС РФ, СИП, а также в практике организаций, занимающихся управлением интеллектуальной собственностью.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертационное исследование выполнялось на базе Центра частного права ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», обсуждалось на его заседаниях и было рекомендовано к защите. Достоверность полученных в исследовании выводов гарантируется использованием комплекса методов, которые полностью соответствуют поставленным целям и задачам диссертации и подтверждается изучением более 150 отечественных и зарубежных источников, анализом юридической научной литературы на русском и иностранном языках и изучением законодательства более 10 зарубежных правовых порядков. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в трёх научных статьях автора, опубликованных в рецензируемых юридических изданиях, включённых в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Результаты исследования были апробированы в ходе выступлений с личными докладами на научных конференциях: доклад на тему «Иски о злоупотреблении правом» на секции кафедры интеллектуальных прав в рамках Кутафинского юридического форума (7 апреля 2023 г., г. Москва), доклад на тему «Значение принципа добросовестности для развития судебной практики в сфере интеллектуальной собственности» на секции «Гражданское и коммерческое право» в рамках Аспирантского юридического форума ГАУГН «Трансформация современного права: тенденции, ориентиры, решения» (25 июня 2024 г., г. Москва), доклад на тему «Принцип добросовестности при прекращении действия исключительного права» на секции «Цифровые технологии и интеллектуальные права» в рамках III Международной научно-практической конференции (20 сентября 2024 г., г. Казань).

Структура диссертации состоит из введения, двух глав (первая из которых включает два параграфа, вторая – три), заключения, списка сокращений и списка использованных источников.

Глава 1. Общая характеристика добросовестности в сфере интеллектуальных прав

1.1. Понятие принципа добросовестности

Принятие части четвертой ГК РФ, посвящённой регулированию интеллектуальных прав, предопределило необходимость выявления специфики применения закрепленных в ст. 1 ГК РФ принципов к отношениям в сфере интеллектуальных прав. В связи с этим стало актуальным изучение специфики использования принципа добросовестности в отношениях, связанных с интеллектуальными правами, с целью определить значимость этого принципа в правовом регулировании отношении в сфере интеллектуальной собственности и важным интегрировать регулирование интеллектуальных прав в общую систему отрасли, соответствующую её базовым положениям. Это и предопределило актуальность исследование специфики применения принципа добросовестности к отношениям в сфере интеллектуальных прав с тем, чтобы определить, какую роль этот принцип играет в регулировании соответствующих отношений. Данное предполагает критический анализ различных подходов к понятию добросовестности, что позволит выработать единое понимание данного принципа для целей настоящего исследования.

Как отмечает В.Ф. Яковлев: «Особенность гражданско-правового метода регулирования общественных отношений состоит в том, что с одной стороны само гражданское право характеризуется определённым внутренним единством, а с другой – тем, что те или иные приёмы гражданско-правового регулирования общественных отношений различаются в зависимости от конкретных подотраслей гражданского права, что является отражением его дифференциации»¹.

Принципы гражданского права выступают одними из важнейших проявлений единства и дифференциации данной отрасли права. Они задают

¹ См.: Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. 3-е изд., доп. Москва: Статут, 2022. С. 210-227.

базовые основы, на которых строится гражданское право в целом, и служат критерием и позволяют отделить гражданское право от иных отраслей. Кроме того, именно эти принципы формируют основу всего гражданско-правового регулирования, но в разных подотраслях их роль и применение могут значительно варьироваться.

Одним из ключевых среди принципов гражданского права является принцип добросовестности. Этот принцип, как и остальные, отражает сочетание «единства и дифференциации», присущее гражданскому праву. Принцип добросовестности символизирует идею справедливости и представляет собой воплощение истинного, а не формального подхода к праву, реализация которого лежит на правоприменителях, законодателях и судах.

Д.В. Дождев подчеркивает, что добросовестность отнюдь не является неким этическим, моральным ориентиром, позволяет изменять право тогда, когда оно не дает прийти к справедливому результату, напротив, понятие справедливости является синонимом подлинного (объективного) права, поиск которого являлся главной задачей римского юриста, в противовес праву строгому (писаному)².

Принцип добросовестности проявляется в различных подотраслях гражданского права неодинаково и проявляется в зависимости от особенностей соответствующей подотрасли. В частности, принцип добросовестности наполняется разным содержанием в различных элементах классической пандектной дихотомии (вещное и обязательственное право). В некоторых странах (например, Германия, Голландия) это различие в содержании принципа добросовестности в зависимости от подотрасли выражается семантически, посредством использования разных терминов для обозначения различных

² См.: Дождев Д.В. Понятие справедливости (*aequitas*) в римской правовой традиции / Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Исслед. центр част. права им. С.С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. права. Москва: Статут, 2021. С. 8-27; Дождев Д.В. *Ars boni et aequi* в определении Цельса: право между искусством и наукой/ Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Исслед. центр част. права им. С.С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. права. Москва: Статут, 2021. С. 27-38.

проявлений принципа добросовестности: например, «Treu und Glauben» и «guter Glaube» в Германии, «redelijkheid en billijkheid» и «goede trouw» в Голландии³.

А.М. Ширвиндт отмечает, что при обсуждении добросовестности, любой исследователь неминуемо сталкивается с ключевым вопросом правовой методологии: как в тех условиях, когда главная роль права состоит в обеспечении формального равенства субъектов, которое всегда предполагает аналогичное решение однотипных казусов, обеспечить справедливое разрешение каждого индивидуального случая в зависимости от конкретных обстоятельств. От ответа на этот вопрос, по мнению автора, в значительной степени зависит и понимание роли добросовестности в современном праве⁴.

Указанное предопределило анализ различных подходов к пониманию добросовестности в гражданском праве.

Добросовестность можно рассматривать как важный нравственный ориентир, который определяет приемлемые этические границы поведения лица.

Как отмечает в сегодняшние дни А.Г. Карапетов: «зачастую ссылка на нарушение принципа добросовестности означает моральное осуждение некоего поведения участника оборота, нарушающего представления о должной деловой этике и справедливости»⁵. При этом еще И.Б. Новицкий подчеркивал, что добросовестность «таит в себе такие элементы, как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении»⁶.

Добросовестность в гражданском праве представляет собой принцип, отражающий необходимость поиска нравственного и поведенческого баланса между эгоистическими и альтруистическими мотивами участника

³ См.: Jansen N., Zimmerman R. Commentaries on European Contract law/Oxford University Press. 2018. p. 104 (author-J.P. Schmidt).

⁴ См.: Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева, Отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 210-214.

⁵ См.: Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012. С. 307.

⁶ См.: Новицкий И.Б. Принцип добросовестности в проекте обязательственного права // *Вестник гражданского права* № 1. 2006. Издательский дом В. Ема. Москва. С. 129.

правоотношений. С точки зрения правового регулирования, добросовестное лицо не должно руководствоваться исключительно своими личными мотивами в ущерб интересам других субъектов правоотношений, что исключает проявления недобросовестного поведения. Вместе с тем, принцип добросовестности не обязывает лицо полностью подчинять свои действия интересам других лиц, что отражает разумный компромисс — уважение к правам и свободам других участников гражданских правоотношений при сохранении автономии воли каждой стороны.

В то же время в юридической литературе встречаются и работы, авторы которых высказывают иные, достаточно радикальные взгляды.

Например, предлагается полностью отказаться от принципа добросовестности и признать, что эта категория не имеет какого-то позитивного содержания, а является лишь ссылкой, которую используют суды для коррекции права. Такую точку зрения отстаивает, в частности, М. Хесселинек, указывая, что принцип добросовестности является лишь «пустой оболочкой», которую суды используют, когда осуществляют собственное правотворчество⁷.

Оба обозначенных подхода имеют свои недостатки.

Первый подход, основанный на нравственном осмыслении принципа добросовестности, противопоставляет право нравственности и допускает, что право (именно объективное, а не закреплённое в законе, позитивное) может иметь пробелы, которые должны восполняться с помощью обращения к нравственному ориентиру, который варьируется от случая к случаю. Такое понимание потенциально создаёт следующую проблему: суды, осознавая, что право может быть несправедливым, будут решать дела в соответствии со своими личными представлениями о справедливости, что приведёт к нарушению принципа формального равенства и базовых категорий правовой догматики, которые выполняют функцию «фильтра» и отделяют правовое от неправового.

⁷ См.: Хесселинек М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157-187.

А.Д. Рудоквас справедливо замечает: «наличие в континентальных правовых порядках «общих оговорок» относительно добросовестности, разумности и справедливости с неизбежностью приводит к формированию судебной практикой нормативного массива «второго уровня» по отношению к позитивному праву, порождая дуализм любой правовой системы»⁸.

Второй подход, отрицающий принцип добросовестности как самостоятельную категорию и предлагающий признать функцию суда по своему усмотрению осуществлять правотворчество, также не может быть поддержан безоговорочно. В частности, при отказе от принципа добросовестности и признании правотворческой роли суда, необходимы четкие ориентиры, которыми должен руководствоваться суд при осуществлении этого правотворчества. Вряд ли может быть поддержана идея произвольной корректировки права судом⁹ – суду необходим правовой ориентир, от которого он будет отталкиваться при вынесении решения.

Можно утверждать, что принцип добросовестности должен иметь позитивное значение, при этом такое значение должно быть правовым, а не нравственным. Это не исключает возможность судебного правотворчества, которое можно поддержать, исходя из того, что инструмент коррекции строгого права посредством *bona fides* был известен ещё со времён римского права.

Так, Я.П. Шмидт отмечает, что в римском праве *bona fides* превратилась из этического стандарта в юридический концепт, который не только играл значительную роль в развитии обязательственного и вещного права, но и позволял суду в конкретных обстоятельствах очертить рамки правоотношений сторон в соответствии со стандартом добросовестности, а также отклонить иск лица в случае, если его поведение прямо противоречило этому стандарту (*dolus*

⁸ См.: Rudokvas A.D. Trust and Fiduciary Ownership in Russia// KLRI Journal of Law and Legislation. V. 7. № 2, 2017. pp. 43-70.

⁹ К слову, для некоторых юристов такая методология была вполне приемлемой. Например, на волне борьбы с «юриспруденцией понятий» (*Begriffsjurisprudenz*) и её дедуктивной логикой решения дел на основе абстрактных понятий, в Германии XX века, появилось идеологическое течение «свободных юристов» (*frei Juristen*), которые предлагали отказаться от строгой дедуктивной логики и предоставить судьям возможность принимать решения, основываясь на собственном опыте и социальных соображениях, которые казались им заслуживающими внимания (см. Gordley J. The jurists. A critical history. Oxford University Press. 2013. p. 281-287).

malus как антипод *bona fides*)¹⁰. Следует признать, что суд при осуществлении такого правотворчества должен осуществлять именно поиск права, основываясь на правовом ориентире, а не только следовать нравственным установкам или собственным предпочтениям.

Примечательно, что в российском праве добросовестность уже стабильно подразделяют на «субъективную» и «объективную». При этом первую традиционно понимают, как извинительное незнание лица об определённых обстоятельствах, вторую – как некий объективный ориентир, которому должно соответствовать поведение любого лица¹¹. На это обращает внимание, например, Э.П. Гаврилов, отмечающий, что понятие добросовестности в действующем ГК РФ имеет два значения: незнание владельца имущества о неправомерности своего владения (добросовестность в субъективном смысле) и соответствие действий управомоченного субъекта «доброй совести», общим принципам справедливости, морали, нравственности (добросовестность в объективном смысле)¹².

В то же время Я.П. Шмидт, рассматривая соотношение «субъективной» и «объективной» добросовестности во французском праве, делает вывод, что подобная терминология является «вводящей в заблуждение», поскольку субъективные и объективные элементы могут приниматься во внимание при обсуждении обоих видов добросовестности¹³. Например, при определении того, должно ли было лицо знать об определённом факте, принимается во внимание не субъективный момент, а объективные – обстоятельства, в которых находилось лицо. В то же время при определении того, действовало ли лицо в соответствии с объективным правилом поведения, могут приниматься во внимание субъективные моменты – мотивы лица или знание об определённых обстоятельствах.

¹⁰ См.: Jansen, N., Zimmerman, R. Commentaries on European Contract Law. Oxford : Oxford University Press, 2018. p. 108

¹¹ См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2020. С. 107. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)

¹² См.: Гаврилов Э.П. О введении в Гражданский кодекс РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности // Хозяйство и право. 2013. № 8. С. 1-9.

¹³ См.: Jansen N., Zimmerman R. Commentaries on European Contract law. Op.cit. p. 104.

Изложенное позволяет настаивать на том, что жёсткой разграничительной черты между видами добросовестности проводить не стоит, а случаи извинительного незнания следует рассматривать лишь в качестве одного из частных проявлений единого общего принципа добросовестности. В связи с этим можно согласиться с мнением Д.В. Дождева, который отмечает, что право является средой формально равных субъектов, которые подчинены единому регулированию¹⁴.

С учетом сказанного можно заключить, что лицо, вступающее в правовое отношение и принимающее «правила игры», становится формальным субъектом взаимодействия, которому право вменяет определённые правила поведения и обязанность следовать ему. Принцип добросовестности является олицетворением этого общепринятого правила поведения – он предполагает, что участник гражданского правоотношения должен быть справедлив по отношению к другим и всегда может ожидать такого же справедливого отношения к себе самому. Этот постулат является по своей сути проявлением кантианского «категорического императива»: субъект свободен, потому что относится к другим как к свободным, а они, в свою очередь, относятся как к свободному к нему¹⁵. Отношение участника правового общения к другим лицам как к добросовестным, соответствующим определённому ориентиру поведения, предопределяет аналогичное отношение других участников правового общения к нему самому, а любые отклонения от этого ориентира поведения считаются противоправными.

Принцип добросовестности можно назвать своего рода точкой перехода (мостиком) к регуляторам и ценностям более высокого уровня¹⁶, он является существенной связующей нитью между (писаным) и (неписаным) правом¹⁷ и

¹⁴ См.: Дождев Д.В. Правовое общение: опыт римского права/ Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Исслед. Центр част. Права им. С.С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. Права. Москва: Статут, 2021. С. 140-142.

¹⁵ См.: Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. / Д. В. Дождев; Исслед. центр част. права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. права. – Москва: Статут, 2021. 927 с.

¹⁶ См.: Zimmerman R., Whittaker S. Good Faith in European Contract Law (The Common Core of European Private Law). Cambridge University Press. 2000. p. 23.

¹⁷ См.: Purner, S. Principle of Good Faith in German Case-Law // Zb. Prav. Fak. Sveuc. Rij. 2004. Vol. 25. P. 259.

доминирует над всей правовой жизнью¹⁸. Как указывает Р.Р. Лугманов: «в настоящее время принцип добросовестности работает как «аварийный клапан» для снятия напряжения между писаным правом и фактическими обстоятельствами дела, которые нельзя игнорировать, позволяет праву развиваться, своевременно отражая социально-экономические изменения даже без соответствующей коррекции буквы закона»¹⁹.

Основными источниками для поиска ответов на вопросы, возникающие при применении принципа добросовестности, выступают законы и договоры, изредка обозначаемые в юридической литературе как «фиксированные тексты»²⁰. В то же время нельзя игнорировать то обстоятельство, что закон иногда устаревает в момент его принятия²¹. В судебной практике признается, что при оценке добросовестности сторон нужно исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей²². Через такие генеральные оговорки, как принцип добросовестности или добрые нравы, которые требуют наполнения конкретного решения оценочными критериями, закон дает возможность влияния на себя²³. При этом в литературе справедливо отмечается, что упоминать

¹⁸ См.: Beauridge, J. Understanding Good Faith in the Context of Contractual Performance. Lessons to Learn from the German System // AGLJ. 2016. Vol. 2. P. 41.

¹⁹ См.: Лугманов Р.Р. Информационные обязанности, вытекающие из принципа добросовестности. Правовой и экономический анализ. Москва: М-Логос, 2022. С. 45.

²⁰ См.: Kilian, W. Zur Auslegung zivilrechtlicher Verträge // Koch, H.-J. Juristische Methodenlehre und analytische Philosophie. — Regensburg, 1976. — P. 278.

²¹ См.: Schwab D., Löhning M. Einführung in das Zivilrecht. 19. Auflage. Heidelberg, 2012. Rn. 97.

²² Пункт 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». См. определения ВС РФ от 10 февраля 2023 г. по делу № А79-7675/2021, от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2, от 23 ноября 2022 г. № А43-3349/2021, от 8 февраля 2022 г. № 5-КГ21-175-К2, от 18 января 2022 г. № 18-КГ21-161-К4, от 2 февраля 2021 г. № 51-КГ20-12-К8, 2-5/2018, от 21 января 2020 г. № 18-КГ19-147, от 11 февраля 2019 г. по делу № А65-31592/2017, от 9 января 2018 г. № 50-КГ17-27, от 20 сентября 2016 г. № 49-КГ16-18, от 30 августа 2016 г. № 78-КГ16-36, от 9 августа 2016 г. № 21-КГ16-7, от 09.08.2016 N 21-КГ16-6, от 19 июля 2016 г. № 18-КГ16-61, от 21 июня 2016 г. № 78-КГ16-24, от 14 июня 2016 г. № 52-КГ16-4, от 26 апреля 2016 г. № 45-КГ16-2, от 19 апреля 2016 г. № 83-КГ16-4, от 19 апреля 2016 г. № 9-КГ16-3, от 19 апреля 2016 г. № 5-КГ16-51 от 12 апреля 2016 г. № 19-КГ16-5, от 29 марта 2016 г. № 5-КГ16-28, от 19 января 2016 г. по делу № А40-138793/2010, от 19 января 2016 г. по делу № А40-138789/2010, от 28 декабря 2015 г. по делу № А63-4164/2014, от 7 июля 2015 г. по делу № 78-КГ15-7, Постановление КС РФ от 27 октября 2015 г. № 28-П // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: Canaris C.-W. Systemdenken und Systembegriff in der Jurisprudenz. 2. Auflage. Berlin, 1983. P. 72.

добросовестность в законе по любому поводу нецелесообразно хотя бы с точки зрения экономии средств юридической техники²⁴.

Резюмируя, можно сделать вывод, что принцип добросовестности является формальным абстрактным правовым ориентиром поведения, которому должно соответствовать поведение всех участников гражданских правоотношений в силу принципа формального равенства. Отступление от этого правила позволяет охарактеризовать действие лица, его совершившего, в качестве противоправного действия.

Проведённый анализ показывает, что добросовестность следует рассматривать как общий принцип поведения, а не как чётко сформулированный и определённый механизм. Как отмечал М.М. Агарков: «Начало доброй совести, введенное в надлежащие рамки, означает не что иное, как честность в отношениях между людьми. Оно означает, что каждый должен оправдать то доверие, без которого невозможно совершение гражданских сделок... Начало доброй совести означает борьбу с прямым или косвенным обманом, с использованием чужого заблуждения или непонимания»²⁵.

При этом надо заметить, что в юридическом языке всё чаще используется выражение «стандарты поведения», тогда как в российском законодательстве оно не имеет чёткого определения. В судебной практике и в частности в позициях ВС РФ суть подобных выражений касающиеся принципа добросовестности, часто ограничиваются общими формулировками: «Российское законодательство содержит повышенный стандарт поведения предпринимателей в гражданских правоотношениях (п. 3 ст. 401 ГК РФ) и стандарт ожидаемого добросовестного поведения при ведении ими деятельности (ст. 10 ГК РФ)»²⁶.

Аналогичное «общегражданскому» понимание принципа добросовестности без каких-либо изъятий может распространяться на право интеллектуальной

²⁴ См.: Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 65-77.

²⁵ См.: Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 2. М., 2002. С.375–376.

²⁶ Определение Верховного Суда РФ от 08.06.2016 по делу № А20-2391/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

собственности, поскольку здесь также есть все основания говорить именно об «объективной» добросовестности как правиле, которому должно соответствовать поведение любого лица. В частности, тщательный анализ международных соглашений по вопросам интеллектуальной собственности дает все основания для вывода о том, что добросовестность в них понимается в объективном смысле и трактуется, в частности, Парижской конвенцией как «честные обычаи в промышленных и торговых делах» (ст. 10 bis).

Принцип добросовестности упоминается и в российском законодательстве, непосредственно посвященном регламентации интеллектуальных прав, а именно: в п. 1 ст. 1361 и п. 2 ст. 1466 ГК РФ.

В первом случае речь идет о предоставлении права преждепользования лицу, которое добросовестно использовало на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение или решение, отличающееся от изобретения только эквивалентными признаками, либо сделало необходимые к этому приготовления. Во втором случае – о том, что лицу, которое добросовестно становится обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства.

Впрочем, встречаются и случаи, когда в действующем законодательстве об интеллектуальной собственности упоминается именно «субъективная» добросовестность. Например, в силу п. 5 ст. 1405 ГК РФ не являются нарушением исключительного права обладателя патента на секретное изобретение действия, предусмотренные ст. 1359 ГК РФ (действия, не являющиеся нарушением исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец), а также использование секретного изобретения лицом, которое не знало и не могло на законных основаниях знать о наличии патента на данное изобретение.

В рамках данной работы важно подчеркнуть специфику принципа добросовестности, которая отражена в указанных нормах. В отличие от классического обязательственного права, где данный принцип направлен

преимущественно на учёт интересов конкретного лица, в сфере интеллектуальной собственности его применение значительно расширяется. Здесь добросовестность требует соблюдения норм поведения не только в отношении с конкретным лицом, но и по отношению ко всем третьим лицам в целом. Такая специфика напрямую связана с абсолютным характером исключительных прав, при котором их правообладатель обязан проявлять добросовестность по отношению ко всем субъектам гражданского оборота. Это объясняется тем, что абсолютные права, которыми являются исключительные права, влекут за собой универсальную пассивную юридическую обязанность третьих лиц воздерживаться от их нарушения.

В связи с этим интерес вызывает позиция С.А. Сеницына, который считает, что всеобщая пассивная юридическая обязанность третьих лиц воздерживаться от нарушения субъективного права не является по своей природе гражданско-правовой и подчеркивает, что «ее соблюдение не влечет возникновения гражданско-правовых последствий, являясь общей публичной регулятивно-охранительной юридической обязанностью, касающейся всех без исключения лиц, подчиненных государству и санкционированным им источникам права»²⁷.

В то же время, исходя из абсолютного характера исключительного права, можно утверждать, что обладание этим правом предопределяет обязанность обладателя соответствующего права вести себя добросовестно по отношению ко всем третьим лицам. При этом определяющее значение приобретает фигура потребителя, введение которого в заблуждение недопустимо и о благе которого должен заботиться всякий обладатель исключительного права.

В развитие вышесказанного можно указать, что в разъяснениях Пленума ВС РФ прямо упоминались, в частности: возможность защиты права на наименование некоммерческой организации через механизмы противодействия

²⁷ См.: Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. №2 (230). С.55.

недобросовестной конкуренции²⁸, возможность признания действия администратора по приобретению права на доменное имя в качестве акта недобросовестной конкуренции²⁹, возможность признания использования ключевых слов (словосочетаний), тождественных или сходных до степени смешения с принадлежащим другому лицу средством индивидуализации, актом недобросовестной конкуренции³⁰.

В свое время ВАС РФ указывал: «суд на основании положений ст. 10 ГК РФ вправе по собственной инициативе, исходя из имеющихся фактических обстоятельств, признать в рамках рассмотрения дела об оспаривании решения Роспатента об отказе в признании недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку действия лица по регистрации товарного знака злоупотреблением правом»³¹.

Кроме того, при разрешении конкретного дела ВАС РФ отмечал, что сам факт обращения за регистрацией товарного знака на имя определённой компании может представлять собой злоупотребление правом, так как регистрация подобного товарного знака может способствовать введению в заблуждение потребителей, что противоречит принципу добросовестности, а, следовательно, подпадает под установленный в ст. 10 ГК РФ запрет злоупотребления правом. Обозначенная позиция ВАС РФ подтверждает мысль о том, что принцип добросовестности в праве интеллектуальной собственности налагает на лицо обязанность соответствовать определённому правилу поведения ко всем третьим лицам, а не только по отношению к своему контрагенту. В числе таких третьих лиц могут выступать, например, потребители, введение которых в заблуждение недопустимо.

²⁸ Пункт 147 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Пункт 158 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Пункт 172 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Пункт 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Для российского права характерно и такое частное проявление принципа добросовестности, как эстоппель – запрет противоречивого поведения.

В зарубежной литературе данный инструмент раскрывается через запрет постоянно менять свою точку зрения относительно одного и того же дела либо в зависимости от частных интересов настаивать в разные периоды времени на правдивости двух противоположных утверждений³².

Эстоппель активно используется российскими судами при рассмотрении патентных споров и чаще всего применяется в ситуации, когда правообладатель делает различные заявления относительно объема патентной формулы в разных судебных делах или перед разными государственными органами³³.

В частности, СИП со ссылкой на эстоппель при рассмотрении конкретных дел неоднократно указывал, что «недопустимым представляется различное толкование патентообладателем одного признака независимого пункта формулы различным образом при рассмотрении различных возражений»³⁴. По мнению данного суда, главная задача, которую призван разрешить эстоппель, состоит в недопущении, чтобы из-за непоследовательности в своем поведении одна спорящая сторона выгоду в ущерб другой стороне, которая, действуя добросовестно, опиралась на юридическую ситуацию, сформированную первой стороной³⁵.

Эстоппель начинает применяться также в авторском праве, но он не охватывает случаи недобросовестного поведения сторон договоров, например, лицензионных и иных, заключаемых в сфере авторского права, поскольку для этой ситуации есть соответствующие договорные эстоппели³⁶. Например,

³² Цит. по: Anenson T.L. The Triumph of Equity: Equitable Estoppel in Modern Litigation//Review of Litigation. 2008. Vol. 27//<https://ssrn.com/abstract=1013106>.

³³ См.: Ворожевич А.С. Принцип эстоппеля в патентном праве: основания и практика применения // Закон. 2020. № 4. С. 88-106; Сеницын С.А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 55-97.

³⁴ Постановления Президиума СИП от 02.11.2018 № С01-902/2018 по делу № СИП-191/2018, от 24.04.2019 № С01-62/2019 по делу № А14-6218/2017, от 18.02.2019 № С01-1113/2018 по делу № СИП-688/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Постановление Президиума СИП от 21 ноября 2019 г. по делу № СИП-326/2019// СПС «КонсультантПлюс»

³⁶ См.: Яценко Т.С. Эстоппель в авторском праве: условия и пределы использования // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 10. С. 13-19.

эстоппель применим, когда истец сначала не отрицает идентичность спорных объектов авторского права, а затем отстаивает противоположную позицию – в такой ситуации суд, используя механизм эстоппеля, отказывает в истцу в требовании о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на произведение³⁷.

Принцип добросовестности в праве интеллектуальной собственности тесно связан с запретом на недобросовестную конкуренцию. В качестве общего правила предполагается, что в сфере интеллектуальной собственности правообладатели и все третьи лица не должны действовать в противоречие с принципом добросовестности для достижения конкурентных преимуществ, включая дискредитацию³⁸, введение в заблуждение³⁹, недобросовестное использование результатов интеллектуальной деятельности⁴⁰ и обозначений тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками правообладателей⁴¹ или недобросовестно приобретать и использовать права на средства индивидуализации⁴², а также и совершение других действий, которые могут нанести ущерб конкурентам.

Запрет недобросовестной конкуренции способствует развитию эффективного рынка интеллектуальной собственности и создаёт оптимальную среду для развития инновационной деятельности. В связи с этим в зарубежной литературе отмечается: в силу того, что интеллектуальные права защищают определённые инновационные решения, которые являются крайне важными для общества, оно должно использовать в своей деятельности в том числе и инструментарий антимонопольного права для целей пресечения недобросовестной конкуренции, сдерживающей общественный прогресс и препятствующей появлению новых технологических решений⁴³.

³⁷ Постановление СИП от 23 августа 2021 г. по делу № А40-306089/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

³⁸ Статья 14.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции»

³⁹ Статья 14.2 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции»

⁴⁰ Статья 14.5, 14.7 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции»

⁴¹ Статья 14.5, 14.7 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции»

⁴² Статья 14.4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции»

⁴³ Anthony S. F. Antitrust and Intellectual Property Law: From Adversaries to Partners // AIPLA QJ. 2000. Т. 28. Р. 1.

Резюмируя, следует констатировать следующее. Принцип добросовестности в настоящее время широко применяется в сфере интеллектуальных прав. Требование о соответствии добросовестному поведению предъявляется к действиям, связанным как с возникновением, так с осуществлением и защитой исследуемой разновидности прав. В праве интеллектуальной собственности с учетом абсолютного характера исключительных прав, обязанность соответствовать добросовестности вменяется обладателю исключительного права не только по отношению к конкретному контрагенту, а по отношению ко всем третьим лицам.

В дополнение к вышесказанному стоит отметить, что в действующем законодательстве об интеллектуальной собственности не установлены чёткие критерии, позволяющие определить, соответствуют ли действия правообладателя принципу добросовестности. Поэтому для понимания, какие действия могут быть признаны злоупотреблением правом и недобросовестным поведением, необходимо обращаться к положениям, выработанным правоприменительной, и прежде всего, разумеется, судебной практикой.

Изложенное требует проведения сопоставительного анализа функций, выполняемых принципом добросовестности в гражданском праве в целом и в праве интеллектуальной собственности в частности.

В зарубежной доктрине существуют различные классификации функций принципа добросовестности. Например, в Германии выделяют такие функции принципа добросовестности как установление дополнительных обязанностей, ограничение осуществления прав и отпадение основания сделки⁴⁴. В итальянской доктрине нашли закрепление дополняющая (*funzione integrative*) и оценочная (*funzione valutativa*) функции⁴⁵. В Нидерландах в качестве функций принципа добросовестности называют дополняющую (*aanvullende werking*) и

⁴⁴ См.: Knopp W., Siebert W., in: Soergel. Bürgerliches Gesetzbuch. 10th ed. Stuttgart - Berlin - Köln - Mainz, 1967. § 242. P. 34 ff.

⁴⁵ См.: Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157 - 187.

ограничительную (*beperkende werking*) функции⁴⁶. В Бельгии у принципа добросовестности насчитывают три основных функции: интерпретирующую (*fonction interpretative*), дополняющую (*fonction complementive*) и ограничительную (*fonction restrictive, limitative, mode ratrice*)⁴⁷.

В российской правовой науке особое место занимает классификация, разработанная К.В. Намом, который выделил и обосновал четыре функции принципа добросовестности в гражданском праве⁴⁸.

Первой была названа конкретизирующая функция: в соответствии с ней имеющиеся у сторон права и обязанности должны осуществляться с учётом принципа добросовестности. Как отмечает М.В. Демьянова, «суть конкретизирующей функции состоит в уточнении существующих прав и обязанностей в целях их добросовестной реализации»⁴⁹.

В качестве второй должна быть указана «дополняющая функция»: по мнению К.В. Нама, из договора, даже при большом желании, невозможно вывести все обязанности сторон, в соответствии с которыми последние должны действовать, однако данная функция позволяет приписать сторонам те обязанности, которые хотя и напрямую не указаны в договоре или законе, но тем не менее следуют из принципа добросовестности.

Третьей в классификации К.В. Нама называлась ограничительная функция: на взгляд ученого, она позволяет ограничить действие правовой нормы или субъективного права в том случае, если эта норма или это субъективное право осуществляются в противоречие с принципом добросовестности. Как пишет Н.В. Зайцева: «Наличие у добросовестности ограничительной функции показывает

⁴⁶ См.: Asser, C., Hartkamp, A.S. *Verbintenissenrecht. 2: Algemene Leer Der Overeenkomsten*. 12e druk. Deventer : Kluwer, 2005.

⁴⁷ См.: Herbots, J. *Contract Law in Belgium*. № 272; Perilleux, J. *Rapport belge // Travaux de l'association Henri Capitant*. T. XLIII. 1994. *Journées louisianaises de Baton-Rouge et La Nouvelle Orléans, «La bonne foi»*. Paris, 1994. P. 250.

⁴⁸ См.: Нам К.В. *Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: М-Логос, 2023. С. 127.

⁴⁹ См.: Демьянова М.В. *Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика*. 2021. № 9. С. 54 - 59

сложную правовую связь между данным принципом и понятием злоупотребления правом»⁵⁰.

В качестве четвертой функции принципа добросовестности получила обоснование корректирующая функция: она позволяет корректировать отношения сторон с учётом принципа добросовестности, например, призывает кредитора учесть интересы должника в случае, когда для последнего исполнение своего обязательства является чрезмерно обременительным и позволить ему освободиться от обязательства⁵¹.

Различные проявления обозначенных функций принципа добросовестности можно обнаружить в праве интеллектуальной собственности.

В частности, наиболее явно иные функции принципа добросовестности (дополняющая, конкретизирующая и корректирующая) проявляется в договорных отношениях по поводу использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а именно при толковании подразумеваемых лицензий в рамках договора между правообладателем и лицензиатом. Поскольку такая лицензия возникает либо в силу обычаев делового оборота, либо в силу закона при отсутствии письменного соглашения между сторонами⁵², то определение делового обычая возможно именно с учетом принципа добросовестности, чтобы лицо с сильной переговорной позицией не могло ограничить заинтересованное лицо в получении тех прав, которое оно получит при добросовестном взаимодействии.

В то же время в отношении интеллектуальных прав особо заметно проявляется ограничительная функция принципа добросовестности, что подтверждают нормы действующего законодательства.

В п. 1 ст. 1361 ГК РФ установлено, что лицо, которое до даты приоритета изобретения, полезной модели или промышленного образца добросовестно

⁵⁰ См.: Зайцева Н.В. Субъективный фактор в частном праве: монография. Москва: Статут, 2023. С.98.

⁵¹ Один из самых явных примеров норм, отражающих эту функцию – ст. 451 ГК РФ, которая позволяет расторгнуть или изменить договор в случае существенного изменения обстоятельств.

⁵² См.: Войниканис Е.А., Якушев М.В. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. М.: Волтерс клувер, 2004. С. 112.

использовало на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение или решение, отличающееся от изобретения только эквивалентными признаками, либо сделало необходимые к этому приготовления, сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование тождественного решения без расширения объема такого использования. В данной норме закона четко проявляется ограничительная функция принципа добросовестности: если лицо осуществляло преждепользование в противоречие с добросовестностью, то действие этой правовой нормы в отношении такого лица ограничивается, и оно не сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование тождественного решения.

Ещё одним примером применения ограничительной функции принципа добросовестности является п. 2 ст. 1466 ГК РФ: «лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на этот секрет производства». Здесь действие нормы также ограничивается в том случае, если лицо, становящееся обладателем секрета производства, ведёт себя в противоречие добросовестностью.

Сказанное подтверждает значимость ограничительной функции принципа добросовестности в контексте права интеллектуальной собственности. Именно эта функция в конечном счете предопределяет установление определенных рамок для действий правообладателя и предотвращает злоупотребление исключительным правом. Это важно для поддержания баланса интересов между правообладателями и обществом, а также для предотвращения монополизации рынка и ограничения конкуренции.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сделать ряд выводов.

1. Принцип добросовестности является формальным абстрактным правовым правилом поведения, которому должно соответствовать поведение всех участников гражданских правоотношений в силу принципа формального равенства. Отступление от этого требования позволяет охарактеризовать действие

лица, его совершившего, в качестве противоправного действия. Проведённый анализ показывает, что добросовестность следует рассматривать как общий принцип поведения, а не как чётко сформулированный и определённый механизм.

2. Принцип добросовестности в настоящее время широко применяется в сфере интеллектуальных прав. Требование о соответствии требованиям добросовестного поведения предъявляется к действиям, связанным как с возникновением, так и с осуществлением и защитой исследуемой разновидности прав. В праве интеллектуальной собственности с учетом абсолютного характера интеллектуальных прав, обязанность соответствовать требованиям добросовестного поведения вменяется обладателю таких прав по отношению ко всем третьим лицам, а не только по отношению к конкретному контрагенту, как, например, в обязательственном праве. При этом для понимания, какие действия могут быть признаны злоупотреблением правом и недобросовестным поведением, необходимо обращаться к положениям, выработанным судебной практикой.

3. Принцип добросовестности в контексте права интеллектуальной собственности в первую очередь выполняет ограничительную функцию. Эта функция устанавливает рамки для действий правообладателя, предотвращает злоупотребления с его стороны и предъявляется к действиям, связанным с возникновением, осуществлением и защитой интеллектуальных прав. Другие функции принципа добросовестности, такие как дополняющая и корректирующая, проявляются в договорных отношениях по использованию результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации и затрагивает вопросы толкования права и обязанностей сторон по договору.

1.2. Недобросовестное поведение и злоупотребление правом как антиподы добросовестности

На протяжении всего процесса исторического развития права в разные периоды доминировали различные концепции субъективного права. Среди них можно упомянуть и волевою теорию субъективного права, и теорию субъективного права как интереса, и смешанные теории субъективного права.

По мнению С.В. Третьякова, наиболее убедительной является распорядительная теория субъективного права⁵³, которая представляет собой усовершенствованную версию классической волевой теории субъективного права. Эта теория исходит из предположения, согласно которому критерием субъективного права является распорядительность, которая понимается в широком смысле: не только как возможность отчуждения права, но и как возможность его осуществления по воле субъекта в принципе. При таком понимании ключевое значение приобретает воля субъекта – обладателя права, поскольку именно в сфере его контроля находится возможность распоряжения правом. Субъект в этой сфере контроля волен делать любой выбор: осуществлять право или не осуществлять, пользоваться им или не пользоваться, отчуждать это право, беспрепятственно отказываться от него.

Представляется, что исключительное право может быть проанализировано через призму распорядительной теории субъективного права. При этом исключительное право должно пониматься как одна из разновидностей субъективных прав: в частности, Н.Б. Спиридонова подчеркивает, что исключительное право необходимо рассматривать аналогично с классическим субъективным гражданским правом⁵⁴.

Помимо указанного, как верно отмечает М.А. Рожкова, акцент в структуре исключительного права должен делаться именно на позитивных правомочиях, а не на негативном правомочии, содержание которого составляет запрет третьим

⁵³ См.: Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... д-р. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2022. С. 382-467.

⁵⁴ См.: Спиридонова Н.Б. Структура исключительного права: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Москва, 2022. С. 36.

лицам без согласования с правообладателем использовать нематериальный объект, выступающий объектом интеллектуальной собственности⁵⁵.

Поддерживая изложенные выводы, следует согласиться с тем, что в анализе исключительного права, как права абсолютного, основное внимание должно уделяться именно собственному поведению управомоченного лица (обладателя исключительных прав), сфере его контроля над использованием объекта и распоряжением правами на него. Вместе с тем следует определить пределы допустимого осуществления субъективного исключительного права и допустимость тезиса о наличие каких-либо пределов, кроме установленных законом запретов, и соотнести это с принципом добросовестности.

В действующем гражданском законодательстве запрет осуществления прав исключительно во вред другому лицу, а также запрет недобросовестного осуществления прав закреплены в ст. 10 ГК РФ. По сути, в данной статье содержатся два «ограничителя» осуществления лицом своего права: шикана (злоупотребление правом) и осуществление своего права в противоречие с принципом добросовестности.

Итальянский юрист Филиппо Раниери подробно раскрыл, как эти два ограничителя описываются во французской доктрине⁵⁶. Раниери пишет, что Раймод Салейль исходит из понимания концепции злоупотребления правом как ненормального осуществления права, которое подразумевает использование субъективного права за пределами его экономической и социальной цели. При этом Салейль, характеризуя запрет «*abuse de droit*», не говорит об осуществлении субъективного права исключительно с умыслом на причинение вреда (*animus nocendi*) – для него ключевой характеристикой злоупотребления правом является экономическая и социальная нецелесообразность осуществления последнего.

Этьен Люи Жоссеран, рассматривая поведение лица как «*abuse de droit*», считал необходимым руководствоваться одним из двух критериев: либо лицо

⁵⁵ См.: Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: Монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2018. С.159-161.

⁵⁶ См.: The Max Planck Encyclopedia of European Private Law / Filippo Ranieri // Volume 1. Great Clarendon Street, Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 5–6.

имеет предосудительный умысел на причинение вреда, либо субъективное право осуществляется в противоречие его целям вне зависимости от наличия умысла.

Анализируя изложенные позиции, в первую очередь следует определиться с тем, почему вообще лицо, которое обладает определенным правом, должно при его осуществлении принимать во внимание какую-то цель, которой это право должно служить. Ответ на этот вопрос требует ретроспективного взгляда на возникновение идеи о цели права, которая в итоге нашла отражение в том числе и в российском гражданском законодательстве.

Рудольф фон Иеринг критиковал формализм пандектистики и призывал от него отказаться⁵⁷. Разрабатывая собственную теорию субъективного права, в центре которой, по его мнению, является интерес, ради которого это право осуществляется, он исходил из того, что любое право обладает интересом, ради которого оно осуществляется.

Теория интереса Иеринга оказала значительное влияние на отечественных дореволюционных правоведов, ярким примером чего является позиция Ю.С. Гамбарова. Будучи сторонником Иеринга, Ю.С. Гамбаров пишет, что каждое субъективное право имеет в качестве своей цели служение общественному интересу, и если право осуществляется в противоречии с этим интересом, для нанесения вреда другому, то такое осуществление права недопустимо⁵⁸.

Дискуссия о злоупотреблении правом продолжилась в советский период. Так, В.П. Грибанов отмечал, что, когда лицо использует «дозволенный законом общий тип поведения» в «недозволенных конкретных формах реализации», оно допускает злоупотребление правом⁵⁹. По мнению ученого, субъективному праву присущи некоторые недозволенные формы реализации, причем эти недозволенные формы реализации определяют присущие каждому субъективному праву пределы его осуществления.

⁵⁷ См.: Ihering, R. von. Im juristischen Begriffshimmel. Scherz und Ernst in der Jurisprudenz. Leipzig, 1884.

⁵⁸ См.: Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть: научное издание / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2013. С. 380-389.

⁵⁹ См.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1991. С. 53.

Как признает В.П. Грибанов, такого рода «недозволенные формы реализации» существуют в рамках «дозволенного законом поведения», то есть, поведение является законным, но при этом недозволенным, границы этого поведения предопределяются отнюдь не законом, а некими социальными целями, которым должно служить то или иное субъективное право. Изложенное позволяет усматривать определенное сходство позиции В.П. Грибанова с воззрениями Ю.С. Гамбарова, видевшим злоупотребление правом как законное, но противоречащее цели субъективного права поведение.

Более радикальным можно признать мнение А.Г. Гойхбарга, который исходил из того, что каждое право должно осуществляться в соответствии с его социально-хозяйственным назначением и для достижения определённой общей цели, вследствие чего осуществление права в противоречие с этой целью должно считаться злоупотреблением правом⁶⁰. Умозаключение о «социально-хозяйственном назначении» права видится вполне объяснимым, ибо возникло под влиянием советской коллективистской идеологии, в соответствии с которой интересы личности всегда уступают общественным интересам и должны им служить, а также и под возможным влиянием французского юриста Леона Дюги и его представления о праве как о «социальной функции»⁶¹ (в частности, О.С. Иоффе прямо обвинял А.Г. Гойхбарга в «дюгизме»⁶²).

Противоположное вышеизложенному мнению о природе злоупотребления правом высказывал М.М. Агарков. Он указывал на то, что представление о недопустимости осуществления права является логическим противоречием, ведь поведение лица либо «является осуществлением его права, следовательно, правомерным, либо это поведение неправомерно и, следовательно, не является осуществлением права»⁶³.

⁶⁰ См.: Гойхбарг А.Г. Применение гражданских законов судом // Советское право. 1923. № 3. С. 10–11.

⁶¹ См.: Подробнее о представлениях Л. Дюги см.: Третьяков С.В. Критика понятия субъективного частного права как критика принципа автономии воли // Законодательство. 2021. № 12. С. 69-75.

⁶² О воззрениях А.Г. Гойхбарга и других советских цивилистов см.: Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) // Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут, 2020, С. 161-278.

⁶³ Агарков М.М. Указ. соч. С. 166.

При этом М.А. Агарков отмечал, что границы осуществления гражданского права могут быть определены только законом и предлагал отказаться от той законодательной формулировки, которая закрепляла запрет осуществления прав в противоречие с их социально-хозяйственным назначением.

С учетом изложенного можно утверждать, что границы осуществления права могут задаваться либо напрямую законом, и примером такой границы является шикана, либо со ссылкой на принцип добросовестности, который является выражением правового, а не социально-хозяйственного требования. Только в таких условиях может быть достигнута правовая определённость надлежащего уровня. В противном случае ссылка на социально-хозяйственное назначение прав может привести к чрезмерной подвижности границ субъективных прав, что, в свою очередь, приведёт к неустойчивости регулирования и избыточности судебского усмотрения.

Статья 10 ГК РФ содержит как прямой законодательный запрет осуществления права исключительно с целью причинения вреда другому, так и оговорку о запрете заведомо недобросовестного поведения, объединяя эти два явления под общим названием – «злоупотребление правом».

Таким образом, следует согласиться с высказанной в литературе позицией, согласно которой злоупотребление правом – это особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения⁶⁴. Это подтверждено и абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ, в котором содержится ещё два законодательных ограничения осуществления прав – запрет использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

⁶⁴ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. Статут. Серия: Классика российской цивилистики. 2000. С. 63.

Важно обозначить также и позиции, сформулированные по рассматриваемому вопросу высшими судами.

Так, КС РФ указывал, что запреты, которые установлены в ГК РФ, а в данном случае запрет на злоупотребление правом, необходимы, чтобы обеспечить исполнение положений ст. 17 Конституции РФ и работают на то, чтобы пресечь недобросовестное поведение⁶⁵.

В свою очередь ВС РФ признавал, что лицо, которое злоупотребляет своим правом, тем самым поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность⁶⁶. Как отмечается в зарубежной литературе: «Злоупотребление правом имеет место всегда, когда поведение правообладателя «вдохновлено его злобой», и именно это является отличием от ошибки, погрешности или случая при осуществлении субъективных прав»⁶⁷.

Резюмируя, можно говорить о том, что на сегодняшний день сложилось следующее понимание злоупотребления правом.

Во-первых, злоупотребление правом рассматривается как осуществление своего субъективного права исключительно с намерением причинить вред другому лицу, вследствие чего в законодательстве установлен прямой запрет в виде границы осуществления гражданского права.

Во-вторых, злоупотребление правом толкуется как всякое недобросовестное поведение лица, выраженное в форме действия или бездействия и противоречащее формальному абстрактному требованию добросовестности.

В контексте права интеллектуальной собственности понимание злоупотребления правом не отличается от общего понимания, сложившегося в

⁶⁵ Определение КС РФ от 17 июля 2014 г. № 1808-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шуклина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 и пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

⁶⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 3 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс»

⁶⁷ См.: Planiol M., Ripert G. Traite pratique de droit civil francais. T. VI: Les obligations. 2^e ed. Paris: L.G.D.J., 1952. P. 696.

рамках гражданского права. Указание в абз. 2 п. 1 ст.10 ГК РФ на запрет ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке в значительной степени относится к интеллектуальным правам.

Данный тезис подтверждается и в доктрине, где отмечается, что проблема злоупотребления доминирующим положением особо остро ощущается именно по отношению к праву интеллектуальной собственности, так как речь идёт о деятельности в сфере инноваций, и злоупотребление, например, патентообладателя своим доминирующим положением может значительно затормозить процессы технического и экономического развития⁶⁸.

Кроме того, интеллектуальные права также имеют и свои границы.

На международном уровне регулирования интеллектуальной собственности в Соглашении ТРИПС (ст. 13, 30) предусмотрена возможность стран устанавливать ограничения и изъятия для исключительного права⁶⁹. С учетом этого российский законодатель установил в п. 5 ст. 1229 ГК РФ возможность ограничения исключительного права, в том числе случаи, когда использование результатов интеллектуальной деятельности допускается без согласия правообладателей. Это, в частности, случаи свободного использования результатов интеллектуальной деятельности (ст. 1273-1279, 1306 ГК РФ), действия, не являющиеся нарушением исключительного права (ст. 1335.1, 1359, 1422, 1456, 1487, п.5 ст. 1519 ГК РФ), принудительные лицензии (ст. 1360, 1360.1 ГК РФ).

В связи со сказанным значимость приобретает вопрос границ интеллектуальных прав, на что обращали внимание еще дореволюционные исследователи. В.Д. Катков писал: «Патентная система только тогда может покоиться на прочных основаниях, когда по возможности из нее выделено все то,

⁶⁸ См.: The Cambridge Handbook of Antitrust, Intellectual property and High Tech. Cambridge University Press. 2017. p. 222-223 (author – Harry First).

⁶⁹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // СПС «КонсультантПлюс».

что способно возбуждать против неё общественное чувство, под импульсом которого одно время она может исчезнуть совершенно»⁷⁰.

По мнению А.С. Ворожевич, границы исключительного права представляют собой правовой институт, разделяющий сферу контроля правообладателя и сферу свободного использования объекта (его отдельных элементов) всеми иными лицами, а действия правообладателя «внутри» подобных границ представляют собой осуществление его права, а за их рамками любые иные лица могут использовать объект интеллектуальных прав без согласия на то правообладателя⁷¹.

А.С. Ворожевич выделяет следующие границы исключительного права: временные (определяются сроком существования исключительного права), территориальные (определяются территорией, на которой правообладатель контролирует использование объекта интеллектуальных прав), содержательные (доступный правообладателю перечень правомочий и на способы использования объекта интеллектуальных прав третьими лицами без его согласия), объектные (признаки объекта интеллектуальных прав, на использование которых распространяется контроль правообладателя)⁷².

Вышеизложенное актуализирует вопрос оценки действий правообладателя, когда они совершаются за пределами указанных границ, при том, что буквальное толкование границ права не дает оснований для безоговорочного вывода о злоупотреблении правом. Например, если правообладатель предъявляет требование о пресечении допущенного нарушения исключительного права и взыскании компенсации за периоды, когда исключительное право уже не действовало, но в пределах трехлетнего срока исковой давности.

Думается, что в подобных случаях нет оснований говорить о злоупотреблении правом, поскольку само субъективное право уже отсутствует. Такая позиция находит подтверждение в судебной практике, где отмечается, что

⁷⁰ См.: Катков В.Д. О привилегиях (патентнах) на промышленные изобретения. Харьков, 1902. С. 69.

⁷¹ См.: Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... д-р. юрид. наук: 12.00.03. М., 2021. С. 14.

⁷² Там же С. 82-85.

злоупотребление правом возможно только в случае, если субъект действительно обладает соответствующим правом⁷³. Без наличия такого права как такового у лица само понятие злоупотребления не применимо, поскольку и злоупотреблять нечем. Следовательно для квалификации поведения как злоупотребления правом необходима наличие факта обладания соответствующим субъективным правом, которое затем реализуется с нарушением.

Таким образом, право интеллектуальной собственности вполне способно устанавливать границы исключительного права, за пределами которых нет оснований говорить о наличии исключительного права. Это позволяет сделать вывод о том, что злоупотребление возможно только в рамках временных, территориальных, содержательных и объектных границ исключительного права.

Анализ поведения, являющегося антиподом добросовестного, потребовал обратиться к изучению выявляемых недобросовестных практик в сфере интеллектуальной собственности.

Как показало исследование правоприменительной практики, в авторском праве недобросовестные действия могут заключаться, например, в злонамеренном использовании механизма добровольной регистрации произведений.

Так, в судебной практике сложилось обыкновение при рассмотрении дел принимать во внимание свидетельства о депонировании в качестве доказательств наличия исключительного права на объекты авторских прав⁷⁴. В то же время встречаются в судебных актах и противоположные позиции, когда суды признают такие доказательства недопустимыми и недостаточными ввиду того, что депонирование не является безусловным подтверждением факта создания произведения⁷⁵.

⁷³ Пункт 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13.12.2018 по делу № А32-34267/2016, постановления СИП от 30.10.2018 N C01-800/2018 по делу № А56-27644/2018, от 16.10.2018 по делу № А57-26047/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁵ Апелляционное определение Новгородского областного суда от 11.03.2015 года по делу № 2-89/14-33-528/2015, апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 02.04.2013 года по делу № 33-4218/2013, определение Московского городского суда от 13.03.2020 № 2и-1469/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Мнение ВС РФ по этому поводу отражает именно вторую позицию: с фактом депонирования произведения не связывается установленная ст. 1257 ГК РФ презумпция, согласно которой лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с п. 1 ст. 1300 ГК РФ, считается его автором, если не доказано иное⁷⁶.

Таким образом, недобросовестная практика использования института депонирования при подтверждении обладания авторскими правами может получить соответствующую ее природе правовую оценку.

В судебной практике неоднократно давалась оценка и свидетельству о регистрации программы для ЭВМ или базы данных, которое прямо подтверждает дату создания такого объекта, но не авторства. Поскольку регистрация этих объектов интеллектуальных прав носит заявительный характер, содержащиеся в государственном реестре программ для ЭВМ или баз данных сведения являются достоверными пока не доказано иное, на что неоднократно обращалось в судебной практике⁷⁷.

Изложенное позволяет признавать, что с правовой точки зрения акт регистрации программы для ЭВМ или базы данных является более весомым, чем факт депонирования объекта авторского права. ГК РФ предусматривает возникновение презумпции авторства в случае, если лицо указано в качестве автора на экземпляре произведения или в государственном реестре программ для ЭВМ или баз данных⁷⁸, тогда как с фактом депонирования произведения такая презумпция не связывается⁷⁹ (ст. 1257 ГК РФ).

С учетом сказанного надо признать, что действия лица, направленные на регистрацию в государственном реестре программы для ЭВМ или базы данных, исключительные права на которые ему не принадлежат, создает презумпцию

⁷⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17 сентября 2020 г. по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁷ Пункт 58 «Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» (утв. Президиумом ВС РФ 23.09.2015), определение ВС РФ от 19.11.2014 по делу № А40-81328/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸ Определение ВС РФ № 305-ЭС20-8198 от 17 сентября 2020 г. по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁹ Определение ВС РФ от 17.09.2020 по делу № А40-46622/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

авторства и правообладания. В случае возникновения судебного спора подобные недобросовестные действия обеспечивают заявителю более сильную позицию, чем у действительного правообладателя⁸⁰. В свою очередь факт депонирования не имеет таких серьёзных последствий как презумпция авторства и не создает дисбаланс в потенциальном споре действительного правообладателя и недобросовестного лица, осуществившего депонирование чужого объекта.

В юридической литературе и судебной практике обозначено множество правовых ситуаций, в которых квалифицируются как недобросовестные действия лица в отношении средств индивидуализации или связанные с их использованием как сами правообладателем, так и третьими лицами. Среди них можно указать признание актом недобросовестной конкуренции действий администратора по приобретению права на доменное имя⁸¹; установленную судом недобросовестность при использовании ключевых слов (словосочетаний), тождественных или сходных до степени смешения с принадлежащим другому лицу средством индивидуализации⁸²; признание незаконности использования обозначений тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками правообладателей⁸³ или недобросовестности при приобретении и использовании исключительного права на средства индивидуализации⁸⁴.

Другой случай, не нашедший четкое отражение в действующем законодательстве или разъяснениях ВС РФ, был выявлен при оценке судом действий лица, оспаривавшего регистрацию товарного знака при том, что ранее он согласился на нее путем выдачи безотзывного письма-согласия. Такие действия, по мнению СИП, следует расценивать как отзыв безотзывного согласия,

⁸⁰ Кроме того, такие действия образуют состав уголовного преступления по ч. 1 ст. 146 УК РФ и однозначно считаются недобросовестным поведением.

⁸¹ Пункт 158 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸² Пункт 172 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸³ Статья 14.6 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции».

⁸⁴ Статья 14.4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции».

что противоречит смыслу закона и принципу эстоппель о недопустимости причинения вреда непоследовательным поведением⁸⁵.

В судебной практике имеется дело, в рамках которого судом была проведена оценка действий истца, посредством которых стало возможным использование ответчиком спорных обозначений и последующее предъявление материальным требований к третьем лицу, что по мнению суда, может свидетельствовать о злоупотреблении предоставленным истцу правом на судебную защиту⁸⁶.

При этом суд не ограничивал истца в праве на защиту (его требование о запрете ответчику использования обозначений было удовлетворено), но сделал вывод, что одновременное использование одного и того же обозначения несколькими лицами без наличия соответствующих договорных отношений, особенно если эти лица находятся в конфликтной ситуации, противоречит самой природе товарных знаков и способно нарушить интересы потребителей⁸⁷.

Для патентного права характерна особая сложность в определении критериев выявления недобросовестных действий и злоупотребления правом, поскольку патентоохраняемые объекты имеют важное значение для технологического развития общества.

Как верно отмечается в зарубежной литературе, сложность достижения четкости и единообразия квалификации злоупотреблений обусловлена двойственностью назначения патентной защиты и компромиссным согласованием интересов патентообладателя и общества: поощрение развития технологии для патентообладателя и удовлетворение потребностей общества в доступе к технологическим достижениям и вытекающих из них эффектах благополучия⁸⁸.

Вместе с тем признание тех или иных действий в качестве недобросовестных, позволяет снизить риски незаконного поведения на рынке

⁸⁵ Постановление СИП от 20 декабря 2018 г. по делу № СИП-127/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 2 апреля 2013 г. по делу № А42-5522/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁷ См.: Ворожевич А.С. Незаконное использование товарного знака: понятие, меры ответственности // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 7-46.

⁸⁸ См.: Сеницын С.А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 55-97.

патентоохраняемых объектов. Понятие и подходы к юридической идентификации злоупотреблений патентными правами охарактеризованы многообразием случаев нарушения поведением патентообладателя общественных интересов⁸⁹.

Недобросовестность может проявляться, в частности, в виде использования одной из недобросовестных патентных стратегий.

Так, А.С. Ворожевич по итогам анализа зарубежной практики и литературы выделяет следующие получившие распространение недобросовестные регистрационные патентные стратегии: «патентный забор» (регистрация своего патента или патентов с целью окружения основного патента другого правообладателя многочисленными патентами на неусовершенствованные субституты первичной разработки, которую патентообладатель действительно стремится использовать); «патентные заросли» (регистрация своего патента или патентов с целью создания плотной сети пересекающихся патентов, которые компания-конкурент должна взломать на своем пути, чтобы коммерциализировать разработки); «патентный флудинг» (регистрация своего патента или патентов с целью окружения патента или технологии третьего лица своими патентами, так что по прошествии времени последний оказывается не в состоянии маневрировать, эффективно использовать и совершенствовать свою разработку); «патентный троллинг» (приобретение прав на значительное число патентоохраняемых объектов субъектом в целях предъявления исков, а не их коммерциализации)⁹⁰.

К слабым сторонам патентной защиты следует отнести и возможность использования патента как средства блокировки чужого поведения на рынке⁹¹, что вполне подпадает под понятие недобросовестной патентной стратегии. Именно это способствовало распространению практики получения и использования так называемых блокирующих патентов, которые

⁸⁹ См.: Mousseron J.-M. L'abus de monopole confere par le brevet d'invention // Etudes de Droit commercial a la memoire de Henry Cabrillac. Paris: Litec, 1968. P. 345.

⁹⁰ См.: Ворожевич А.С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты: монография. Москва: Статут, 2020. 179 с.

⁹¹ См.: Palzer C. Patentrechtsdurchsetzung als Machtmissbrauch // Europäische Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. 2015. P. 702.

недобросовестные лица получают в целях обеспечения невозможности для конкурентов развивать их исследовательские программы⁹².

И.Г. Озолина выделяет также и другие недобросовестные патентные стратегии, которые используются при получении патента: обман патентного ведомства при раскрытии всех элементов изобретения в приоритетной заявке при споре о правильно установленной дате приоритета; обход закона с противоправной целью при выделении заявки на полезную модель из заявки на изобретение с тем же самым объемом охраны после публикации заявки на изобретение; подача каскада выделенных заявок с целью продлить срок ответа на запрос за пределы пресекающего срока, установленного законом; подача каскада выделенных заявок с целью продления срока действия наиболее позднего выданного из указанной серии патента⁹³.

Анализ подобного поведения, осуществляемого на этапе получения патента, в качестве недобросовестного или реализующего злоупотребление правом, позволяет сделать следующее заключение. Любое лицо имеет право регистрировать патент, выделять заявку, определять патентную формулу и т.д.

Следовательно, для вывода о том, что имело место недобросовестное поведение или злоупотребление правом, необходимо установить, что это именно умышленные действия при осуществлении процедуры регистрации патента с намерением причинить вред другому лицу, которое имеет схожий патент или только намеревается получить патент.

Последствием признания указанных действий правообладателя злоупотреблением права является защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления. Но если, например, в отношении товарных знаков законом прямо предусмотрена возможность оспаривания их регистрации ввиду злоупотребления правом, что установлено п. 6 ч. 2 ст. 1512 ГК РФ, то в

⁹² См.: Bas L., Mothe C. Le brevet bloquant: evaluation des pratiques des entreprises francaises // Management International Review. 2010. Vol. 14. No. 3. P. 24.

⁹³ См.: Озолина И.Г. Обход закона и иное недобросовестное поведение при патентовании изобретений и полезных моделей // ИС. Промышленная собственность. 2022. № 3. С. 59-70.

отношении изобретений в ст. 1398 ГК РФ возможность оспаривания патента по причине злоупотребления правом отсутствует.

Подтверждением злоупотребления правом при оспаривании патента третьим лицом может служить одновременная подача возражения против выдачи патента и параллельный процесс по получению принудительной лицензии в свою пользу⁹⁴. В таком случае недобросовестное поведение заключается в том, что лицо, имея право на оспаривание патента и право на защиту частного и публичного интереса, использует эти инструменты злонамеренно, поскольку заинтересовано в получении права использования патента через механизм принудительного лицензирования.

Другая форма недобросовестного поведения в сфере патентного права заключается в возможности оспаривания патента его автором.

По общему правилу патент может быть оспорен любым лицом, и закон не конкретизирует лиц, обладающих таким правом, за исключением случаев оспаривания патента по истечении срока его действия – в этом случае закон указывает на категорию заинтересованности лица, которое оспаривает патент (абз. 3 п. 2 ст. 1398 ГК РФ).

Поскольку оспаривание патента влечет исключение его из государственного реестра, то при рассмотрении последующих заявок информация из него не учитывается экспертизой при анализе новизны и изобретательского уровня⁹⁵. Норма об оспаривании патента направлена также на защиту общественных интересов, заключающихся в предотвращении создания преград для научного прогресса и деятельности третьих лиц, которые используют технические решения, не подлежащие патентной охране, в случае неправомерного выдачи патента.

⁹⁴ Постановление СИП от 07.11.2013 г. по делу № А40-110460/2012 // СПС «КонсультантПлюс»

⁹⁵ Приказ Роспатента от 27.12.2018 № 236 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата», Приказ Роспатента от 26.12.2018 № 233 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации полезной модели и выдаче патента на полезную модель, его дубликата» // СПС «КонсультантПлюс».

При оспаривании патента соавтором изобретения в удовлетворении требований нельзя отказывать по причине злоупотребления истцом своим правом, поскольку публичные интересы от такого оспаривания находятся выше интересов правообладателя патента.

Последствием такого оспаривания может служить взыскание денежных средств правообладателем патента по гражданско-правовому договору, на основании которого автор разработал техническое решение, положенное в основу запатентованного изобретения или иного объекта патентного права, если при этом автор гарантировал, что решение является патентоспособным.

Вместе с тем в подобных случаях нельзя исключать ситуации, когда действия автора изобретения или иного субъекта патентных прав носят исключительно характер шиканы, поэтому такое оспаривание патента автором не во всех случаях будет правомерным. Если автор изобретения или иного объекта патентных прав по результатам оспаривания патента получает выгоду, то здесь очевидно имеет место именно злоупотребление правом, поскольку у лица есть право на оспаривание патента, но с учетом его предыдущего поведения и последствий оспаривания реализация такого права приводит к негативным последствиям для другого лица. Следовательно, действия автора изобретения или иного объекта патентных прав по оспариванию патента могут быть признаны злоупотреблением права.

Таким образом, недобросовестные действия имеют место во всех сферах права интеллектуальной собственности. И целью использования принципа добросовестности в таких случаях является противодействие таким действиям.

Примечательно, что перечень действий, признаваемых злоупотреблением правом, на настоящий момент является неисчерпывающим, причем практика выявляет различные его формы.

Как верно отмечает К.И. Скловский: «злоупотребление правом не имеет общего описания и становится фактом в результате судебного решения, в

принятии которого главная роль отводится судейскому усмотрению»⁹⁶. Злоупотребление правом должно носить достаточно очевидный характер, а вывод о нем не может являться следствием предположений⁹⁷.

В то же время проведенный анализ судебной практики в сфере интеллектуальной собственности позволяет говорить о том, что суды признают злоупотреблением права и действия, совершаемые в рамках границ исключительного права.

В качестве примера можно рассмотреть регистрацию на себя товарного знака, ставшего известным до даты его приоритета в связи с действиями другого лица, и последующее предъявление иска о защите исключительного права к такому лицу. Является очевидным, что лицо, зарегистрировавшее товарный знак в таких обстоятельствах, обладает исключительным правом, то есть оно находится в рамках временных, территориальных, содержательных и объектных границ этого права.

Вместе с тем действия по защите этого права становятся злоупотреблением, поскольку в случае взыскания компенсации за незаконное использование такого товарного знака с лица, которое не зарегистрировало на себя этот товарный знак, но сделало вложения для приобретения им известности, наносят необоснованный имущественный ущерб этому лицу.

Применительно к данному примеру важно заметить, что сами действия по регистрации и использованию товарного знака, исходя из нормы ст. 14.4 ФЗ «О защите конкуренции», являются также актом недобросовестной конкуренции (недобросовестными действиями). В связи с этим актуализируется проблема соотношения между собой понятия «злоупотребление правом» и «недобросовестное поведение» (недобросовестная конкуренция).

⁹⁶ См.: Скловский К.И. О применении норм о злоупотреблении правом в судебной практике // Вестник ВАС РФ. 2001. № 2. С.45.

⁹⁷ Определение ВС РФ от 08.09.2021 г. по делу № СИП-932/2019, постановления Президиума СИП от 15 апреля 2021 г. по делу № СИП-475/2020, от 4 июня 2020 г. по делу № СИП-770/2019, от 29.06.2018 по делу № СИП-579/2017, от 20.12.2018 по делу № СИП-127/2018, от 31.05.2019 по делу № СИП-860/2018, от 08.08.2019 по делу № СИП-729/2018, от 16.01.2020 по делу № СИП-359/2018, от 03.09.2020 по делу № СИП-821/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Закон прямо не разграничивает указанные понятия. На это прямо указывает Г.А. Гаджиев, подчеркивая, что существует неопределенность в понимании воли законодателя, а именно охватывают ли слова «акт недобросовестной конкуренции» и такое поведение правообладателя, которое по своим признакам представляет собой злоупотребление субъективным исключительным правом на товарный знак⁹⁸.

Это находит прямое отражение на практике. Так, ВС РФ в своих разъяснениях, касающихся части четвертой ГК РФ, в некоторых случаях указывает, что определенные действия могут являться актом недобросовестной конкуренции или злоупотреблением права, а в других – упоминает только акт недобросовестной конкуренции без указания на злоупотребление правом. Например, злоупотреблением права и (или) актом недобросовестной конкуренции могут быть признаны неправомерные действия в отношении наименования некоммерческого обозначения⁹⁹, и действия лица по приобретению и использованию товарного знака, в том числе подача заявки на регистрацию товарного знака¹⁰⁰.

В свою очередь действия администратора по приобретению права на доменное имя¹⁰¹, действия лица только по приобретению исключительного права на средство индивидуализации¹⁰², по мнению ВС РФ, могут быть только актом недобросовестной конкуренции (злоупотребление правом здесь не упоминается).

⁹⁸ Особое мнение к Определению КС РФ от 15 мая 2007 г. № 370-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Эвалар» на нарушение конституционных прав и свобод положениями п. 2 и 3 ст. 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», подп. 4 п. 1 и абзаца 4 п. 3 ст. 28 Закона Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁹ Абзац 4 п. 147 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁰ Пункт 171 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰¹ Пункт 158 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰² Абзац 3 п. 169 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

При этом следует учитывать, что бремя доказывания недобросовестности возлагается на сторону, заявившую о ней¹⁰³.

Проведенные исследования позволили разграничить злоупотребление правом и недобросовестные действия (недобросовестную конкуренцию), различия между которыми усматриваются в следующем.

В качестве первого признака можно указать на различия порядка рассмотрения требований о признании действий недобросовестным поведением или злоупотреблением правом.

Требование о злоупотреблении правом с учетом действующих разъяснений ВС РФ невозможно заявить в качестве самостоятельного требования: например, законом не установлено специального порядка признания действий правообладателя, связанных с государственной регистрацией товарного знака, злоупотреблением правом¹⁰⁴.

Злоупотребление правом может быть установлено судом при рассмотрении другого дела, например, по иску правообладателя о применении мер защиты принадлежащего ему права. В таком случае решение суда, которым установлено злоупотребление правом правообладателем при приобретении исключительного права, может выступить основанием последующего для оспаривания и признания недействительным полностью или частично предоставления правовой охраны товарному знаку на основании пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ.

Иными словами, доводы о злоупотреблении правом при приобретении исключительного права на товарный знак могут быть положены в основу не самостоятельного требования об этом, а использованы в качестве аргументов защиты против недобросовестной стороны в возникшем споре, либо применены в качестве дополнительного обоснования какого-либо основного требования¹⁰⁵.

¹⁰³ Определение ВС РФ от 1 сентября 2015 г. № 5-КГ15-92 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁴ Пункт 170 Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁵ Решения СИП от 16.01.2023 г. по делу № СИП-599/2021, от 15.11.2021 г. по делу № СИП-550/2021, от 27.08.2021 г. по делу № СИП-477/2021, от 16.07.2019 г. по делу № СИП-34/2019.

В свою очередь заявление о недобросовестной конкуренции на основании ст. 14.1–14.8 ФЗ «О защите конкуренции» рассматривается судом в качестве самостоятельного требования в рамках отдельного спора, поскольку, как в свое время отмечалось в судебных актах ВАС РФ, лицо вправе обратиться за защитой своих прав в арбитражный суд, не подавая до этого соответствующего заявления в антимонопольный орган и суд не может со ссылкой на п. 2 ст. 148 АПК РФ оставить такое заявление без рассмотрения¹⁰⁶.

Вместе с тем следует отметить, что позиция о невозможности заявлять требование о злоупотреблении правом как самостоятельное требование является довольно спорной, например, в отношении товарных знаков.

Указанное положение объясняется тем, что субъект, чьи права были нарушены вследствие регистрации товарного знака и его последующего использования (пример чему приводился выше), может реализовать свои права на защиту исключительно в случае, если лицо, совершившее недобросовестную регистрацию данного товарного знака, является конкурентом по отношению к пострадавшему лицу. Иными словами, механизм правовой защиты, направленный на пресечение злоупотребления правом в сфере товарных знаков, активируется только при наличии конкурентных отношений между сторонами. Это обусловлено тем, что конфликт возникает непосредственно в рамках хозяйственной деятельности, где недобросовестная регистрация служит инструментом ограничения конкуренции или введения потребителей в заблуждение, что и подлежит правовому пресечению. Если же недобросовестный пользователь не является конкурентом, то применение этих механизмов становится невозможным.

Данная логика следует из законодательства о защите конкуренции¹⁰⁷,

¹⁰⁶ Пункт 20 Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁷ Согласно пп. 9 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», «недобросовестная конкуренция – любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добросовестности, разумности и справедливости и

поскольку для признания действий по регистрации и (или) использованию товарного знака актом недобросовестной конкуренции на основании ст. 14.4 или 14.8 ФЗ «О защите конкуренции» необходимо наличие конкурентных отношений – в противном случае законодательство о защите конкуренции не применимо.

В связи со сказанным абсолютно верным представляется замечание Г.В. Разумовой, подчеркнувшей, что иск с требованием установить только злоупотребление правом ничему не противоречит¹⁰⁸. В контексте пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ акты недобросовестной конкуренции, в том числе связанные с приобретением и использованием исключительного права на средство индивидуализации по смыслу норм ст. 14.4 и 14.8 ФЗ «О защите конкуренции», также являются и злоупотреблением правом¹⁰⁹.

На практике уже имели место случаи, когда самостоятельное предъявление иска о злоупотреблении правом становилось необходимым и эффективным инструментом правовой защиты интересов сторон. Одной из таких типичных ситуаций являются действия лица, оформившего регистрацию товарного знака на своё имя, при этом не являющееся конкурентом заинтересованного в данном обозначении субъекта, тем самым создавая двойственную правовую ситуацию. С одной стороны, формально правообладатель товарного знака не нарушил никакие нормы законодательства при подаче заявки на регистрацию. С другой стороны, с точки зрения обычаев делового оборота и требований добросовестности, поведение такого правообладателя вызывает серьёзные сомнения и может рассматриваться как злоупотребление правом.

Буквальный анализ п. 6 ч. 2 ст. 1512 Гражданского кодекса Российской Федерации указывает на два самостоятельных основания, которые могут послужить основанием для признания регистрации товарного знака

причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам - конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации».

¹⁰⁸ См.: Протокол № 1 заседания Научно-консультативного совета при СИП от 27 декабря 2013 г. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. N 3. С. 4-27.

¹⁰⁹ Решения СИП от 10.10.2022 г. по делу № СИП-490/2022, от 17.02.2022 г. по делу № СИП-927/2021, постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2022 г. по делу № А11-14198/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

недействительной — это злоупотребление правом или недобросовестная конкуренция. Следовательно, вынесенное решение о злоупотреблении правом, прямо предусмотренное в пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, является основанием для признания недействительным предоставления правовой охраны товарного знака.

В этом нельзя не упомянуть позицию Э.П. Гаврилова, который отмечает: «действия заявителя, направленные на регистрацию товарного знака, ни при каких условиях не могут являться недобросовестной конкуренцией, поскольку государственную регистрацию товарного знака осуществляет не заявитель, а Роспатент»¹¹⁰.

На практике между сторонами спора не всегда наблюдается наличие конкурентных отношений между. При этом механизмы правовой защиты, основанные на положениях о недобросовестной конкуренции, нередко оказываются недостаточными для полного разрешения конфликтных ситуаций, когда подается заявка на регистрацию в качестве товарного знака обозначение, которое ранее использовалось несколькими лицами. В таких обстоятельствах необходимо выходить за пределы стандартного анализа и обращать особое внимание на соответствие действий по регистрации товарного знака всем установленным законодательством функциям данного правового института, а не только нормам о недобросовестной конкуренции.

Резюмируя, можно утверждать, что нормы действующего законодательства допускают предъявление требования о злоупотреблении правом в качестве самостоятельного иска, например, с целью признания недобросовестной регистрации товарного знака.

В качестве второго признака, отграничивающего злоупотребление правом от недобросовестных действий, являются границы судебных полномочий.

¹¹⁰ См.: Гаврилов Э.П. Постановление 5/29 о правовой охране товарных знаков (часть II) // Патенты и лицензии. 2009. № 12 // URL: <http://www.rbis.ru/article.php?article=292>.

Так, право рассматривать вопрос о злоупотреблении правом является самостоятельным правом суда, не зависящим от заявления стороны¹¹¹. Это принципиально отличает этот вопрос от, например, вопроса о пропуске срока исковой давности, для рассмотрения которого судом ответчик в обязательном порядке должен заявить о наступлении такого обстоятельства¹¹², вопроса о снижении процентов по ст. 333 ГК РФ.

Аналогичным образом суд не вправе по собственной инициативе разбирать вопрос о наличии в действиях лица признаков недобросовестной конкуренции, не может в отсутствие соответствующего требования заявителя признать действия лица актом недобросовестной конкуренции¹¹³.

Таким образом, суд в рамках дела о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав может установить, что действия по защите права являются злоупотреблением правом¹¹⁴, но самостоятельно установить и указать в решении, что действия по приобретению и использованию права на товарный знак являются актом недобросовестной конкуренции, суд не вправе.

Третий признак, позволяющий разграничивать злоупотребление правом и недобросовестные действия, заключается в следующем. По смыслу действующего законодательства злоупотреблять можно только правом, которое наличествует у лица, тогда как права на осуществление недобросовестных действий (акта недобросовестной конкуренции) у субъектов нет, поскольку такие действия прямо запрещены законом.

Четвертым признаком, разграничивающим злоупотребление правом и недобросовестные действия, является правовая цель применения положений о них. Как отмечается в судебной практике, целью признаний действий

¹¹¹ Пункт 2 ст. 10 ГК РФ, абз. 3 п. 154 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹² Пункт 2 ст. 199 ГК РФ, п. 10 Постановление Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹³ См.: Кашаров З.А., Гапураева Э.Н. Вопросы квалификации действий по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак в качестве недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32), июнь С. 142-160.

¹¹⁴ Абзац 3 п. 154 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

злоупотреблением права является защита прав лица, чьи права были нарушены таким злоупотреблением¹¹⁵.

В то же время непосредственной целью признания действий субъекта актом недобросовестной конкуренции является привлечение этого субъекта к юридической ответственности: законодательством предусмотрено, например, возможность привлечения к административной ответственности за совершение акта недобросовестной конкуренции (ст. 14.10 КоАП).

Пятое отличие злоупотребления правом от недобросовестных действий заключается в следующем. Злоупотребление правом, как правильно отмечает А.В. Волков, всегда представляет собой умышленное, сознательное, намеренное действие¹¹⁶.

В свою очередь недобросовестное поведение правообладателя, как отмечает О.С. Авдоница, может оставаться пассивным в течение длительного времени, при этом не становясь добросовестным¹¹⁷. Сложно представить, что лицо, которое регистрирует чужое обозначение в качестве товарного знака с целью устранения конкурентов с рынка, не преследует цель умышленного причинения вреда другим лицам на рынке.

Таким образом, категории злоупотребления правом и недобросовестного поведения имеют ряд серьезных отличий. Понятия злоупотребления правом и недобросовестного поведения имеют существенные различия, хотя и имеют определенные пересечения. При этом важно отметить, что любое злоупотребление правом всегда будет квалифицироваться как недобросовестное поведение, однако обратная зависимость не всегда верна, поскольку недобросовестное поведение не всегда связано с использованием права и как следствие не может являться злоупотреблением права.

¹¹⁵ п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁶ См.: Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом): монография. - "Волтерс Клувер", 2011. С. 104.

¹¹⁷ См.: Авдоница О.С. Субъективные пределы защиты исключительных прав: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 120.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сделать ряд выводов.

1. В рамках проведённого исследования установлено, что злоупотребление в сфере права интеллектуальной собственности возможно только в рамках временных, территориальных, содержательных и объектных границ исключительного права, поскольку за пределами границ исключительного права нет оснований говорить о наличии права, которым правообладатель может злоупотреблять.

2. Выявлены и раскрыты пять критериев разграничения злоупотребления правом и недобросовестных действий в виде акта недобросовестной конкуренции в сфере права интеллектуальной собственности. К ним относятся следующие критерии:

– самостоятельности требований (требование о злоупотреблении правом невозможно заявить в качестве самостоятельного требования, а заявление о недобросовестной конкуренции рассматривается судом в качестве самостоятельного требования в рамках отдельного спора);

– границ судейских полномочий (суд вправе в самостоятельном порядке рассматривать вопрос о злоупотреблении правом, но суд не вправе по собственной инициативе разбирать вопрос о наличии в действиях лица признаков недобросовестной конкуренции и не может в отсутствие соответствующего требования заявителя признать действия лица актом недобросовестной конкуренции);

– наличия самого права (злоупотреблять можно только правом, которое наличествует у лица: при этом субъекты не обладают правом на осуществление недобросовестных действий (акт недобросовестной конкуренции), поскольку такие действия прямо запрещены законом);

– цели правоприменения (непосредственной целью признания действий субъекта актом недобросовестной конкуренции является привлечение этого субъекта к юридической ответственности, в отличие от признания действий субъекта злоупотреблением права, которые направлены на защиту прав лица, чьи права были нарушены таким злоупотреблением);

– направленности действий (злоупотребление правом – это умышленное, сознательное, намеренное действие; недобросовестное поведение правообладателя может оставаться пассивным в течение длительного времени, при этом не становясь добросовестным).

Глава 2. Реализация принципа добросовестности в сфере интеллектуальных прав

2.1. Принцип добросовестности при создании и регистрации объектов интеллектуальных прав

Начать настоящий параграф, посвященный вопросам добросовестности при создании объектов интеллектуальных прав, следует с истолкования нормы ст. 1229 ГК РФ, содержание которой позволяет сформулировать следующее заключение. Добросовестное создание объекта интеллектуальной собственности выражается в соблюдении прав иных правообладателей и недопущении возможных конфликтов и судебных разбирательств, связанных с нарушением таких прав.

Создание любого результата интеллектуальной деятельности предполагает творческую деятельность автора, однако творческий характер также может подлежать исследованию на предмет добросовестности.

Само понятие творчества не является однозначным. В толковом словаре творчество определено как «создание новых по замыслу культурных и материальных ценностей»¹¹⁸. Согласно одному из философских словарей творчество представляет собой «способность человека из доставляемого действительностью материала созидать (на основе познания закономерностей объективного мира) новую реальность, удовлетворяющую многообразным общественным потребностям»¹¹⁹. При этом И.Я. Хейфец подчеркивает следующее: «Творчество может проявляться в самых разнообразных формах в зависимости от характера выражения вовне идеи автора. В литературных произведениях творческая деятельность проявляется словами, в музыкальном произведении – посредством звуков, в художественном произведении – при помощи красок, линий и других способов воспроизведения. В хореографических

¹¹⁸ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка //URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31502> (дата обращения: 12.12.2024)

¹¹⁹ См.: Философский словарь/Под. ред. И.Т.Фролова. М.: Республика, 2001. С. 554

(балетных и пантомимных) произведениях мысли и чувства выражаются посредством движения тела, с помощью, так сказать, телесных знаков»¹²⁰.

В настоящее время общепризнанным является постулат, что творческая деятельность присуща только человеку. Вместе с тем актуальным является вопрос признания творческого характера за результатами интеллектуальной деятельности, созданными с использованием искусственного интеллекта. В прошлом было много споров о том, кто является автором произведений, созданных с помощью технических устройств. Сегодня активно обсуждается вопрос авторства у объектов, созданных с помощью искусственного интеллекта. Правовая охрана таких объектов зависит от того, есть ли творческого вклада человека при использовании технологии в конкретных целях. В связи с этим, например, Б.В. Ахлибининский отмечает: «...процесс мышления человека качественно отличается от того, что происходит в машине... В машине нет осознания происходящего в ней процесса... так, в случае игры в шахматы в то время, как человек оперирует абстрактными образами, более или менее обобщенными представлениями позиций, машина оперирует только числами, которые в ней ни с чем не соотнесены, т.е. для нее самой они не являются отражениями каких-либо реальных связей»¹²¹.

В настоящий момент отсутствует какая-либо общая модель правового регулирования или понятийного аппарата применительно к искусственному интеллекту¹²².

В.С. Витко выделяет три направления исследования вопросов, связанных с авторством на результаты, созданные искусственным интеллектом: признание автором человека – создателя (пользователя) искусственного интеллекта,

¹²⁰ См.: Хейфец И.Я. Авторское право. М.: Сов. зак-во, 1931. С. 59

¹²¹ См.: Ахлибининский Б.В. Кибернетика и тайны психики. Л., 1966. С. 138.

¹²² В отечественной литературе встречаются разные понятия данной технологии. Например П.М. Морхат считает: «искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратнопрограммная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделённая/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями» (Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018).

признание автором искусственного интеллекта, как внесшего творческий вклад в создание объекта и признание отсутствия фигуры автора в отношении результатов, созданных искусственным интеллектом¹²³.

В советский период преобладающей стала точка зрения, согласно которой автором произведения следует считать создателя (изготовителя, разработчика) нейронной сети, даже если он не мог предсказать конечного результата¹²⁴.

Анализ современных публикаций показал, что в настоящее время правоведы подразделяются на тех, которые придерживаются подхода, что «результат работы «искусственного интеллекта» представляет собой результат интеллектуальной деятельности создавшего этот «искусственный интеллект» человека-творца»¹²⁵, и тех, которые придерживаются распространенного подхода в силу которого, автором остается человек, поскольку он использует искусственный интеллект как инструмент для своей творческой деятельности¹²⁶. Существует позиция, согласно которой, как считает А.В. Гурко, «созданные таким способом объекты следует приравнивать к плодам, продукции и доходам, полученным в результате использования вещи, поскольку автора у таких неохранных объектов нет»¹²⁷.

В поддержку идеи сохранения авторства на создаваемый с использованием искусственного интеллекта результат интеллектуальной деятельности можно сослаться на действующее законодательство стран участниц Бернской конвенции, а также решения сообществ самих авторов. Например, ст. 2 (6) Хартии прав авторов содержит следующее положение: «Поскольку обладание авторским правом вытекает из акта интеллектуального творчества, это право может

¹²³ См.: Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5 - 20; № 3. С. 5 - 22.

¹²⁴ См.: Гаврилов Э.П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М., 1984. С.37.

¹²⁵ См.: Понкин И., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2.; Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 23.

¹²⁶ См.: Сесицкий, Е. П. Охрана результатов, генерируемых системами искусственного интеллекта, в рамках существующего правового поля // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 11. С. 49-55; Куликова Е.В. Влияние новых технологий на развитие авторского права и смежных прав: договоры, законодательство, практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

¹²⁷ См.: Гурко А.В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7.

возникнуть только у творца, являющегося физическим лицом. Юридическое лицо никогда не может рассматриваться как первоначальный обладатель авторского права на результат интеллектуальной деятельности...»¹²⁸.

Представляется, что дискуссии о возможности признания авторства, и как следствие творческого начала за кем-то кроме человека (физического лица) представляются футуристичными в данный момент, поскольку ни одно законодательство в мире, равно как и правовая наука не готовы наделить технологию (искусственного интеллекта) правоспособностью. Право должно защищать интересы людей, а не наделять искусственно созданные объекты правовым статусом с целью решения имеющихся проблем в правовом регулировании.

В докладе национальной комиссии США по новым технологическим способам использования произведений, охраняемых авторским правом (CONTU), подготовленным в 1978 г., который долгое время считался ориентиром по вопросам взаимодействия человека и компьютерных средств указано, что «охраноспособность любого произведения зависит не от устройства или устройств, используемых для его создания, а от присутствия хотя бы минимальных творческих усилий человека во время создания такого произведения»¹²⁹. Творческий вклад в создание результата интеллектуальной деятельности осуществляется человеком, когда он приступает к созданию объекта с использованием искусственного интеллекта.

Как отмечает ВОИС: «Объект, созданный ИИ и объект, созданный ИИ в автономном режиме, – это взаимозаменяемые термины, которые относятся к созданию объекта ИИ без вмешательства человека. В рамках данного сценария ИИ может менять алгоритм своих действий, реагируя на новую информацию или события. Данный процесс следует отличать от процесса создания объектов «при помощи ИИ», который предполагает существенное участие и/или руководство со

¹²⁸ Хартия прав авторов (принята 26 сентября 1956 г. в Гамбурге) // СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁹ Доклад национальной комиссии США по новым технологическим способам использования произведений, охраняемых авторским правом (CONTU). 1978. // URL: <http://digital-law-online.info/CONTU/contu17.html> (дата обращения: 12.12.2024)

стороны человека»¹³⁰. В этих условиях следует поддержать заключение В.С. Витко, заметившего, что «уровень вложенного творческого труда не является критерием произведения»¹³¹.

Творческий вклад человека, который использует искусственный интеллект может заключаться во многих действиях, а именно: определении того объекта, который хочет создать человек, формированием промптов искусственного интеллекта, который станет основой для его действий при запросе, а также созданием базы для работы искусственного интеллекта, например, подбор изображений, в отношении которых прекратился срок действия исключительного права, для целей их комбинирования и создания нового изображения.

Представляется, что в большинстве случаев искусственный интеллект является инструментом для создания результатов интеллектуальной деятельности также как фотоаппарат, который фиксирует изображение в определенный момент времени, программа, которая позволяет писать литературные произведения и другие объекты, с помощью которых человек занимается творчеством.

Следует отметить, что практика отдельных стран по признанию охраноспособности объектов, созданных искусственным интеллектом и/или с помощью искусственного интеллекта, различается.

Например, в Китае в одном из дел был сделан вывод, что с момента, когда лицо, участвующее в деле, задумало изображение, до момента окончательного выбора изображения, идет процесс вложения определённого объёма интеллектуальных инвестиций – таких как разработка персонажей и выбор слов-подсказок. Поэтому, пока изображения, созданные искусственным интеллектом,

¹³⁰ Дискуссия ВОИС на тему "Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)". Второй раунд: пересмотренный концептуальный документ по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта, от 21 мая 2020 г. // URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=59168 (дата обращения: 23.12.2024).

¹³¹ См.: Витко В.С. Понятие формы произведения в авторском праве. М.: Статут, 2020. 268 с.

могут отражать первоначальные интеллектуальные вложения людей, они должны признаваться произведениями и защищаться законом об авторском праве¹³².

В США Американское бюро регистрации авторских прав (USCO) выпустило документ, по которому оно будет признавать работы искусственного интеллекта защищёнными авторским правом только в случае, если заявитель докажет, что он сам приложил значительные творческие усилия к тому, чтобы получить конечный результат¹³³. В данном случае очевидно речь идет о случаях, когда искусственный интеллект выступает в качестве инструмента для работы автора. Как отмечает USCO: «защита авторских прав не может служить наградой за тяжелую работу, затраченную на создание не подлежащего охране произведения, потому что в противном случае авторские права распространялись бы не только на оригинальные работы автора, а это подорвало бы основы авторского права»¹³⁴.

Кроме того, с целью сохранения осведомлённости людей об изучении ими контента, созданного исключительно с помощью искусственного интеллекта без серьезного вклада человека, в ЕС уже принят акт¹³⁵, который обязывает маркировать такой контент с указанием, что он создан искусственным интеллектом. Аналогичные нормативные акты разрабатываются также в РФ¹³⁶ и США¹³⁷.

¹³² Интерпретация закона с помощью дел. Решение по первому делу о нарушении авторских прав на изображения, созданные ИИ // Портал муниципального народного правительства Шаньтоу // URL: https://www.shantou.gov.cn/stszcwyh/zcal/content/post_2290248.html (дата обращения: 23.12.2024).

¹³³ Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence, 88 Fed. Reg. 16190, 16193 (Mar. 16, 2023) // URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright-registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence#footnote-8-p16191> (дата обращения: 23.12.2024)

¹³⁴ United States Copyright Office: Previous Correspondence ID: 1-5GB561K Re: Zarya of the Dawn (Registration # VAu001480196) // URL: <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf> (дата обращения: 23.12.2024 г.)

¹³⁵ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689> (дата обращения: 26.01.2025 г.)

¹³⁶ Маркировка [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240514/markirovka-1945757794.html> (дата обращения: 26.01.2025)

¹³⁷ New bipartisan bill would require labeling of AI-generated videos and audio [Электронный ресурс] // PBS NewsHour. — URL: <https://www.pbs.org/newshour/politics/new-bipartisan-bill-would-require-labeling-of-ai-generated-videos-and-audio> (дата обращения: 26.01.2025)

Представляется, что такого рода обязанность является проявлением добросовестности распространителей такого контента, поскольку до сведения общественности доносится информация о том, что объект создан искусственным интеллектом, в котором отсутствует какое-либо участие человека.

Таким образом, применение искусственного интеллекта в процессе создания результатов интеллектуальной деятельности не порочит творческий вклад автора, при условии, что искусственный интеллект используется исключительно в качестве инструмента, способствующего осуществлению творческой деятельности.

Как правило, многие авторы, реализуя собственный творческий потенциал при создании объекта авторского права, воспринимают своё произведение как исключительное и единственное в своём роде. С точки зрения законодательства РФ несогласованная переработка авторского произведения другим лицом с целью создания на его основе собственного произведения является недобросовестным действием, поскольку использовать собственное произведение по общему правилу может только правообладатель – всякое любое лицо должно заручиться для этого согласием правообладателя. С учетом этого правила, а также исходя из свободы творчества, законодательство допускает признание созданного (производного) произведения объектом авторских прав, однако его использование и распоряжение правами на такое (производное) произведение может осуществляться только при получении соответствующего согласия правообладателя первоначального произведения¹³⁸.

Сложным вопросом остается вопрос о разграничении случаев создания произведения путем переработки произведения (когда создается производное произведение) и случаев, когда автор самостоятельного произведения был вдохновлен чужим произведением, но не осуществлял его переработку, либо представил свое произведение в новой форме.

¹³⁸ Постановление КС РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева» // СПС «КонсультантПлюс».

В истории литературы, музыки и других творческих сфер можно привести множество таких примеров. Так, очевидным является сходство истории персонажа Буратино из произведения «Золотой ключик, или приключения Буратино» Алексея Толстого с героем Пиноккио произведения «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» Карло Коллоди; вдохновение работой Лаймена Френка Баума «Волшебник страны Оз» усматривается в серии книг «Волшебник изумрудного города» Александра Волкова. Создание произведений под влиянием или впечатлением от других произведений либо их возникновение в результате переработки чужих произведений ставит перед правом вопрос защиты интересов как авторов оригинальных (первоначальных) произведений, так и авторов производных произведений.

В ст. 2(3) Бернской конвенции указано «переводы, адаптации, музыкальные аранжировки и другие переделки литературного или художественного произведения охраняются наравне с оригинальными произведениями без ущерба правам автора оригинального произведения».

Как отмечает Е.А. Павлова, российское законодательство прошло путь от достаточно широкой свободы переработок существующих произведений в новые (производные) произведения до полной охраны прав автора на переработку¹³⁹. Вместе с тем законодатель был крайне сдержан при формировании положений, относящихся к производным произведениям.

Действующее законодательство определяет производное произведение как произведение, представляющее собой переработку другого произведения (пп.1 п. 2 ст. 1259 ГК РФ). При этом согласно подп. 9 п. 2 ст.1270 ГК РФ под переработкой понимается обработка, экранизация, аранжировка, инсценировка и тому подобное. Изложенное свидетельствует о том, что существующее нормативное регулирование не вносит ясности в вопрос разграничения произведений оригинальных (создаваемых под впечатлением, по мотивам чужих

¹³⁹ См.: Павлова Е.А. Право на переработку и производное произведение // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 206 - 220.

произведения) и производных (становящихся результатом переработки чужих произведений), что затрудняет решение вопроса добросовестности авторов.

Раскрыть понятие «производное произведение» представляется возможным через его существенные признаки. Как указано в толковом словаре С.И. Ожегова, слово «производный» означает «образованный от другого, проистекший из чего-то другого»¹⁴⁰. С учетом этого ВС РФ, формулируя понятие «производное произведение», подчеркнул: «Переработка произведения предполагает создание нового (производного) произведения на основе уже существующего»¹⁴¹. В связи со сказанным В. Витко отмечает, что понятие «производное произведение» в российском праве раскрывается через понятие «переработка» и наоборот¹⁴².

Не во всех зарубежных странах законодательно закреплён термин «производные произведения».

Так, в законодательстве одних стран вместо понятия производного произведения используется термин «средства адаптации» или «адаптация». Например, в Австралии прямо указаны способы адаптации произведения (перевод произведения, преобразование литературного в постановку, изменение языка программирования)¹⁴³. Таким же образом адаптацию определяет и закон Индии, в котором идет указание ее способов в отношении известных праву форм произведений с дополнением, что под адаптацией в отношении любых других произведений следует понимать «любое использование произведения, связанное с его перестроением или изменением»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка //URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24522> (дата обращения: 12.12.2024)

¹⁴¹ Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

¹⁴² См.: Витко В. О признаках понятия "производное произведение" // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. № 9. С. 37-54.

¹⁴³ Закон 1968 года «Об авторском праве» (по состоянию на 01.01.2019 г.) //URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=AU&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024)

¹⁴⁴ Copyright Act, 1957 (Act No. 14 of 1957, as amended up to Act No. 27 of 2012) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=IN&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024)

В других странах законодательство оперирует термином «обработка». Например, в Австрии под обработкой понимается «переводы и другие адаптации»¹⁴⁵.

В иных странах (Дания¹⁴⁶, Швеция¹⁴⁷) для определения границ исключительного права автора используется термин «измененная форма в виде перевода, адаптации в другой литературной или художественной форме или в другой технике».

Ряд стран в своем законодательстве прямо использует термин «производное произведение», но с определёнными особенностями, которые могут заключаться в перечислении способов создания производного произведения (Китай¹⁴⁸, Япония¹⁴⁹) или прямом раскрытии понятия производное произведение (США¹⁵⁰, Швейцария¹⁵¹). Примечательно в связи с этим положение законодательства Англии, в котором существуют «secondary and derivative works», т.е. аналог российских смежных прав и производных произведений¹⁵². Данные объекты рассматриваются как единое явление и не разграничиваются.

Анализ зарубежного законодательства позволяет выделить следующие признаки производного произведения: оно создается на основе существующего

¹⁴⁵ Федеральный закон «Об авторском праве на произведения литературы и искусства и смежных правах» (Закон 1936 г. «Об авторском праве» с последними изменениями, внесенными Федеральным законом, опубликованным в Официальном вестнике Республики I № 105/2018 (BGBl.I No. 105/2018))// URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=AT&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁴⁶ Консолидированный закон «Об авторском праве» № 1144 от 23.10.2014 г. (с учетом изменений от 08.06.2018 г.) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=DK&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁴⁷ Закон (1960:729) «Об авторских правах на произведения литературы и искусства» с изменениями, внесенными Постановлением (2018:1099) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=SE&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁴⁸ Закон Китайской Народной Республики «Об авторском праве» (с изменениями, внесенными Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 26.02.2010 г. «О внесении поправок в Закон Китайской Народной Республики «Об авторском праве»)//URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=CN&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024 г.).

¹⁴⁹ Закон «Об авторском праве» (Закон № 48 от 06.05.1970 г.) (с изменениями, внесенными Законом № 72 от 13.07.2018 г.)//URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=JP&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024 г.).

¹⁵⁰ U.S. Copyright Act of 1976, 17. U.S.C. §§ 101 et seq. (as amended up to the STELA Reauthorization Act of 2014) // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=US&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024 г.).

¹⁵¹ Федеральный закон от 09.10.1992 г. «Об авторском праве и смежных правах» (по состоянию на 01.01.2017 г.)// URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=CH&subjectMatters=11> (дата обращения: 01.04.2024 г.).

¹⁵² Howell C. Farrand B. Intellectual Property Law 2017.

произведения; представляет собой новое произведение; выражается в изменении формы либо создается без изменения формы, но с изменением какой-либо существенной части; не должно нарушать права автора оригинального произведения. При этом в некоторых странах в юридической литературе упоминаются и другие критерии, например, критерий «бессознательного подражания»¹⁵³, «реальный доступ к оригинальному произведению»¹⁵⁴.

Важным с точки зрения определения добросовестности при создании производного произведения является вопрос относительно существенности изменения формы выражения для цели признания произведения производным или оригинальным.

Например, театральное зрелищное представление, которое основано на литературном произведении (авторском произведении, имеющем письменную форму выражения), однозначно воспроизводит существенную часть последнего в виде персонажей, порядка их действия, основанного на повествовании в первоначальном произведении, но выражено в другой форме. На этом примере проявляется то, что и при изменении формы выражения в произведении, создаваемом на основе другого произведения, сохраняется существенная часть первоначального (оригинального) произведения.

¹⁵³ На основании этого критерия, если автор производного произведения не знал о наличии более раннего произведения, то автор производного произведения не считается нарушителем исключительного права на оригинальное произведение (Winfried Bullinger, in: Wandtke/Bullinger, Urheberrecht, 3. Aufl. 2009, § 23 UrhG, Rn. 19 bis 22). В данном случае можно говорить о доктрине параллельного творчества. По этому вопросу особый интерес представляет позиция кассационного суда Франции, который не признал нарушение авторских прав на произведение при наличии сильно похожего на него другого произведения в связи с тем, что «схожесть вызвана случайным пересечением или воспоминанием, возникшим вследствие наличия общего источника вдохновения» (Цит. по Maxwell, W., Bolger, K., Zeggane, T. A comparative French and U.S. law approach to scènes à faire and other non-protectable elements in copyright law // *Propriété*. 2009. № 30. January).

¹⁵⁴ Например, во Франции в одном деле суд отказал в иске в связи с тем, что автор похожего произведения не имел реального доступа к оригинальному объекту (Maxwell, W., Bolger, K., Zeggane, T. A comparative French and U.S. law approach to scènes à faire and other non-protectable elements in copyright law // *Propriété*. 2009. № 30. January). В США, например, при наличии двух критериев «реальное сходство» и «реальный доступ к оригиналу» предпочтение отдается возможности доступа к оригиналу, и поэтому высокая вероятность доступа к оригиналу повышает реальное сходство произведений (Gervais, D. J. The Derivative Right: Or Why Copyright Law Protects Foxes Better than Hedgehogs / D. J. Gervais // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. 2013. Vol. 15, № 4. P. 785–855. (Vanderbilt Public Law Research Paper, 13-19).). При этом как отмечают американские суды «критерий реального доступа к оригинальному объекту» учитывает широкое распространение копируемого объекта (Three Boys Music Corp. v. Michael Bolton / United States Court of Appeals for the Ninth Circuit. 2000. Vol. 212 F.3d. P. 477), поэтому его установление, например при размещении объекта в сети Интернет или при широкой продаже не требуется (Arnett v. Jackson / Eastern District of North Carolina. 2017. № 5:16-CV-872-D. August 14).

В другой ситуации, если оценивать, например, фанфик какого-либо произведения, автор, напротив, не изменяет форму произведения и при этом воспроизводит существенные черты первоначального произведения – как правило, описание окружающего мира (так много сходства можно обнаружить в описании мира волшебства и магии в книгах «Гарри Поттер» и «Таня Гроттер»). Несмотря на то, что «фанфик – это некое произведение, использующее оригинальные элементы другого объекта, но также создающее что-то свое»¹⁵⁵, в нем обычно сохраняется форма выражения первоначального произведения. Следовательно, изменение формы выражения произведения не всегда влечет создание именно производного произведения.

С учетом изложенного раскрывать понятие производного произведения через термин «переработка» не представляется корректным. По сути, это характеристика, которая лишь раскрывает способ создания нового произведения, но не выдает его существенные признаки.

Такое положение вещей может использоваться недобросовестными субъектами при создании производного произведения, которое по своей сути не является переработкой. Например, похожие по замыслу произведения могут быть основаны на одной и той же информации или опираться на одну и ту же идею, которая авторским правом не охраняется, и при этом быть выражены в аналогичной форме.

С точки зрения оценки добросовестности создания объектов авторского права было бы неверным опираться только на форму произведения как на основной критерий для определения самостоятельности создания нового произведения. Иные признаки производного объекта в виде объективной формы, сохранения существенной части другого произведения, способа его создания путем переработки наряду с формой его выражения, влияют на признание такого объекта производным. Кроме того, важен критерий о достаточности творчества,

¹⁵⁵ См.: Семенюта Б.Е. Фанфики и Косплеи vs. Правообладатели оригиналов: в поисках баланса интересов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020 г. № 27. С. 118–127.

так как «новое произведение, при создании которого автор и воспользовался чужим образцом, было действительно новым, существенно отличающимся от оригинала, чтобы оно заключало в себе элемент самостоятельного творчества, а не являлось простым заимствованием, воспроизведением в той или иной форме чужого образца»¹⁵⁶.

Важно отметить, что недобросовестные действия лица, создавшего незаконно производное произведение приводит к таким последствиям как взыскание с такого правообладателя убытков/компенсации за незаконное использование, но также и должно в целом ограничивать его право на судебную защиту. Как верно отмечает А.Е. Туркина в отношении лиц, которые недобросовестно создали производное произведение: «Возможно также и лишение недобросовестного лица судебной защиты (ст. 10 ГК РФ), что в контексте прав на производные произведения принимало бы форму, что суд отказывает лицу, создавшему производное произведение без согласия автора, в защите права на такое произведение»¹⁵⁷.

Таким образом, создание производного произведения – это добросовестные действия лица по созданию объекта авторского права, выраженного в объективной форме, созданный путем переработки уже существующего объекта авторского права (оригинальное произведение) с изменением формы выражения или без изменения формы выражения, но с сохранением существенной части оригинального произведения, творческий характер которого достаточен, чтобы не считать его воспроизведением другого объекта авторского права.

При создании объектов патентных прав и средств индивидуализации добросовестность находит выражение в ином виде.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что возникновение исключительного права на патентоохраняемые объекты и средства

¹⁵⁶ См.: Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: Систематический комментарий к закону 20 марта 1911 г. - с историческим очерком и объяснениями, основанными на законодательных мотивах, литературных источниках, иностранных законодательствах и судебной практике. 2-е изд., значит. доп. Петроград: Тип. бывш. Акционер. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1916. С. 449.

¹⁵⁷ См.: Туркина А.Е. Опыт регулирования правового режима производных произведений в ЕС// Журнал Суда по интеллектуальным правам. Март 2024. № 1 (43). С. 70-76.

индивидуализации обусловлено процедурой государственной регистрации. Сам факт создания потенциально патентоспособного объекта или логотипа, который может стать товарным знаком, не порождает для его создателя исключительного права на такой объект. Вследствие этого можно говорить о том, что определенная проверка добросовестности при создании объекта проводится уполномоченным органом государственной власти, который проверяет, например, соответствие регистрируемых патентов и товарных знаков императивным требованиям закона.

В том случае, если добросовестность при его создании нарушена и патентоохраняемые объекты и средства индивидуализации не соответствуют критериям охраноспособности, уполномоченный орган государственной власти выносит решение об отказе в регистрации.

Однако даже при наличии системы проверки соответствия требованиям закона, может не соблюдаться требование добросовестности при создании объектов. Как отмечалось ранее, на практике существует целый ряд патентных стратегий, соответствующих формальным требованиям закона, но при этом направленных на устранение конкурентов с рынка и создания третьим лицам препятствий в регистрации своих патентоспособных объектов. К числу таких патентных стратегий относятся «патентный забор», «патентные заросли», «патентный флудинг», «патентный троллинг». Использование указанных стратегий приводит к введению необоснованных ограничений в части поведения неопределённого круга лиц в сфере действия патента недобросовестного правообладателя.

Кроме того, добросовестность может нарушаться и в практике «вечнозеленых патентов». Данная проблема давно известна российскому праву, попытки ее разрешения предпринимаются различными органами.

Например, на уровне административных регламентов установлен запрет на регистрацию давно известного активного вещества, не обладающего новыми свойствами¹⁵⁸.

При этом существующая зарубежная судебная практика в области ограничения продления давно известных активных веществ, не имеющих новых фармакологических свойств, находит отражение в практике СИП¹⁵⁹. Обсуждается зарубежный опыт проверки перечня патентов на предмет включения в него «вечнозеленых патентов»¹⁶⁰.

Вместе с тем проблема продления патента остается актуальной, поскольку недобросовестные участники гражданского оборота используют механизмы «патентного озеленения» как способ сохранения своей монополии на многие патентоохраняемые решения. Продление срока действия исключительного права на изобретение возможно в соответствии с п. 2 ст. 1363 ГК РФ, содержание нормы которого сводится к тому, что патентообладателю предоставляется возможность компенсировать время, потребовавшееся на получение предписанного законом разрешения на применение разработанного им лекарственного средства, пестицида или агрохимиката, поскольку в течение времени, необходимого для получения разрешения на применение лекарственного средства, пестицида или агрохимиката, патентообладатель фактически не имеет возможности использовать свое исключительное право, так как не имеет возможности вводить соответствующие товары в гражданский оборот.

Несмотря на то, что такое продление с точки зрения компенсации разрешительных процедур является обоснованным, наличие и предоставляемые преференции в отношении продления срока действия охранных документов

¹⁵⁸ Приказ Министерства экономического развития РФ от 31.03.2021 № 155 «О внесении изменений в Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы и Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.05.2021

¹⁵⁹ См.: Корнеев В.А. Практика Европейского Суда по вопросу о продлении срока действия патентов на изобретения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 4 (30), декабрь 2020 г. С. 4–5.

¹⁶⁰ См.: Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства: монография / отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Сеницын. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 208 с.

затрудняет другим производителям, в частности производителям дженериков, оценку времени выхода своего препарата на рынок, что приводит к значительным финансовым издержкам¹⁶¹.

В законодательстве США ключевым условием для продления срока действия патента является то, что продукт, на который выдан патент, подвергся предварительной проверке регуляторным органом и получил первое регистрационное удостоверение на обращение или использование. Это удостоверение регистрации служит основанием для предоставления дополнительного срока патентной защиты, компенсирующего время, затраченное на прохождение разрешительных процедур. При этом важно отметить, что право на продление патента не является безграничным: оно распространяется исключительно на те применения продукта, которые были одобрены регулятором. Другие продукты или варианты, раскрытые в патенте, но не одобренные регулятором, не могут рассчитывать на продление срока охраны.

В соответствии со статьей 37 Свода федеральных законов США (1.785 USC), когда поступают несколько заявлений на продление, основанных на одном и том же продукте, но касающихся разных патентов, сертификат о продлении выдается в отношении патента с наиболее ранней датой выдачи, если заявитель не укажет предпочтительный патент для продления.

Как отмечает А.В. Залесов: «дополнительный срок действия исключительного права на фармацевтический препарат призван стимулировать вывод на рынок нового продукта и компенсировать оригинатору временные и финансовые затраты на его клинические испытания»¹⁶².

Мировая практика в последнее время демонстрировала возрастающий интерес регуляторов, судов и участников рынка к выработке и достижению баланса по вопросу продления фармацевтических патентов.

¹⁶¹ См.: Лысков Н.Б., Полякова А. А. Актуальные вопросы интеллектуальной собственности в фармацевтике // Роль интеллектуальной собственности в прорывном нанотехнологическом развитии общества: XXIII Междунар. конф. Роспатента, М.; 16-17.10.2019: тез. докл. / Роспатент, ФИПС; сост. Е. В. Королева, М. С. Борисова. М.: ФИПС, 2019. 184 с.

¹⁶² См.: Залесов А. В. Правовая природа продления монопольного патентного права на лекарственное средство // Патенты и лицензии. 2022. № 6. С. 6–12.

Так, европейская практика идет по пути ограничения существования дополнительных патентов путем возможности их оспаривания.

По результатам рассмотрения спора между дженериковыми компаниями (Тева, Люпин и др.) v. Гилеад Сайенсиз¹⁶³ Европейский суд указал, что продукт, на который выдается свидетельство дополнительной охраны (аналог дополнительного патента), не может рассматриваться в качестве охраняемого основным патентом, если он прямо не указан в формуле этого патента или если формула не охватывает этот продукт. Это означает, что для возможности продления срока действия патента необходима чёткая и однозначная связь между формулой изобретения патента и самим продуктом, на который запрашивается дополнительная охрана, а при отсутствии такой связи продление патента становится невозможным.

Европейский суд в деле Абракис Биосайнс v. Генеральный контроллер¹⁶⁴ по патентам указан, что регистрационное удостоверение на лекарственное средство, представляющее собой новую лекарственную форму уже известного активного вещества, не может считаться первым разрешением на применение данного вещества для целей продления срока действия патента. Это означает, что если на активное вещество уже были выданы регистрационные удостоверения, последующее удостоверение, касающееся новой лекарственной формы этого вещества, не даёт оснований для дополнительного продления патентной охраны. В связи с этим срок действия патента на такое лекарственное средство не подлежит увеличению.

В рамках дела Сантэн v. Национальный институт промышленной собственности Франции¹⁶⁵ Европейский суд подчеркнул, что применение

¹⁶³ Решение от 25 июля 2018 г. по делу № C-121/17 // URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=204388&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5051162>.

¹⁶⁴ Решение от 21 марта 2019 г. по делу № C-443/17 // URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=212011&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5051162>.

¹⁶⁵ Решение от 9 июля 2020 г. по делу № C-673/18 // URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=228371&text=&dir=&doclang=EN&part=1&occ=first&mode=DOC&pageIndex=0&cid=8536870>.

известного активного вещества в рамках нового терапевтического использования, изменённой дозировки или иной лекарственной формы не создает нового самостоятельного продукта. Вследствие этого продление срока действия патента на такой лекарственный препарат не допускается

Таким образом, проведенный анализ показывает, что действия лица, которое подает заявку на новый патент на изобретение, в котором используется давно известное активное вещество и при этом пытается его продлить для компенсации временных и финансовых затрат, не создает новый патентоспособный объект для целей развития инноваций, а препятствует другим участникам рынка использовать решение, которое могло бы свободно использоваться третьими лицами.

Добросовестное создание результата интеллектуальной деятельности также может повлечь за собой возникновение самостоятельного исключительного права даже в случае, когда соответствующее исключительное право есть у другого лица.

Например, такое возникновение права применимо к праву преждепользования (ст. 1361 ГК РФ), топологиям интегральных микросхем (ст. 1454 ГК РФ) и секрету производства (ст. 1466 ГК РФ). В таком случае при добросовестном создании результата интеллектуальной деятельности возникает самостоятельное имущественное право.

Если в случае с правом преждепользования создается ограничение для исключительного права правообладателя патента и ограниченное право для добросовестного лица путем фиксации объема использования на дату приоритета патента, которое направлено на защиту от претензий правообладателя тождественных или эквивалентов объектов, то в случае с ноу-хау и топологиями возникает самостоятельное исключительное право.

Добросовестность при создании объекта интеллектуальных прав проявляется и при регистрации товарных знаков.

Если регистрация товарного знака производится с целью устранить присутствие третьих лиц на рынке определенного товара, то такая регистрация не соответствует основной функции товарного знака по индивидуализации товаров

правообладателя¹⁶⁶. В судебной практике в русле этого правила подчеркивалось: не допускается приобретение лицом права на товарный знак с намерением последующего предъявления к добросовестным участникам гражданского оборота исков о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на данный товарный знак в отсутствие экономического интереса и цели использовать сам этот товарный знак для индивидуализации товаров¹⁶⁷.

Одним из обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности лица, которое зарегистрировало товарный знак, может быть то, что это лицо знало или должно было знать о том, что иные лица (конкуренты) на момент подачи заявки на регистрацию обозначения в качестве товарного знака законно использовали соответствующее обозначение для индивидуализации производимых ими товаров или оказываемых услуг без регистрации в качестве товарного знака, а также то, что такое обозначение приобрело известность среди потребителей¹⁶⁸.

Судебная практика прямо подтверждает, что факт недобросовестности может быть установлен уже на стадии подачи заявки на регистрацию товарного знака недобросовестным лицом. Это связано с тем, что именно в такой момент реализуется намерение (умысел) на недобросовестное конкурентное поведение с иными участниками рынка посредством использования исключительного права на товарный знак, предусматривающего запрет иным лицам применять для индивидуализации товаров и услуг тождественные или сходные обозначения. Последующее поведение правообладателя может лишь подтверждать либо опровергать тот факт, что при приобретении исключительного права на товарный знак он действовал недобросовестно¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Постановления президиума СИП от 02.11.2018 по делу № СИП-795/2017, от 20.05.2019 по делу № СИП-527/2018, от 01.11.2019 по делу № СИП-34/2019, от 22.06.2020 по делу № СИП-529/2019, от 04.09.2020 по делу № СИП-665/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁷ Пункт 2 Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁸ Постановления президиума СИП от 29.06.2018 по делу № СИП-579/2017, от 02.11.2018 по делу № СИП-795/2017, от 18.04.2019 по делу № СИП-72/2018, от 13.11.2019 по делу № СИП-838/2018, от 28.05.2020 по делу № СИП-558/2019, от 25.12.2020 по делу № СИП-781/2019, от 15.02.2021 по делу № СИП-598/2019, от 11.08.2021 по делу № СИП-1068/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁹ Постановления президиума СИП от 29.06.2018 по делу № СИП-579/2017, от 02.11.2018 по делу № СИП-795/2017, от 20.05.2019 по делу № СИП-527/2018, от 01.11.2019 по делу № СИП-580/2017, от 22.06.2020 по делу №

Как неоднократно отмечал СИП, сами по себе недобросовестные действия по приобретению исключительного права на товарный знак без недобросовестных действий по использованию такого права по общему правилу могут составлять акт недобросовестной конкуренции¹⁷⁰.

Недобросовестность как основание для прекращения регистрации товарного знака или отказа в регистрации товарного знака указывается и в зарубежных законодательствах, например, в Германии¹⁷¹. Верховный суд ФРГ выделяет следующие критерии недобросовестной регистрации товарного знака: регистрация, нацеленная на воспрепятствование использованию обозначения, ранее начатому иным субъектом¹⁷² или регистрация, ставящая задачу блокировать возможности иного субъекта зарегистрировать соответствующий товарный знак¹⁷³.

При этом германское право в качестве меры противодействия недобросовестности при подаче заявки на регистрацию товарного знака уделяет особое внимание предшествующему использованию, которое «должно «заслуживать защиты» и осуществляться в отношении товаров (услуг), однородных с теми, в отношении которых зарегистрирован товарный знак»¹⁷⁴. Следовательно, данный критерий исключает регистрацию обозначения, которое регистрируется не для целей индивидуализации, а для целей недобросовестного поведения. Доказательствами недобросовестности могут выступать прежние деловые взаимоотношения, переговоры, контракты между правообладателем и

СИП-529/2019, от 04.09.2020 по делу № СИП-665/2019, от 01.04.2021 по делу № СИП-329/2020, от 11.08.2021 по делу № СИП-1068/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁰ Постановления президиума СИП от 22.07.2022 г. по делу № СИП-1374/2021, от 03.02.2022 г. по делу № СИП-143/2021, от 06.12.2021 г. по делу № СИП-393/2021, от 12.07.2021 г. по делу № СИП-471/2020, от 22.06.2020 г. по делу № СИП-529/2019, Решения СИП от 10.12.2021 г. по делу № СИП-807/2021, от 01.10.2020 г. по делу № СИП-435/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷¹ Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen : Act of 25 October 1994 // BGBl. I/2004. P. 3082; Gesetz zur Reform des Geschmacksmusterrechts : Act of 12 March 2004 // BGBl. I/2004. P. 390.

¹⁷² BGH, 20.01.2005 — I ZR 29/02 «The Colour of Elegance» // GRUR. 2005; BGH EQUI 2000 // GRUR. 2000; Wiedmann, E. Der Rechtsmissbrauch im Markenrecht / E. Wiedmann. Baden-Württemberg, 2002. P. 86.

¹⁷³ BPatG, 15.01.2008 — 27 W (pat) 112/06 «Salvatore Ricci/Nina Ricci» // GRUR-RR. 2008. S. 389–391; BPatG — 27 W (pat) 30/08 «Hooschebaa» // GRUR-RR. — 2009.

¹⁷⁴ BPatG TubeXpert // GRUR. — 2000.

лицом, изначально использовавшим спорное обозначение¹⁷⁵.

Во Франции недобросовестной признается регистрация товарных знаков, тождественных (сходных) общеизвестным брендам¹⁷⁶, когда лицо не могло не знать об известности регистрируемого им обозначения в отношении другого производителя, заявка подается субъектом, против которого инициировано разбирательство о нарушении исключительного права на соответствующее обозначение¹⁷⁷, или регистрация осуществляется с целью сохранения правовой охраны товарного знака, который не используется¹⁷⁸.

Индивидуализирующая функция товарного знака как основной механизм данного объекта неоднократно подчёркивалась в судебной практике.

Например, практика аккумулярования товарных знаков без цели их использования противоречит основной функции товарного знака, состоящей в индивидуализации товаров правообладателя¹⁷⁹. Противоречит этой функции и регистрация нескольких одинаковых обозначений, что по сути порождает неоднократность исключительных прав на один и тот же товарный знак, тогда как на каждый товарный знак признается единое по своему характеру исключительное право¹⁸⁰. В результате использования механизмов аккумуляции без использования товарных знаков «потребители могут быть введены в заблуждение, что противоречит природе товарного знака как частного блага, объекта конкурирующего использования»¹⁸¹.

Вследствие этого всякое лицо, обращаясь за регистрацией товарного знака, должно действовать добросовестно и осуществлять его регистрацию только с

¹⁷⁵ См.: Tsoutsanis A. Trademark registration in a bad faith. Oxford, 2010. P. 194.

¹⁷⁶ Paris Appeal Court, Section 5, 2nd Chamber. 2012. November, 16.

¹⁷⁷ Paris Appeal Court, Section 1, 2nd Chamber. 2012. September, 12.

¹⁷⁸ First Instance Court of Paris in Moulin Rouge et al v. DPH Lingerie, 3rd Chamber, 3rd Division. 2012. November, 30.

¹⁷⁹ Пункт 7 Справки по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий от 21 марта 2014 г. № СП 21/2 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁰ Пункт 31 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2021)» (утв. Президиумом ВС РФ 7 апреля 2021 г.), определение ВС РФ от 21 октября 2020 г. № 300-ЭС20-12050, постановления президиума СИП от 3 февраля 2020 г. по делу № СИП-427/2019, от 26 ноября 2021 г. по делу № СИП-1124/2020, от 30 июля 2019 г. делу № СИП-819/2018, от 12 августа 2019 г. по делу № СИП-152/2019, от 13 июня 2017 г. по делу № СИП-658/2016, от 02 мая 2017 по делу № СИП-711/2016, решение СИП от 22 марта 2021 г. по делу № СИП-635/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸¹ См.: Posner R.A., Landes W.A. The economic structure of intellectual property law. Harvard, 2003. P. 172.

целью индивидуализации своих товаров и защиты своего интереса в рамках конкурентных отношений, а не для устранения присутствия третьих лиц на рынке определенного товара путем последующего недобросовестного применения мер защиты.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сделать ряд выводов.

1. Добросовестные действия лица по созданию объекта авторского права – это действия по созданию самостоятельного (оригинального) объекта авторского права или производного произведения, выраженного в объективной форме, созданного путем переработки уже существующего оригинального произведения с изменением формы выражения или без изменения формы выражения, но с сохранением существенной части оригинального произведения, творческий характер которого достаточен, чтобы не считать его воспроизведением другого объекта авторского права.

2. Добросовестность при возникновении исключительного права на объекты патентных прав в первую очередь заключается в создании объекта, соответствующего критериям охраноспособности предъявляемых законом. Кроме того, действия, влекущие возникновение исключительного права на объекты патентных прав, не должны быть направлены на ограничение развития инноваций в тех случаях, когда существует формальная возможность преднамеренного увеличения срока правовой охраны патентов путём применения императивных положений относительно первого разрешения о применении патентоохраняемых объектов. Помимо этого они не должны приводить к ограничению поведения неопределённого круга лиц в сфере действия патента путем создания блокирующей патентов.

3. Добросовестным при возникновении прав на средства индивидуализации признаётся такое поведение, при котором действия правообладателей направлены на достижение целей по индивидуализации товаров и услуг, а также для защиты своих законных интересов в рамках конкурентных отношений. Не может признаваться добросовестным поведение, при котором правообладатель совершает действия, направленные на устранение

присутствия третьих лиц определенного товара на конкурентном рынке путем применения мер защиты, предусмотренных действующим законодательством.

2.2. Принцип добросовестности при осуществлении интеллектуальных прав и распоряжении исключительными правами

Осуществление субъективного гражданского права прежде всего подразумевает активные действия со стороны управомоченного лица, направленные на использование возможностей, которые предоставляются такому лицу законом с целью удовлетворения им своего законного интереса. Соответственно и в контексте права интеллектуальной собственности осуществление интеллектуальных прав предполагает не пассивное состояние правообладателя этих прав, а активные действия с его стороны. При этом для полноценного анализа границ добросовестного осуществления интеллектуальных прав необходимо прежде всего четкое определение содержания самих этих прав.

Примечательно, что для российской цивилистики традиционно воззрение, согласно которому обладание интеллектуальными правами подразумевает в первую очередь правомочие запрещать третьим лицам использование объекта интеллектуальных прав. Такую позицию можно обнаружить в работах, например, А.А. Пиленко¹⁸², И.А. Зенина¹⁸³, А.С. Ворожевич¹⁸⁴, М.В. Лабзина¹⁸⁵, В.И. Еременко¹⁸⁶, К.М. Гаврилова¹⁸⁷.

М.А. Рожкова не соглашается с идеей признавать за правомочиями, составляющими содержание интеллектуальных прав, исключительно «негативный» характер. Подчеркивая, что интеллектуальные права подразделяются на личные неимущественные и исключительные (имущественные), она пишет: «Основываясь же на этой градации нельзя не замечать, что негативный характер может усматриваться за содержанием личных неимущественных прав, которые, исключая всякую возможность передачи

¹⁸² См.: Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. 686 с.

¹⁸³ См.: Зенин И.А. Изобретательское право: природа, функции, развитие // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 48-56.

¹⁸⁴ См.: Ворожевич А.С. Исключительное право: сущность, принципы и пределы защиты // Вестник гражданского права. 2013. № 6. С. 41-83.

¹⁸⁵ См.: Лабзин М.В. Право запрещать как юридическое содержание исключительного права // Патенты и лицензии. 2009. № 7. С. 14-19.

¹⁸⁶ См.: Еременко В.И. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. 2011. № 5. С. 15-26.

¹⁸⁷ См.: Гаврилов К.М. Сроки действия исключительных гражданских прав: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2011. С. 17.

(перехода) от одного лица к другому, запрещают осуществление этих прав любым иным лицом кроме правообладателя – автора, изобретателя, селекционера, исполнителя и т.д. В то же время правомочия, составляющие исключительные (имущественные) права в современном их понимании, должны характеризоваться сродни правомочиям, составляющим право собственности... При этом исключительные права предполагают не только общий запрет для всех третьих лиц без согласия правообладателя использовать соответствующие нематериальные объекты, но и «позитивную» возможность для правообладателя самому использовать нематериальный объект и распоряжаться принадлежащими ему исключительными правами»¹⁸⁸.

В развитие сказанного в целях исследования добросовестного поведения при осуществлении интеллектуальных прав следует заметить, что возведение правомочия по запрету в статус основополагающего в рамках исследуемых субъективных гражданских прав создает предпосылки для исследования только лишь недобросовестного поведения, которому уделялось внимание в главе 1 настоящего исследования. Между тем, как правильно заметила Н.Б. Спиридонова, «регулирование не может быть осуществлено посредством запретительного правомочия, обращенного к третьим лицам»¹⁸⁹.

В связи с изложенным на предмет добросовестности будут анализироваться не действия по запрету использования объектов интеллектуальных прав, а действия правообладателя, которые имеют место при использовании объекта интеллектуальных прав и распоряжении правами на него.

Важно заметить, что В.А. Дозорцев считал, что содержание исключительного права составляют два правомочия – использования и распоряжения. При этом под использованием он понимал «придание результату творчества формы, пригодной или удобной для непосредственного потребления и приспособленной к пуску в экономический оборот», а под распоряжением –

¹⁸⁸ См.: Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: Монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с.

¹⁸⁹ См.: Спиридонова Н.Б. Структура исключительного права: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Москва, 2022. 183 с.

«оборот самого права: его отчуждение или выдача другим лицам разрешения на использование (предоставление лицензии)»¹⁹⁰. Ученый исходил из того, что правомочие использования реализуется способами, которые поименованы в ГК РФ и различаются для каждого объекта интеллектуальных прав. Этот подход поддерживает, в частности, О. Фролова, которая пишет также о двух аналогичных правомочиях правообладателя исключительного права¹⁹¹.

М.А. Рожкова выделяет наряду с правомочиями использования и распоряжения также и третье – правомочие обладания исключительным правом, которое означает «возможность для субъекта иметь в распоряжении имущественные права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации»¹⁹².

Нельзя не согласиться с выделением такого правомочия, поскольку обладание исключительным правом является необходимой предпосылкой и для проведения оценки разных правовых ситуаций: в частности, как ранее нами отмечалось, злоупотребление возможно только тогда, когда наличествует исключительное право, в то время как недобросовестные действия осуществляются лицом, которое исключительным правом как раз-таки не обладает.

Применение принципа добросовестности при осуществлении интеллектуальных прав характерно для доктрины добросовестного использования (англ. *fair use*). Данная доктрина, как указывает В.О. Калятин, «является одной из базовых концепций, используемых в странах англосаксонского права для определения допустимости использования произведения пользователем, в отличие от стран континентального права, где установление вариантов

¹⁹⁰ См.: Дозорцев В.А. Творческий результат: система правообладателей // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей. Исследовательский центр частного права, 2003. М.: Статут, 2003. С. 277-337.

¹⁹¹ См.: Фролова О. Понятие и правовая природа субъективных смежных прав // Хозяйство и право. 2007. № 7. С. 95.

¹⁹² См.: Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: Монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с .

разрешенного поведения пользователя произведения осуществляется путем прямого перечисления ограничений исключительного права»¹⁹³.

Закон США об авторском праве (US Copyright Act of 1976) в параграфе 107 содержит четырехуровневый тест определения добросовестности при использовании произведения без согласия правообладателя. Как отмечается в зарубежной литературе, указанный акт фактически стал кодификацией доктрины добросовестного использования¹⁹⁴.

Первый критерий – это цель и характер использования произведения, включая оценку того, носит ли такое использование коммерческий характер или осуществляется для некоммерческих (образовательных) целей. Приоритет в признании добросовестным будет за некоммерческим использованием (ввиду того, что коммерческое использование подразумевает получение прибыли от чужой работы). Кроме того, как подтверждает судебная практика, суды в США проверяют, добавляет ли такое использование новое значение или иной характер, изменяя первоначальную работу новым выражением, значением или посланием¹⁹⁵ или имеет новостную ценность и, как следствие, влияет на признание использования добросовестным¹⁹⁶. Как отмечается в зарубежной литературе, «не все некоммерческие образовательные и некоммерческие виды использования являются справедливыми, а все виды коммерческого использования – несправедливыми; вместо этого суды уравнивают цель и характер использования с другими факторами»¹⁹⁷.

¹⁹³ См.: Калятин В.О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. 2015. № 11. С. 40-47.

¹⁹⁴ Patry W. F. Patry on fair use. Eagan: Thomson West. 2014. P.64

¹⁹⁵ Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc., 510 U.S. 569 (1994)//URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/510/569/> (дата обращения: 01.07.2024 г.)

¹⁹⁶ Norse v. Henry Holt and Co., 847 F. Supp. 142 (N.D. Cal. 1994) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/847/142/1402954/> (дата обращения: 01.07.2024 г.)

¹⁹⁷ Fair Use (More Information) // United States Copyright Office. URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/more-info.html>. (дата обращения: 01.07.2024 г.)

Второй критерий – это характер работы. Как отмечает П.С. Могилевский, «при оценке данного фактора суд будет обращать внимание на то, имело ли использованное произведение творческий характер»¹⁹⁸.

Третий критерий – это объем и существенность заимствований из охраняемого произведения. Конечно, нет единого правила, которое бы однозначно определяло, какую часть произведения (в процентном выражении) можно использовать, а какой процент заимствований будет считаться уже нарушением, поскольку это вопросы, которые разрешаются судом на основании фактических обстоятельств дела. Например, в судебной практике США был выработан подход, согласно которому рецензии на опубликованную работу или новостное сообщение о речи, которая была произнесена для общественности или распространена в прессе, можно свободно использовать без угрозы возложения ответственности за нарушение авторских прав¹⁹⁹.

Четвертый критерий – это влияние, которое использование защищённого объекта оказывает на возможный рынок для него либо на его ценность. Данный критерий является одним из наиболее важных: насколько анализируемое использование влияет на рыночную стоимость защищенного авторским правом произведения? Фактически здесь исследуется только экономический вред, причинённый правообладателю. Например, тот факт, что оригинальное произведение распространялось бесплатно, может перевешивать вывод о том, что использование объекта третьим лицом создавало ценность²⁰⁰.

Доктрина добросовестного использования разработана и для товарных знаков (англ. *fair descriptive use*).

¹⁹⁸ См.: Могилевский П.С. Доктрина добросовестного использования в США и свободное использование произведений в России: сравнительный анализ // Гражданское право. 2022. № 5. С. 12 - 14

¹⁹⁹ *Harper & Row v. Nation Enterprises* / Supreme Court of the United States. 1985. Vol. 471 U.S. P. 539. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/471/539/> (дата обращения: 01.07.2024 г.).

²⁰⁰ *Sixto Nunez v. Caribbean International News Corp. (El Vocero De Puerto Rico)* / United States Court of Appeals for the First Circuit. 2000. Vol. 235 F.3d. P. 18. URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/771448/sixto-nunez-v-caribbean-international-news-corp-el-vocero-de-puerto/>

Согласно § 33(b)(4) Закона Лэнхема²⁰¹ не считается нарушением исключительного права на товарный знак использование описательных обозначений, включая термины или символы, если они применяются другими лицами не в качестве товарного знака, а исключительно для описания товаров или услуг, которые они предоставляют.

Как показывает опыт США, использование третьими лицами чужих объектов авторского права или средств индивидуализации без согласия правообладателей вполне может быть признано добросовестным.

В российском праве в целях обозначения разрешенного использования интеллектуальной собственности третьими лицами без согласия правообладателя используются такие категории как «свободное использование результатов интеллектуальной деятельности» (ст. 1273-1279, 1306 ГК РФ) и «действия, не являющиеся нарушением исключительного права» (ст. 1335.1, 1359, 1422, 1456, 1487, п.5 ст. 1519 ГК РФ). Несмотря на то, что в российском законодательстве не употребляется выражение «добросовестное использование», наука и практика выработали определенные подходы к содержанию добросовестного использования различных объектов интеллектуальных прав.

Например, само по себе упоминание товарного знака в произведении авторского права не считается его использованием, так же как и простое упоминание словесного обозначения, включенного в состав товарного знака не рассматривается как использование такого товарного знака.²⁰²

Выработанная позиция особенно значима для случаев, когда такое обозначение несет смысловую нагрузку, используется в прямом словарном значении и безотносительно к товарам и услугам, для которых зарегистрирован знак²⁰³. Не может быть признана незаконным использованием товарного знака и

²⁰¹ The Lanham (Trademark) Act : Pub.L. 79-489, 60 Stat. 427. Enacted: July 5, 1946. Codified at: 15 U.S.C. § 1051 et seq. (15 U.S.C. ch. 22).

²⁰² Обзор практики суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (утвержден постановлением президиума СИП от 24.10.2022 № СП-21/24), постановление Президиума ВАС РФ от 01.12.2009 N 10852/09 по делу N А45-15761/2008-8/270 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰³ Постановление СИП от 16.07.2018 по делу № А33-25467/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

ссылка на реальные творческие достижения исполнителя, например, участие в творческом коллективе, название которого зарегистрировано как товарный знак²⁰⁴.

Товарный знак используется для целей индивидуализации товаров, работ, услуг, а также юридических лиц или индивидуальных предпринимателей²⁰⁵. При этом, как верно отмечает А.С. Ворожевич, «имманентные границы исключительного права на товарный знак устанавливают требование использовать обозначение в качестве товарного знака, то есть обозначение должно использоваться в качестве указателя на источник происхождения маркированного товара»²⁰⁶.

Суть спора о добросовестности использования заключается в противоречии между двумя ключевыми задачами: предотвращением введения потребителей в заблуждение относительно происхождения товаров и обеспечением конкуренции путём предоставления информации о возможных альтернативных вариантах²⁰⁷.

По сути, как доктрина добросовестного использования, так и подход, используемый в российском праве, касается приблизительно одних и тех же случаев использования произведений, которое не нарушает правомочие правообладателя по использованию своего исключительного права в силу своего свойства или в силу прямого указания в законе.

Как отмечают некоторые исследователи, например, В.О. Калятин²⁰⁸ и П.С. Могилевский²⁰⁹, подходы, используемые в США или России, не имеют однозначных преимуществ и недостатков друг перед другом, поскольку решают одну и ту же задачу, но разными способами и оставляют много пробелов в

²⁰⁴ Постановление СИП от 26.05.2017 по делу № А41-50022/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁵ Пункт 157 Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁶ См.: Ворожевич А.С. Граница исключительных прав на товарные знаки. Значение репутации (гудвилла) товарных знаков // ИС. Промышленная собственность. 2019. № 11. С. 41-48.

²⁰⁷ Barnes D. W., Laky T. Classic Fair Use in Trademark: Confusion About Defenses. // Santa Clara Computer and High Technology Law Journal. 2004. Vol. 20. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=899781> (дата обращения: 04.04.2024 г.).

²⁰⁸ См.: Калятин В.О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. 2015. № 11. С. 40-47.

²⁰⁹ См.: Могилевский П.С. Доктрина добросовестного использования в США и свободное использование произведений в России: сравнительный анализ // Гражданское право. 2022. № 5. С. 12-14.

регулировании вопроса добросовестного использования объектов интеллектуальных прав третьими лицами. При этом в обоих случаях следует говорить именно о добросовестном использовании самих объектов интеллектуальных прав, а не прав на них, поскольку лицо, которое осуществляет такие действия, не обладает исключительным правом.

В рамках настоящего исследования не может быть обойден вниманием вопрос о добросовестности использования товарных знаков или объектов авторских и смежных прав в различных маркетинговых стратегиях, самой известной из которых является «продакт плейсмент».

Сегодня демонстрация известных логотипов или произведений в фильмах, видеороликах, телепередачах является распространенной практикой создателей аудиовизуальных произведений с целью придания какого-либо антуража или дороговизны картинке на экране. В некоторых случаях компании платят за такое появление их товара в кадре²¹⁰, запрещают использовать бренд определенным персонажам²¹¹ и т.д. Это обусловлено высокой эффективностью использования товара в кадре, приносящей выгоду производителю или продавцу. Например, после появления в фильме «Топ Ган» (1986, режиссер Тонни Скотт) очков-авиаторов их продажи стремительно возросли во всем мире, они стали культовым элементом в образе многих людей²¹².

Использование такой технологии как placement (англ. – размещение продукта) порождает вопросы на стыке права интеллектуальной собственности и конкурентного права, причем в литературе можно найти множество определений сущности данной технологии.

²¹⁰ Например, Harley-Davidson в фильме Мстители: Эра Альтрона, Jack Daniel's в фильме Основной инстинкт,

²¹¹ Apple запрещает кинозлодеям использовать iPhone// URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/news/4000721/> (дата обращения: 14.01.2024 г.)

²¹² Ежегодные исследования компании Concave Brand Tracking²¹² прямо показывают, что демонстрация какого-либо товара, например в кадре фильма, особенно, если этот фильм успешен в кинопрокате, прямо влияет на популярность такого товара и доходность от его реализации. Мировые исследования показывают, что внушительная часть населения планеты страдает так называемым «синдромом подражания [поклонения] знаменитостям» (URL: <https://www.cbsnews.com/news/a-new-age-of-celebrity-worship/> (дата обращения: 14.01.2024 г.)

Так, Ф. Котлер описывает product placement как технологию размещения товара, которая применяется продюсерами в кинофильмах для продвижения товара²¹³.

Е.И. Спектор определяет «литературный product placement (скрытая реклама)», как инструмент «посредством которого товар, продвигаясь на рынок, оказывает косвенное воздействие на подсознание читателей через интегрирование его в книгу и дальнейшее ее продвижение на рынке»²¹⁴.

О том, что product placement является скрытой рекламой, говорят и другие исследователи²¹⁵. Хотя встречаются и сторонники позиции понимать product placement как представляющий собой «самостоятельный, специфический вид маркетинговых коммуникаций компании», который «собственно рекламой (скрытой или явной) или определённым способом рекламы не является»²¹⁶.

Согласно п. 9 ч. 2 ст. 2 ФЗ «О рекламе»: «закон не распространяется на ... упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства и сами по себе не являются сведениями рекламного характера»²¹⁷. При этом не любое упоминание товара или его средств индивидуализации в телевизионном сюжете автоматически признаётся продакт-плейсментом и для таких случаев законодательство предусматривает исключение, выводящее подобное размещение из-под регулирования рекламного законодательства²¹⁸.

Демонстрация охраняемых товарных знаков или объектов авторского права в фильмах, телепередачах или рекламных роликах не нарушает исключительные

²¹³ См.: Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. СПб, 1999. С. 738.

²¹⁴ См.: Спектор Е.И. Комментарий к Федеральному закону «О рекламе» (постатейный). М., 2007. С. 19.

²¹⁵ См.: Дворецкий В.Р. Комментарий к новому Закону о рекламе. М., 2006. С. 5; Беляева О.А. Предпринимательское право: Учебное пособие / Под ред. члена Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде РФ, профессора Ляндреса В.Б. — М., Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2006. — С. 335; Ларионов А.В., Ларионова В.А. Комментарий к Федеральному закону от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2006.

²¹⁶ См.: Герасименко Н.М., Король А.Н. Продакт плейсмент: теория и практика развития // Вестник ТОГУ. 2015. № 3(38). С. 183.

²¹⁷ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁸ Определение ВАС РФ от 19.01.2011 № ВАС-18315/10 по делу № А65-7742/2010-СА3-56 // СПС «КонсультантПлюс».

права их правообладателей, если спорные товары используются на съёмочной площадке в качестве реквизита. Для таких случаев действуют нормы об исчерпании прав на товарный знак (ст. 1487 ГК РФ) и на авторские произведения (статья 1272 Гражданского кодекса РФ), которые исключают нарушение при добросовестном использовании в рамках съёмочного процесса. Следовательно нельзя говорить об использовании результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, принадлежащих правообладателю, при использовании скрытой рекламы в аудиовизуальных произведениях.

Такие действия не образуют нарушения исключительного права. С точки зрения принципа добросовестности говорить о том, что в таком случае лицо пытается каким-либо образом получить преимущества по сравнению с другими лицами в гражданском обороте в случае, когда отсутствует использование объекта интеллектуальной собственности, неверно, поскольку никакой выгоды лицо из такого поведения не извлекает.

Таким образом, использование объектов интеллектуальной собственности третьих лиц в рамках «скрытой рекламы» не является нарушением исключительного права на средство индивидуализации или объекты авторских и смежных прав, поскольку такие действия не охватываются правомочием правообладателя исключительного права, в том числе «при рекламе товаров». Это объясняется тем, что не является основным местом акцентирования внимания пользователя продукта с использованием технологии скрытой рекламы и не образует состав недобросовестного поведения такого лица, поскольку отсутствует использование самого такого объекта.

Помимо изложенного о добросовестном использовании может идти речь при возникновении самостоятельного права у третьего лица, которое почти тождественно тому, которое есть у правообладателя, – права преждепользования (п. 1 ст. 1361 ГК РФ).

Данное право возникает, если третье лицо, не являясь правообладателем, добросовестно использовало на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение или решение, отличающееся от

изобретения только эквивалентными признаками, либо сделало необходимые к этому приготовления. Как отмечает С.П. Гришаев: «Под добросовестным использованием понимается такое использование, при котором тождественное решение было создано самостоятельно, а не разработано на основе описаний, чертежей, моделей лица, получившего патент на изобретение, полезную модель, промышленный образец»²¹⁹. О.А. Городов указывает: «У преждепользователя нет права на дальнейшее безвозмездное использование решения, отличающегося от изобретения только эквивалентными признаками, поскольку безвозмездно можно использовать только тождественное решение»²²⁰. ВС РФ отмечает, что преждепользование это – право безвозмездно использовать тождественное решение в определенном объеме и без расширения такого использования²²¹.

И.Я. Хейфец считал, что институт преждепользования приобретает смысл и значение, если он направлен к ограждению параллельного творчества, а не к охране интересов недобросовестных лиц²²².

О.С. Иоффе называл лицо, обладающее правом преждепользования, лицом, которое фактически создало изобретение²²³.

Е.А. Павлова отмечает, что преждепользование – это вид ограничения исключительного права, и подчеркивает, что его содержание не может толковаться расширительно²²⁴.

А.С. Ворожевич относит право преждепользования к самостоятельному имущественному праву, которое является обременением исключительного права на использование патентоохраняемого объекта²²⁵.

²¹⁹См.: Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁰ См.: Городов О.А. Право преждепользования и право послепользования: новый взгляд на старые проблемы // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2014. № 6. С. 8.

²²¹ Пункт 28 «Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

²²² См.: Хейфец И.Я. Основы патентного права / с предисл. Мартенс Л.К. Л.: Науч. химико-техн. изд-во, 1925. 416 с.

²²³ См.: Иоффе О.С. Основы авторского права. М.: Знание, 1969. С. 83.

²²⁴ Приводится по: Ламбина В.С. Протокол заседания Научно-консультативного Совета при Суде по интеллектуальным правам (23 января 2014 года) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 4. С. 4-11.

²²⁵ См.: Ворожевич А.С. Право преждепользования: сущность, объем, проблемы доказывания // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 65-66.

Институт преждепользования направлен на обеспечение справедливости по отношению к добросовестному лицу, которое самостоятельно разработало техническое решение, обладающее признаками патентоспособности, и начало его использовать, однако не подало заявку на патентование по каким-либо причинам. Такое лицо внесло значительный вклад в научно-технический прогресс и, следовательно, заслуживает предоставления ему права продолжать использовать данное решение.

В развитие сказанного можно процитировать слова В.О. Калятина в отношении основного назначения права преждепользования, суть которого состоит в «обеспечении экономического оборота бизнес-компании с тем, чтобы не возникало чрезмерных рисков при внедрении новых технологий, что кто-то раньше подаст заявку»²²⁶. Аналогичное мнение встречается и зарубежной литературе: «Инновационная деятельность является, с одной стороны, рискованной и непредсказуемой, с другой – затратной, поскольку в случае опоздания с подачей заявки субъект не сможет использовать разработку, может отпугнуть его от вложений в создание соответствующего интеллектуального продукта»²²⁷.

Представляется, что добросовестный правообладатель, осуществляя серьёзные затраты и самостоятельную разработку, не должен страдать от факта невыполнения формальных процедур по подаче документов в уполномоченное ведомство и лишаться таким образом всех вложений. Вследствие этого надо признать, что добросовестные действия по созданию и использованию результата интеллектуальной деятельности могут приводить к возникновению самостоятельного имущественного права параллельно с исключительным правом правообладателя.

В другом случае факт неиспользования своего интеллектуального права влияет на возможность использования исключительного права третьими лицами.

²²⁶ Протокол № 3 заседания Научно-консультативного совета при СИП от 4 апреля 2014 г.// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 4 (июнь) С. 4-11.

²²⁷ См.: Spence, M. Intellectual property / M. Spence. Oxford, 2007. P. 200–201.

Факт неиспользования патента, даже без предъявления требования о запрете патента и взыскании компенсации, также имеет важное значение для общества и государства, поскольку наличие патента без его нахождения на рынке в виде продукта с использованием патента мешает техническому прогрессу. Для противодействия таким ситуациям законодательство РФ предусматривает возможность выдачи принудительной лицензии (ст. 1362 ГК РФ) в связи с неиспользованием либо недостаточным использованием патента, приводящее к недостаточному предложению соответствующих товаров, работ или услуг на рынке.

Данная норма основана на пункте А-(2) ст. 5 Парижской конвенции, где определены цели предоставления принудительной лицензии – предотвращение неправомерного использования исключительного права, предоставленного патентом, в частности, в случаях, когда патент не используется. Иными словами, текст Парижской конвенции позволяет квалифицировать действия по неиспользованию патента в качестве злоупотребления правом.

По замечанию С.А. Сеницына, принудительное лицензирование дает возможность преодоления блокирующей позиции патентообладателя и как он отмечает с учетом анализа зарубежной литературы: «институт принудительной лицензии дает возможность ограничивать исключительные права патентообладателя в случаях, когда он злоупотребляет этими правами, существенно ограничивает технический прогресс или экономическое развитие, либо препятствует удовлетворению важных общественных потребностей»²²⁸.

Необходимость применения института принудительного лицензирования в сфере патентного права обусловлена двумя независимыми, но равноценными факторами. Во-первых, это связано с необходимостью предотвращения и пресечения злоупотреблений со стороны патентообладателей при осуществлении исключительного права, когда их действия могут препятствовать свободному доступу к технологиям или создавать ограничения для конкуренции. Во-вторых,

²²⁸ См.: Сеницын С.А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М., 2022. С. 134.

принудительное лицензирование служит интересам общества в целом, поскольку позволяет расширить возможности использования запатентованных изобретений, способствуя более широкому внедрению инноваций и удовлетворению значимых социальных и экономических потребностей. Следовательно, неиспользование патента является формой недобросовестного поведения, а его последствием является возможность выдачи принудительной лицензии заинтересованному лицу. Добросовестный патентообладатель при отсутствии объективных обстоятельств должен использовать патент путем предоставления права использования патента или реализации продукта с использованием патента с целью защиты технического прогресса общества.

Таким образом, добросовестным использованием объектов интеллектуальных прав в российском праве признаются действия как правообладателя, так и третьих лиц, которые не обладают исключительным правом на используемый объект. При этом добросовестные действия упомянутых третьих лиц по использованию не считаются нарушением исключительного права или приводят к возникновению самостоятельного права параллельно с правообладателем (право преждепользования). Действия, которые признаются добросовестным использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, определяются либо непосредственно самим законодательством, что в первую очередь характерно для результатов интеллектуальной деятельности, либо формируются и конкретизируются посредством судебной практики, что особенно актуально в отношении средств индивидуализации. При этом факт неиспользования объекта интеллектуальных прав правообладателем создает для третьих лиц правовую возможность использования такого объекта в своих целях (принудительная лицензия).

Принцип добросовестности правообладателя играет также приобретает особое значение в процессе распоряжения этими правами. Это касается как взаимодействия внутри единой правовой общности соправообладателей, так и в отношениях с третьими лицами при вступлении в договорные отношения.

Исключительное право на объекты интеллектуальной собственности в может не ограничиваться правами только одного лица, а принадлежать нескольким лицам. Статья 1229 ГК РФ предусматривает, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации за исключением фирменного наименования может принадлежать одному лицу или нескольким лицам совместно, и каждый из правообладателей может использовать соответствующий объект по своему усмотрению, за исключением случаев, установленных законом или соглашением между соправообладателями.

Как отмечал Р. Зорм, «совместное авторское право и совместное изобретательское право являются разновидностью юридической общности»²²⁹. В то же время В.О. Калятин подчеркивает: «Самостоятельность прав влечет возможность каждого правообладателя использовать объект и распоряжаться правом по своему усмотрению без согласования с другими независимыми создателями того же объекта. Однако здесь возникает и точка пересечения: действия одного из обладателей исключительного права могут повлиять на интересы других правообладателей»²³⁰.

Действия со стороны автора или правообладателя, которые в результате приводят к прекращению исключительного права на объект интеллектуальной собственности в условиях соправообладания, вряд ли можно квалифицировать как добросовестные. Подобные действия вызывают серьёзные правовые вопросы, поскольку одним из итогов может стать лишение других соправообладателей их исключительного права. В контексте результатов интеллектуальной деятельности, такая ситуация наиболее типична именно в случаях признания патента недействительным. При этом такое признание как правового основания прекращения исключительного права по инициативе одного из

²²⁹ См.: Sohm R. Der Gegenstand. Ein Grundbegriff des Bürgerlichen Gesetzbuches – Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1905, P. 61-62.

²³⁰ См.: Калятин В.О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 8. С. 35-48.

соправообладателей нарушает баланс и приводит к утрате исключительного права для всех соправообладателей.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 1398 ГК РФ патент в течение срока его действия может быть оспорен путем подачи возражения в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности любым лицом, которому стало известно о нарушениях, предусмотренных пп. 1–4 п. 1 ст. 1398 ГК РФ. В силу п. 7 ст. 1398 ГК РФ признание патента недействительным означает отмену решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о выдаче патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец (ст. 1387 ГК РФ) и аннулирование записи в соответствующем государственном реестре (п. 1 ст. 1393 ГК РФ). В связи с этим возможность оспаривания патента создает риск для существования запатентованного объекта.

При этом абз. 2 п. 2 ст. 1398 ГК РФ наравне с учетом частного интереса лица, подающего возражение, преследует и публичные интересы, заключающиеся в том, чтобы неправомерно выданные патенты не создавали препятствия развитию науки и ведению третьими лицами деятельности с использованием неохраноспособных технических решений, вследствие чего допускается оспаривание патентов в период срока действия любыми лицами²³¹. По смыслу ст. 1229 ГК РФ распоряжение исключительным правом при соправообладании должно осуществляться совместно.

При этом нельзя не замечать, что практике известны случаи, когда правообладатель патента сам оспаривал регистрацию своего патента, например, в связи с несением бремени уплаты покупной цены²³². Учитывая, что институт подачи возражений против выдачи патента непосредственно затрагивает вопрос действительности исключительного права, представляется обоснованным

²³¹ Постановление президиума СИП от 17.04.2017 по делу № СИП-289/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

²³² Решение СИП по делу № СИП-796/2022 от 27.03.2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

утверждать, что соответствующие действия могут осуществляться исключительно при наличии согласованной воли всех патентообладателей.

Совершение действий, направленных на оспаривание патента одним из сопатентообладателей вопреки интересам остальных может свидетельствовать о его недобросовестном поведении. Подобного рода поведение, исходя из принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) являются прямым обходом закона. Недопустимость осуществления субъективных прав в ущерб интересам других правообладателей обусловлена тем, что режим соправообладания предполагает согласованность действий участников таких правоотношений. Если один из патентообладателей выражает намерение прекратить охрану объекта, закон предоставляет ему возможность инициировать процедуру досрочного прекращения действия патента путем обращения в уполномоченный орган с соответствующим заявлением. Однако природа данного института обуславливает требование о совместном волеизъявлении: заявление о прекращении действия патента должно быть подписано всеми соправообладателями.

Отдельного внимания заслуживает различие в правовых последствиях, возникающих в зависимости от выбранного правового механизма — досрочного прекращения действия патента по заявлению соправообладателей или признания патента недействительным по причине несоответствия объекта установленным условиям патентоспособности. При признании патента недействительным констатируется тот факт, что объекту изначально не могла быть предоставлена правовая охрана. Вследствие этого сведения о таком патенте исключаются из государственного реестра, и соответствующий объект не учитывается при последующем проведении экспертизы патентоспособности поданных заявок третьих лиц. Иными словами, подобная ситуация имеет ретроспективный правовой эффект — как если бы патент никогда не существовал. В противоположность этому, досрочное прекращение действия патента по заявлению его обладателей не затрагивает вопроса о соответствии объекта условиям патентоспособности и не влечет аннулирования сведений о нем в

реестре. В этом случае патент продолжает отражаться в официальной патентной документации и учитывается при проверке патентоспособности заявок третьих лиц.

При рассмотрении вопроса о пределах компетенции Роспатента необходимо отметить, что на стадии анализа заявления о признании патента недействительным данный орган лишён полномочий по непосредственному применению статьи 10 ГК РФ. Это объясняется процессуальной природой полномочий Роспатента: в рамках процедуры оспаривания он оценивает исключительно соответствие спорного объекта установленным критериям патентоспособности, а не анализирует поведение заявителя с точки зрения соответствия принципу добросовестности.

Вместе с тем было бы ошибочно рассматривать возможное злоупотребление правом отдельного сопатентообладателя как основание для отмены решения о признании патента недействительным, если сам объект действительно не соответствует условиям патентоспособности. Общественный интерес в исключении из оборота объектов, не отвечающих требованиям патентоспособности, превалирует над частным интересом отдельного лица в сохранении правовой охраны объекта. Приоритет публичных интересов в охране патентоспособных объектов и сохранении свободы использования решений, которые не обладают патентоспособностью, исключает возможность сохранения неправомерно выданного патента только на основании недобросовестности действий соправообладателя оспаривающего действительность патента.

Выявление факта недобросовестного поведения сопатентообладателя все-таки не может оставаться без каких-либо негативных последствий для недобросовестного лица. Такое поведение может порождать гражданско-правовые последствия в плоскости отношений между соправообладателями. В частности, несоответствие действий одного из них принципу добросовестности может служить основанием для возложения на него обязанности возместить убытки другим соправообладателям, которые они понесли в результате неправомерного инициирования процедуры признания патента

недействительным. Тем самым осуществляется разграничение публично-правовых и частноправовых последствий: в первом случае учитывается интерес общества в исключении неправомерно выданных патентов, во втором — интересы отдельных участников гражданского оборота в восстановлении нарушенного имущественного права.

Следует подчеркнуть, что аналогичные рассуждения применимы и к ситуации с автором патента, который уже не является его правообладателем. В соответствии с п. 3 ст. 1228 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. Как указывал ВС РФ: «исключительное право может быть передано автором другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по иным основаниям, установленным законом»²³³. Однако если автор утратил статус правообладателя, он не получает права на использование института оспаривания в качестве инструмента злоупотребления, направленного на прекращение прав иных лиц, которым правомерно перешло исключительное право по какому-либо основанию. Поведение бывшего правообладателя также подлежит с точки зрения добросовестности, что и действия сопатентообладателей в аналогичной ситуации.

Таким образом, в ситуации, когда соправообладатель или автор пытается оспорить патент, то такое поведение должно быть расценено как недобросовестное, поскольку подобные действия представляют собой попытку обхода закона (ст. 10 ГК РФ), который предусматривает необходимость совместного волеизъявления в случае принятия решения о досрочном прекращении действия патента. Оно должно квалифицироваться как злоупотребление правом с негативными последствиями лица, вплоть до возникновения у него обязанности по возмещению убытков, причинённых его действиями другим лицам.

²³³ Пункт 8 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2023) (утв. Президиумом ВС РФ 26.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

В сфере регулирования отношений, связанных с распоряжением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности в области авторских и смежных прав, существует принципиальная разница, обусловленная отсутствием системы их государственной регистрации и как следствие отсутствие механизмов, позволяющих установить достоверность информации о наличии исключительного права.

Данное обстоятельство существенно усложняет правоприменительную практику, поскольку контрагент, вступающий в договорные отношения, оказывается в ситуации информационной асимметрии. Он фактически лишён объективной возможности проверить, обладает ли заявленный правообладатель исключительным правом единолично либо же это право принадлежит нескольким лицам совместно, и соответственно — уполномочен ли конкретный соправообладатель на заключение сделки.

В условиях отсутствия государственной регистрации указанная неопределённость компенсируется использованием механизма заверений и гарантий (ст. 431.2 ГК РФ). Указанный институт позволяет возложить на сторону, предоставившую недостоверную информацию, риск наступления неблагоприятных последствий в виде гражданско-правовой ответственности, включая возмещение убытков и по своей правовой природе выступают инструментом перераспределения рисков.

Таким образом, в отсутствие механизма государственной регистрации в отношении объектов авторских и смежных прав и как следствие реестра таких объектов с указанием правообладателей гарантии и заверения обеспечивают баланс интересов сторон по сделке и ключевым элементом в процессе правового регулирования распоряжения исключительным правом на нерегистрируемые объекты интеллектуальной собственности.

По смыслу п. 1 и 3 ст. 1229 ГК РФ следует, что незаконным признается только использование, осуществляемое иными лицами, нежели правообладатель²³⁴.

Как отмечает в судебной практике, если соправообладатель реализует самостоятельно исключительное право на объект авторских или смежных прав без получения на это согласия другого соправообладателя, то на его контрагента может возлагаться ответственность, поскольку необходимо установить наличие между соавторами соглашения, которое бы предусматривало право соправообладателя использовать объект и распоряжаться исключительным правом самостоятельно и единолично²³⁵. При этом заключение договора только с одним соправообладателем позволяет суду не учитывать такой договор для легализации факта использования произведения, поскольку он не соответствует положениям п. 3 ст. 1229 ГК РФ²³⁶.

Как представляется, ситуация, возникающая при заключении договоров в отношении объектов авторских и смежных прав, в отношении которых установлен режим соправообладания, сопряжена с существенными правовыми рисками для контрагента. Участник гражданского оборота, вступающий в такие правоотношения, объективно ограничен в возможности провести надлежащую проверку состава лиц, обладающих исключительным правом, а также наличие согласованной воли на распоряжение исключительным правом. В случае если распоряжение исключительным правом осуществляется без соблюдения установленного законом требования о согласованном волеизъявлении всех соправообладателей, приобретатель не приобретает исключительное право и как следствие не влечет тех правовых последствий, на которые рассчитывали ее стороны, и подлежит признанию недействительной. Совершенная сделка

²³⁴ Справка о некоторых спорных вопросах соправообладания исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации (подготовлена к обсуждению на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 30 ноября 2018 года). С. 7 // https://ipc.arbitr.ru/files/pdf/spravka_po_sopravo.pdf (дата обращения 01.06.2024 г.).

²³⁵ Постановление СИП от 15.02.2018 по делу № А32-36047/2016, от 24.12.2020 по делу № А40-29771/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁶ Определение ВС РФ от 27.09.2019 № 305-ЭС19-15824 по делу № А40-151454/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

нарушает требование закона и является недействительной в силу ст. 168 ГК РФ как нарушающая требование закона – в данном случае требование абз. 2 п. 3 ст. 1229 ГК РФ о совместном распоряжении исключительным правом²³⁷.

Рассматривая возможность оспаривания таких сделок следует учитывать, что далеко не во всех случаях подобные сделки могут признаваться недействительными, поскольку на основании п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление о недействительности сделки не имеет правового значения: неуполномоченный соправообладатель, ссылающийся на недействительность сделки, действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание контрагенту полагаться на действительность сделки. Недобросовестный соправообладатель заключая сделку уже показывает свое намерение на ее исполнение и нарушает принцип *venire contra factum proprium*.

Вместе с тем такая сделка совершенная недобросовестным соправообладателем все-таки может быть оспорена, но другими соправообладателями, которые не знали о ее совершении и не давали согласие на заключение сделки от их имени, на основании п. 2 ст. 173.1 ГК РФ. Распоряжение исключительным правом сооправобладателей в ст. 1229 ГК РФ не предусматривает получения согласия, поэтому норма п. 1 ст. 173.1 ГК РФ в этой ситуации не применима.

Следует учитывать, что практике уже известны примеры сделок, которые могут оспариваться на основании п. 2 ст. 173.1 ГК РФ, например, сделки, совершенные супругами без получения нотариального согласия супруга в нарушение ст. 35 СК РФ. При этом КС РФ уже установил требования к действиям заинтересованного в оспаривании такой сделки лица: если контрагент не знал, что лицо, совершившее сделку, не имело на это права без согласия второго лица, суд признает его добросовестным приобретателем²³⁸.

²³⁷ Решение СИП от 30.08.2018 по делу № СИП-188/2018, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2012 по делу № А40-100964/11 // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2021 г. № 35-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева" // Российская газета. 2021. N 166. 26 июля.

С одной стороны, подтвердить недобросовестность контрагента при приобретении исключительных прав без согласия другого правообладателя довольно сложно. Это связано с тем, что не всегда можно точно определить, кто является правообладателем результата интеллектуальной деятельности (поскольку последние не подлежат обязательной государственной регистрации).

С другой стороны, было бы неправильно полностью лишать второго правообладателя возможности оспорить сделку, которая была заключена без его ведома и согласия. Ведь в результате такой сделки могут быть нарушены права и интересы правообладателя, который не участвовал в принятии решения об отчуждении или предоставлении права использования на объект интеллектуальной собственности. Наличие таких механизмов для пострадавших соправообладателей и одновременно их обязанность доказывать недобросовестность приобретателя и есть баланс между защитой прав добросовестных приобретателей и обеспечением прав и интересов правообладателей.

При этом действия лица, которое не имело права на совершение подобной сделки, очевидно должны квалифицироваться как недобросовестные. Как отмечает ВС РФ: «обманом считается не только сообщение информации, не соответствующей действительности, но также и намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота»²³⁹. Наличие соправообладателей как раз и является таким обстоятельством, которое должно быть известно контрагенту.

Следовательно, при совершении сделки в отношении объектов, находящихся в режиме совместной собственности, на правообладателя возлагается особая обязанность — обеспечить осведомленность своего контрагента о факте существования иных соправообладателей. Только в случае надлежащего

²³⁹ Пункт 99 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

раскрытия этих сведений его поведение может быть квалифицировано как соответствующее принципу добросовестности. Иными словами, правомерное распоряжение исключительным правом предполагает либо участие всех правообладателей непосредственными участниками данной сделки, либо осуществление полномочий одним из соправообладателей, но исключительно при условии, что он наделен соответствующей легитимацией — то есть действует в пределах предоставленных ему полномочий представителя остальных правообладателей.

Как верно отмечается в научной литературе, «осуществление исключительного права, принадлежащего нескольким лицам, требует установления в законе специального правового режима, касающегося порядка такого осуществления в отношении прав на различные результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»²⁴⁰. Дальнейшее развитие принципа добросовестности в сфере регулирования исключительных прав возможно посредством совершенствования действующего законодательства. В особенности имеется проект Федерального закона № 479514-8²⁴¹, регулирующий вопросы выделения долей в исключительных правах и вводит в качестве существенного условия в соглашения между правообладателями порядок их совместных действий при распоряжении исключительными правами. Введение подобного механизма позволит урегулировать коллективный характер принятия решений относительно распоряжения исключительным правом на объекты находящиеся в соправообладании. Иными словами, любое распоряжение исключительным правом должно будет осуществляться при обязательном согласии всех соправообладателей. Данные изменения направлены не только на достижение внутреннего баланса интересов между соправообладателями исключительного права, но и на повышение уровня правовой определенности для

²⁴⁰ См.: Гутников О.В., Сеницын С.А. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 12. С. 67 - 73.

²⁴¹ Проект Федерального закона № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

иных участников гражданского оборота, которые вступают в сделки в связи с желанием использовать объекты находящиеся в режиме соправообладания.

Таким образом, осуществление распоряжения исключительным правом в условиях множественности правообладателей может быть признано соответствующим принципу добросовестности лишь при соблюдении ключевого условия: наличие у лица полномочия действовать от имени всех остальных соправообладателей для определения юридической судьбы соответствующего объекта интеллектуальных прав. Не менее значимым аспектом является обязанность соправообладателя раскрывать перед своим контрагентом полную и достоверную информацию обо всех лицах, являющихся соправообладателями исключительного права, а также о пределах их правомочий. Соккрытие такой информации может рассматриваться как умышленное введение в заблуждение и, следовательно, как нарушение принципа добросовестности и может являться основанием для признания сделки недействительной. При этом последствием такого недобросовестного поведения может стать взыскание с недобросовестного соправообладателя убытков, в случае оспаривания сделки по распоряжению исключительным правом другими соправообладателями.

В контексте исследования распоряжения исключительным правом анализу подлежит и добросовестность приобретателя, вопрос о которой возникает при оспаривании сделки заинтересованным соправообладателем на основании п. 2 ст. 173.1 ГК РФ. Это один из немногих случаев проявления субъективной добросовестности в праве интеллектуальной собственности, за исключением ее проявления при создании объектов интеллектуальной собственности.

Данная проблема была предметом обсуждения Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам²⁴². Участники обсуждения отметили, что в условиях действующей модели каузального перехода при

²⁴² Протокол № 19 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам [Электронный ресурс] // Официальный сайт суда по интеллектуальным правам, М., 2018. URL: <https://ipc.arbitr.ru/node/14172> (дата обращения 14.03.2022)

наличии «цепочки сделок», в случае признания первоначальной сделки недействительной, конечный приобретатель права лишён какой-либо защиты.

Кроме того важно заметить, что как участники названного мероприятия, так и другие ученые²⁴³, рассматривают вопрос о защите добросовестного приобретателя исключительного права с точки зрения применения по аналогии нормы ст. 302 ГК РФ, где указано в каких случаях собственник вещи имеет право истребовать имущество от добросовестного приобретателя.

Вместе с тем правила о добросовестном приобретателе было бы правильно распространить на приобретателей всякого имущественного права, в том числе, как в данном случае, исключительного права.

В связи с отсутствием правового регулирования данного вопроса и возможной правовой коллизией при применении ст. 302 ГК РФ по аналогии, представляется более эффективным создание специального способа правовой защиты добросовестных приобретателей объектов интеллектуальной собственности.

Например, так было сделано с долями в уставных капиталах юридических лиц в п. 17 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», где указано в каком случае и каким способом владелец доли уставного капитала имеет право истребовать ее от добросовестного приобретателя. Как верно отмечает П.В. Хлюстов в отношении специального механизма защиты прав участников хозяйственных обществ, «хотя указанный способ защиты имеет общие черты с виндикационным иском, наличие специального способа защиты права исключает возможность защиты прав участников общества с ограниченной ответственностью путем обращения с виндикационным иском»²⁴⁴. Таким образом, введение самостоятельного

²⁴³ См.: Мурзин Д.В. Осуществление исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: допустимость аналогии норм о праве собственности// Журнал суда по интеллектуальным правам. Июнь 2019. С. 5-15

²⁴⁴ См.: Хлюстов П.В. Энциклопедия правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 300 с.

механизма полностью исключает применение норм вещного права, и устраняет конкуренцию норм второй и четвертой частей ГК РФ.

В судебной практике отсутствуют примеры защиты добросовестного приобретателя объекта интеллектуальной собственности, как это в свое время было с правами участников хозяйственных обществ²⁴⁵ до появления специального механизма. Вместе с тем при вынесении ВАС РФ судебных актов вопрос о возможности применения положения ст. 302 ГК РФ к долям в уставных капиталах также был дискуссионным. Это связано с тем, что доли, как и объекты интеллектуальной собственности, представляют собой объекты нематериального характера и по смыслу виндикационной защиты ими нельзя владеть как вещами, которые существуют в натуре.

Кроме того, суды с учетом действующих норм законодательства отказываются применять механизм добросовестного приобретателя и в отношении другого имущественного права как право требования в рамках цессии. Такая позиция повсеместно встречается в различных судебных актах.

Так, суды обычно отклоняют доводы о возможности применения к добросовестному цессионарию по аналогии правил ст. 301, 302 ГК РФ со ссылкой на то, что по спорной сделке передавалась не вещь, а право требования²⁴⁶, а на конечного цессионария не распространяется механизм защиты добросовестного приобретателя, предусмотренный только для возражений против виндикационного требования²⁴⁷.

Вместе с тем, несмотря на преобладающую в судебной практике позицию о неприменимости ст. 302 ГК РФ к уступке требования, встречаются судебные акты, в которых поднимаются вопросы защиты добросовестного цессионария.

Например, Десятый арбитражный апелляционный суд сделал такой вывод: «Судом отклоняются доводы о том, что при признании сделки в виде договора

²⁴⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 29.08.2006 № 1877/06 и Постановление Президиума ВАС от 17.09.2009 № 11458/09 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁶ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.07.2012 по делу № А82-4256/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁷ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.09.2021 № Ф01-4557/2021 по делу № А11-8670/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

уступки права требования недействительной, автоматически являются недействительными все последующие сделки уступки права требования, а права требования подлежат возврату первоначальному cedentu, а добросовестность приобретения указанных прав не имеет правового значения... К настоящим отношениям применяются нормы о запрете истребования имущества у добросовестного приобретателя.

Указанное правоприменение соответствует принципам правового регулирования в целях соблюдения баланса интересов участников оборота, оспаривающих сделку (первоначальный cedent) и добросовестных участников оборота, владеющих правом»²⁴⁸. При этом суд в данном деле вывел применение ст. 302 ГК РФ по аналогии в связи с тем, что «...целью совершения сделки уступки требования было приобретение прав на недвижимое имущество». Можно предположить, что суд сделал это упоминание, чтобы хоть как-то обосновать возможность добросовестного приобретения права, интуитивно полагая, что так будет справедливо.

Существующая проблема защиты добросовестного приобретателя исключительного права связана с каузальной моделью перехода исключительного права. Его принятие в качестве общего правила вполне соответствует интересам оборота и его участников, но ограничивает защиту добросовестного приобретателя.

Представляется, что принцип абстракции представляется более удобным для исключительного права, поскольку при признании первоначальной сделки по отчуждению недействительной лицо, которое приобрело по ней исключительное право, будет считаться изначально не имевшим соответствующего права, а значит будет рассматриваться как нарушитель исключительного права, если использовал каким-то образом соответствующий объект интеллектуальной собственности (например, производил и вводил в гражданский оборот товары с использованием

²⁴⁸ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2022 № 10АП-22374/2021, 10АП-22771/2021 по делу № А41-5612/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

спорного товарного знака). Такой подход представляется не вполне справедливым, в связи с чем, следует рассмотреть возможность введения абстрактной модели перехода исключительных прав в отечественный правопорядок. Главная проблема каузальной модели перехода исключительных прав состоит в том, что третье лицо-добросовестный приобретатель исключительного права совершенно лишёно защиты в силу прямого указания закона.

Теория абстрактных распорядительных сделок появилась в XIX в Германии, её основоположником считается Ф.К. Фон Савиньи.

Суть этой теории состоит в том, что абстрактная распорядительная сделка не зависит от обязывающей, и в случае признания недействительной обязывающей сделки распорядительная сделка остаётся действительной. Стоит согласиться с фразой швейцарского учёного Г. Хонселла: «...в случае уступки не существует добросовестного приобретения, поэтому отсутствие защиты добросовестности заменяется абстрактным характером цессии»²⁴⁹.

В работах германских учёных зачастую говорится о том, что преимущество абстрактной цессии это «...лишение должника возможности выдвигать возражения, если эти возражения вытекают из каузальной сделки между cedentом и цессионарием»²⁵⁰. Представляется, что такой подход является вполне обоснованным и направлен на защиту добросовестного приобретателя имущественного права.

Аналогичного мнения придерживается и А.В. Егоров²⁵¹, отмечающий, что единственный способ вернуть двусторонний характер реституции в подобных случаях – ввести принцип абстракции. Стоит согласиться с мнением К.И.

²⁴⁹ См.: Honsell H. Tradition und Zession - kausal oder abstrakt? P. 20.

²⁵⁰ См.: Larenz K. Allgemeiner Teil des deutschen bürgerlichen Rechts. München, 1967, P. 329/

²⁵¹ См.: Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2010. № 12. С. 18.

Скловского о том, что «фикция в виде абстрактной цессии (распорядительной сделки) желательна»²⁵².

Также важен вопрос, связанный с ответственностью обладателя исключительного права в случае, если оно будет у него истребовано первоначальным правообладателем и разрешатся по каузальной модели.

Лицо не должно нести ответственность и признаваться нарушителем исключительного права в тот период, когда он считался правообладателем. Такой подход аналогичен уже сложившейся практике в сфере патентного права (п. 6 ст. 1398 ГК РФ) и товарных знаков (п. 6 ст. 1513 ГК РФ). Лицензионные договоры, заключенные до момента признания патента или товарного знака недействительным сохраняют свое действие в той мере, в какой они были исполнены к моменту принятия решения. Фактически это приводит к невозможности привлечения лицензиатов по договору к ответственности за период до момента аннулирования регистрации таких объектов.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сделать ряд выводов.

1. Проведенное исследование позволило заключить, что использование объектов интеллектуальной собственности третьими лицами, не являющимися обладателями исключительных прав на эти объекты и не получившими разрешения правообладателя, считается добросовестным только в случаях, прямо предусмотренных законом, что характерно для определённых результатов интеллектуальной деятельности, либо признанных судебной практикой, что характерно для средств индивидуализации. При этом неиспользование объекта интеллектуальных прав самим правообладателем создает для третьих лиц правовую возможность использования такого объекта в своих целях (принудительная лицензия).

Распоряжение исключительным правом при соправообладании будет добросовестным при получении полномочия от других соправообладателей того

²⁵² См.: Скловский К.И. Сделка и ее действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М.: Статут, 2016. С. 47

же объекта на определение юридической судьбы указанной разновидности прав от имени всех соправообладателей. При этом такое распоряжение может быть осуществлено как путем заключения договора, так и в виде прекращения государственной регистрации, если действие права обусловлено фактом такой регистрации.

2.3. Принцип добросовестности при защите интеллектуальных прав

В российской цивилистике превалирует позиция, согласно которой право на защиту включается в состав субъективного гражданского права, на что обращал внимание Н.Г. Александров²⁵³. Эту позицию поддерживал В.П. Грибанов, подчеркивая: «Субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь декларативным правом»²⁵⁴. При этом М.И. Брагинский и В.В. Витрянский подчёркивают, что право на защиту проявляет себя только тогда, когда происходит посягательство, нарушение либо оспаривание субъективного права²⁵⁵.

Сложно не согласиться с данными тезисами, подчеркнув со своей стороны, что невозможность защиты имеющегося субъективного права фактически уничтожает его ценность для субъекта.

Право на защиту является элементом интеллектуальных прав, являющихся субъективными гражданскими правами. И, как верно отмечает Е.Е. Богданова, исключение права на защиту из состава субъективного гражданского права означало бы его обесценивание²⁵⁶. Важно обозначить здесь и позицию Е.А. Суханова, подчеркнувшего, что гражданско-правовая ответственность представляет собой «форму государственного принуждения, смысл которой заключается во взыскании судом имущественных санкций с правонарушителя, влекущих для него невыгодные имущественные последствия, ставшие следствием его неправомерного поведения, в пользу потерпевшего, которые направлены на восстановление его (потерпевшего) имущественного положения»²⁵⁷.

В связи с тем, что право на защиту субъективного гражданского права имеет важное значение для обладателя этого права, нельзя не рассмотреть вопрос

²⁵³ См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 108.

²⁵⁴ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 104; Генкин Д.М. Советское гражданское право: Учебник для юр. вузов / С.Н. Братусь и др. М., 1950. Т. 1. С. 105.

²⁵⁵ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М., 1997. С. 773.

²⁵⁶ См.: Богданова Е.Е. Защита от контрагента. Проблемы субъективных гражданских прав и интересов в договорных отношениях. М., 2006. С. 58.

²⁵⁷ См.: Российское гражданское право: учебник. В 2-х томах. Под ред. Е.А. Суханова. Т.1. М.: Статут, 2010. С.445.

влияния и места принципа добросовестности в контексте ситуаций, связанных с защитой прав в сфере интеллектуальной собственности.

Один из наиболее дискуссионных вопросов касается применения института исковой давности в тех случаях, когда правообладатель намеренно затягивает с обращением в суд с требованием о взыскании компенсации либо убытков с целью искусственного увеличения размера ответственности нарушителя.

Подобная практика вызывает серьезные сомнения в её допустимости, поскольку бездействие правообладателя приводит к существенному возрастанию суммы компенсации, подлежащей взысканию с нарушителя и к увеличению объема контрафактной продукции на рынке в период между моментом выявления нарушения и обращением в суд. Указанное обстоятельство негативно воздействует не только на нарушителя, но и на добросовестных участников гражданского оборота, а также подрывает доверие к стабильности механизма охраны исключительных прав.

Следует учитывать, что при рассмотрении дел данной категории одним из центральных вопросов является корректность расчёта размера убытков или суммы компенсации. Согласно подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ правообладатель имеет право защищать свое исключительное право путем предъявления требования о возмещении убытков. В силу п. 3 ст. 1252 ГК РФ правообладатель вместо возмещения убытков имеет право взыскать компенсацию, которая может рассчитываться несколькими способами: в твердой сумме, в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака; или в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак.

Важно, что в делах о нарушении исключительного права одним из ключевых вопросов является правильность расчета правообладателем убытков или суммы компенсации. Достоверный расчет направлен на достижение основной цели взыскания компенсации или убытков, а именно – восстановление имущественного положения пострадавшей стороны. В связи с этим нельзя не

упомянуть, что О.Н. Садиков²⁵⁸ и А.П. Сергеев²⁵⁹ исходят из восстановительной направленности компенсации за нарушение исключительного права, признавая её разновидностью убытков.

В судебной практике сформировалась четкая позиция, в силу которой взыскание не должно приводить к неосновательному обогащению истца, поскольку правообладатель должен быть поставлен в имущественное положение, в котором находился, если бы объект интеллектуальных прав использовался правомерно²⁶⁰.

В контексте достоверного расчета компенсации должен быть учтен сверхкомпенсационный элемент, который обсуждался еще в совестной науке гражданского права и применительно к которому, в частности, Е.А. Флейшиц указывала, что «взыскание внедоговорного вреда в сумме, превышающей размер вреда, представляет собой существенное отступление от общих начал советского гражданского права»²⁶¹.

К настоящему времени сверхкомпенсационный характер компенсации отмечен многими учеными, включая Л.А. Новоселову и А.С. Ворожевич²⁶², В.О. Калятина и Е.А. Павлову²⁶³, А.Л. Маковского²⁶⁴, С.Л. Будылина²⁶⁵, О.А. Рузакову²⁶⁶, Р.И. Ситдикову²⁶⁷, признающих, что законодательство предусматривает возможность ее выплаты в сумме, превышающей убытки. Это

²⁵⁸ См.: Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 54-55.

²⁵⁹ См.: Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2003. С. 384.

²⁶⁰ Постановление ВАС РФ от 20 ноября 2012 г. № 8953/12 по делу № А40-82533/2011, постановления СИП от 9 марта 2016 г. № С01-69/2016 по делу № А21-2831/2015, от 8 октября 2014 г. № С01767/2014 по делу № А12-30130/2013, от 9 марта 2014 г. № С01-445/2014 по делу № А12-13881/2013, от 14 марта 2014 г. № С01-88/2014 по делу № А41-28573/2011// СПС «КонсультантПлюс».

²⁶¹ См.: Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А., Авторское право. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С.158.

²⁶² См.: Новоселова А.Л., Ворожевич А.С. Элемент вины в нарушении исключительного права на товарный знак // Российский судья. 2018. № 6. С. 14.

²⁶³ См.: Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты исключительных прав / Под общ. ред. Новоселовой Л.А. М., 2014. (авторы комментария – Калятин В.О., Павлова Е.А.).

²⁶⁴ См.: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Под ред. А.Л. Маковского. М., 2008. С. 378 (автор комментария - А.Л. Маковский).

²⁶⁵ См.: Будылин С.Л. Штрафные убытки. Теперь и в России? // Вестник гражданского права. 2013. № 4. С. 19-52.

²⁶⁶ См.: Рузакова О.А. Компенсация и убытки: соотношение институтов. // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 1. С.98.

²⁶⁷ См.: Ситдикова Р. Определение размера компенсации при рассмотрении споров о нарушении авторских и смежных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право. 2009. № 11. С. 40 - 49.

дает основание для вывода, что компенсация, как мера гражданско-правовой ответственности, содержит в себе элементы как восстановительные, так и штрафные.

На практике нередко встречаются дела, когда одним и тем же действием нарушаются права на несколько объектов интеллектуальных прав. При этом в такой ситуации как указывает ВС РФ²⁶⁸ возможно снижение суммы взыскиваемой компенсации или убытков, если правообладатель пытался рассчитать их за каждый объект отдельно или для расчета компенсации используется лицензионный договор, заключенный с аффилированным лицом. В последнем случае у суда возникнет вопрос о влиянии такой аффилированности на установленный в договоре размер лицензионного вознаграждения. Указанные обстоятельства могут привести к снижению размера взыскиваемой компенсации. При этом с одной стороны, суды имеют выработанные критерии для исключения оснований, которые позволяют исчислить компенсацию по заведомо необоснованным критериям, а с другой стороны, умышленное затягивание с обращением в суд, используемое как инструмент увеличения суммы компенсации или убытков, зачастую не подлежат процессуальной оценке из-за отсутствия нормативного механизма.

В ситуации затягивания правообладателем момента обращения в суд применение института исковой давности без каких-либо ограничений оказывается недостаточным инструментом для защиты баланса интересов участников гражданского оборота. Такая правовая конструкция, функционирующая без ограничений, не гарантирует исключения злоупотреблений, поскольку позволяет правообладателю намеренно оттягивать момент подачи иска в суд. Основная цель подобных действий нередко заключается не столько в защите нарушенного права, сколько в создании условий для последующего взыскания максимально возможной суммы убытков или компенсации.

²⁶⁸ Абзац 2 п. 56 Постановления Пленума ВС РФ № 10/2019.

Представляется обоснованным, что поведение правообладателя, намеренно ориентированное на искусственное завышение взыскиваемой суммы за счет затягивания обращения в суд, не может оставаться без негативных правовых последствий. В подобных случаях целесообразно применять механизм ограничения объема его материально-правовых требований к нарушителю, о факте неправомерных действий которого правообладателю было известно задолго до предъявления исковых требований. Как СИП в своих актах: «при нормальных условиях гражданского оборота предполагаемое добросовестное поведение лица, выявившего факт нарушения принадлежащих ему исключительных прав, предусматривает принятие мер, направленных на пресечение такого нарушения»²⁶⁹.

В связи с вышеизложенным закономерно возникает вопрос: насколько оправданным является использование института исковой давности без ограничений применительно к описанным ситуациям и не требуется ли введения разумных ограничений в праве стороны обращаться в суд за защитой в пределах установленного срока давности.

Следует помнить, что институт исковой давности работает как важнейший инструмент упорядочивания гражданских отношений и обеспечения стабильности оборота. Его назначение заключается в создании правовой определенности, дисциплинировании участников гражданско-правовых отношений, стимулировании их к своевременному и добросовестному осуществлению своих прав и обязанностей. Исковая давность служит гарантией того, что защита нарушенных прав не будет использоваться произвольно и спустя значительное время после нарушения, когда охраняемые законом интересы ответчика, а также третьих лиц оказывались бы нарушенными вследствие невозможности надлежащим образом подготовиться к защите от предъявленных к

²⁶⁹ Постановления СИП от 15 октября 2020 г. № С01-1141/2020 по делу № А56-108297/2019 и от 20 ноября 2020 г. № С01-1254/2020 по делу № А21-1160/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ним требований связи с необходимостью заранее собирать и сохранять значимые доказательства по делу.

Как отмечает КС РФ: «Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите их прав»²⁷⁰. Как указывал И.Б. Новицкий: «задача института исковой давности состоит в том, чтобы, не расшатывая правоотношения, не подрывая их прочность, устранить при этом неопределенность в них»²⁷¹.

Следует подчеркнуть, что институт исковой давности является не единственным правовых инструментов, призванных устанавливать временные пределы для реализации судебной защиты. Давность представляет собой лишь один из механизмов, посредством которого регулируется допустимый срок обращения лица в суд с требованием к другому лицу и существуют и иные инструменты, которые также обеспечивают ограничение судебных притязаний во времени.

В странах англо-саксонской правовой семьи наряду с институтом исковой давности применяется и иной механизм, который называется *laches*²⁷². Данная правовая конструкция представляет собой выработанное судебной практикой средство защиты, вытекающее из права справедливости и направленное на противодействие недобросовестному поведению лица, необоснованно затягивающего с обращением за судебной защитой. Суть доктрины заключается в том, что даже в пределах установленного законом срока давности суд может отказать истцу в удовлетворении его требований, если будет установлено, что промедление с подачей иска носило неоправданный характер и привело к

²⁷⁰ Постановления КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П; от 27 апреля 2001 г. № 7-П; от 14 июля 2005 г. № 9-П; от 15 февраля 2016 г. № 3-П; Определение КС РФ от 3 ноября 2006 г. № 445-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷¹ См.: Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М. 1954. С. 150.

²⁷² Термин *laches* произошел от старофранцузского слова «*laschesse*», а указанное слово от латинского «*laxus*» – неспорятельность, нерадивость.

неблагоприятным последствиям для другой стороны²⁷³. Его применение предполагает оценку не только временного фактора, но и таких обстоятельств, как поведение истца, наличие у него реальной возможности своевременно предъявить требования, а также степень вреда, причинённого ответчику в связи затягиванием истца с обращением в суд.

Один из юридических словарей определяет laches как средство защиты, используемое в праве справедливости, заключающееся в том, что суд отказывает в удовлетворении иска, если истец настолько затянул предъявление соответствующих требований, что это повлекло за собой причинение вреда ответчику²⁷⁴.

Ключевой, но не единственный элемент концепции laches – это неоправданная задержка в инициировании разбирательства²⁷⁵. Ответчик в таком случае доказывает: (1) знание истцом фактов, составляющих причину иска, или разумную возможность обнаружить такие факты; (2) необоснованную задержку истца в начале иска; и (3) ущерб ответчика, наличие вреда, причиненного длительным непредъявлением иска²⁷⁶, поскольку одного затягивания для ее применения недостаточно²⁷⁷.

Существенная особенность указанного средства правовой защиты заключается в том, что его назначение состоит в стимулировании истца к своевременному обращению в суд за защитой нарушенного права. При этом применение доктрины laches носит диспозитивный характер: она не применяется судом по собственной инициативе, а может быть реализована исключительно при наличии соответствующего возражения со стороны ответчика. Недостаточно лишь установить факт несвоевременного предъявления требования. Для

²⁷³ Eastlake Lofts Condominium Association v. Hoover (№78266-5-1).

²⁷⁴ Black's law dictionary. 10th ed. / ed. by Bryan A. Garner. USA: Thomson Reuters. 2014. P. 1068.

²⁷⁵ См.: Савин А.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, 2019 - 204 с.

²⁷⁶ Davidson v. State, 116 Wn.2d 13, 25, 802 P.2d 1374 (1991), Fort, Kathryn E, The New Laches: Creating Title Where None Existed (August 8, 2008). MSU Legal Studies Research Paper No. 06-15, 16 Geo. Mason L. Rev. 357 (Winter, 2009), P. 372.

²⁷⁷ Cattley против Pollard (2006) [2007] EWHC B16 (Ch), [2007] EWHC 5561 (Ch)

применения данного инструмента необходимо доказать, что промедление истца стало причиной причинения ответчику вреда. Таким образом, laches связывает саму возможность ограничения права истца на иск не с формальным пропуском временного интервала, а с фактом причинения вреда другой стороне вследствие его необоснованного бездействия.

Особое внимание заслуживает то, что суд в рамках данного правового инструмента не связан установленным законом сроком исковой давности, а использует его лишь в качестве ориентировочного критерия, а при разрешении конкретного спора суд обладает правом корректировать продолжительность данного периода как в сторону увеличения, так и в сторону сокращения, исходя из совокупности обстоятельств дела и принципа справедливости²⁷⁸.

Значение laches по отношению к исковой давности как отмечается в деле *Smith v. Clay* заключается в том, что «халатность и небрежность никогда не одобряются, именно поэтому с самого зарождения юриспруденции всегда были ограничения для судебной защиты»²⁷⁹. Как отмечается в зарубежной литературе: «поведение истца, своевременно не предъявившего иск, квалифицируется как отказ от права»²⁸⁰.

Использование laches во многом схоже с применением понятия «злоупотребление правом» в отечественном праве²⁸¹. В частности, в решениях зарубежных судов отмечается, что laches основан на оценочном восприятии²⁸² и на усмотрении суда²⁸³, поэтому laches – это вопрос факта, который в каждом

²⁷⁸ Vaquer A. *Verwirkung versus Laches: A Tale of Two Legal Transplants* // SSRN Electronic Journal. February 2009. P. 1-5; Virgo G. *The Principle of the law of Restitution*. Oxford., 2015. P. 741-743; Zimmermann R., Whittaker S. *Good faith in European Contract Law*. Cambridge. 2000. P. 528-530; Кожевников Б. О. Некоторые вопросы применения исковой давности в англо-американской системе права // *Материалы секции права. ТПП СССР. Вып. 31. М. 1978. С. 45-46; Гражданское и торговое право капиталистических государств. М. 1993. С. 189 (автор гл. VIII – Ю. И. Свядосц).*

²⁷⁹ *Smith v. Clay* // *Casetext: Smarter Legal Research*. // URL: <https://casetext.com/case/smith-v-clay>.

²⁸⁰ Furmston M. P *Cheshire, Fifoot, and Furmston's Law of Contract (17th edn)* P. 643

²⁸¹ Малышева В. Г. Концепции исковой давности в праве Великобритании и Соединенных Штатов Америки // *Правоведение. 2020. Т. 64, № 4. С. 483-495.*

²⁸² Дело *Penpy v. Allen* 1857 г., дело *Lindsay Petroleum v. Hurd* 1874 г.

²⁸³ См. подробнее: McGee A. *Limitation periods*. Sweet & Maxwell, 2012 § 3.022, Furmston M. P *Cheshire, Fifoot, and Furmston's Law of Contract (17th edn)* P. 64, *Gardner v. Panama Railroad Co.* 1951 г.

конкретном случае основан на определенных обстоятельствах²⁸⁴. В этом смысле *laches* можно рассматривать как функциональный аналог института злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ).

В американской судебной практике отмечается, что в отличие от установленного законом срока исковой давности, *laches* – это вопрос не просто времени, а справедливости и несправедливости, при этом справедливость должна быть учтена в отношении обеих сторон²⁸⁵.

Аналогичный по своей сути правовой механизм действует и в немецком правопорядке, где он получил название *Verwirkung*. Данный институт непосредственно основанный на принципе добросовестности заключается в утрате лицом права на иск вследствие чрезмерно длительного бездействия, связанного с защитой нарушенного права. *Verwirkung* направлен на охрану правомерных интересов ответчика, который, не сталкиваясь с активными действиями со стороны потенциального истца, вправе формировать своё правовое и экономическое поведение, исходя из сложившейся ситуации. Таким образом, здесь реализуется принцип правовой определенности в виде материально-правовой санкции. В отличие от исковой давности, продолжительность периода промедления для применения *Verwirkung*, так же, как и в доктрине *laches*, не фиксируется в законе и определяется судом с учетом конкретных обстоятельств дела. При этом в немецкой практике данный период, как правило, значительно короче общего срока исковой давности, что логично, поскольку назначение *Verwirkung* заключается в корректировке действия института давности и предотвращении злоупотреблений со стороны истца.

Особенностью *Verwirkung* является то, что его применение не требует обязательного наличия доказанного вреда или ухудшения положения должника в результате несвоевременного предъявления иска и достаточной является сама совокупность обстоятельств, свидетельствующих о том, что истец на протяжении

²⁸⁴ Stewart v. Johnston, 30 Wn.2d 925, 935-36, 195 P.2d 119 (1948), Lopp v. Peninsula Sch. Dist. No. 401, 90 Wn.2d 754, 759, 585 P.2d 801 (1978)

²⁸⁵ Galliher v. Cadwell 1892 г.

длительного времени воздерживался от реализации своих прав и тем самым сформировал у ответчика обоснованное ожидание отсутствия притязаний²⁸⁶.

Следует отметить, что механизм уменьшения взыскиваемых сумм с нарушителя, размер которых сформировался по вине истца, существует в обязательственном праве. В частности, на основании п. 1 ст. 404 ГК РФ, что суд также вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению.

В отличие от зарубежных механизмов *verwirkung* и *laches*, указанный в ст. 404 ГК РФ механизм не полностью блокирует возможность предъявления требования к нарушителю в рамках обязательства, а уменьшает размер такого требования. При этом ВС РФ прямо указывает: «Непредъявление кредитором требования о взыскании основного долга в течение длительного времени после наступления срока исполнения обязательства само по себе не может расцениваться как содействие увеличению размера неустойки»²⁸⁷. По аналогии с предъявлением требования о нарушении исключительного права, не сам факт необращения в суд, а именно недобросовестные действия истца по затягиванию таким обращением, должны приводить к уменьшению взыскиваемой компенсации.

Следует отметить, что на сегодняшний день ни нормы ГК РФ, ни действующие разъяснения ВС РФ или СИП не предусматривают возможности ограничения общего срока исковой давности, установленного статьей 196 ГК РФ. Данный срок не подлежит сокращению или варьированию в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Как отмечал ВАС РФ: «законом не установлены

²⁸⁶ См.: Zimmermann R. & Whittaker S. Op. cit. P. 516, 530; Storme M. E. Good Faith and the Contents of Contracts in European Private Law. Vol 7.1 // Electronic Journal of Comparative Law (March 2003) // <http://www.ejcl.org/71/art71-1.html>; Манфрид Ф. Фашизм и германское гражданское право. М. 1936. С. 25-26.

²⁸⁷ абз. 2 п. 81 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2024 № 32-КГ24-8-К1, Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2021 № 49-КГ21-11-К6, Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 49-КГ19-38, Определение Верховного Суда РФ от 17.10.2017 № 5-КГ17-138 // СПС «КонсультантПлюс».

иные правила исчисления исковой давности для требований о защите исключительных прав, в связи с чем к таким правоотношениям подлежит применению общий срок исковой давности»²⁸⁸. Особую сложность это создает в делах, связанных с нарушением исключительных прав, поскольку подобные нарушения зачастую имеют длящийся характер.

Неосновательное промедление истца при предъявлении иска не будет соответствовать принципу добросовестности, поскольку добросовестность предполагает поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны²⁸⁹. Действия по затягиванию с подачей иска для увеличения размера взыскиваемой компенсации явно не соответствуют принципу добросовестности.

Доказательствами реального знания истца о допущенном ответчиком нарушении могут служить, например, факт сосуществования брендов или продуктов правообладателя и нарушителя на рынке в течение длительного времени, реализация таких товаров через одних и тех же дистрибьюторов, упоминание таких товаров в одних и тех же рейтингах, профильных обзорах и публикациях, на форумах или в социальных сетях.

Примечательно, что критерий «стало известно» или, иначе, «реальное знание о нарушении» (который является значимым при применении механизма *laches*) находит применение и в российской практике. В частности, его упоминание можно найти в актах КС РФ, касающихся применения ст. 198 АПК РФ: «начало течения этого срока определяется в каждом конкретном случае судом на основе установления момента, когда заинтересованное лицо реально узнало о соответствующем нарушении»²⁹⁰.

Востребованность критерия «реального знания о нарушении» подтверждается также судебной практикой по делам об оспаривании продления

²⁸⁸ Постановление ВАС РФ от 2 апреля 2013 г. № 15187/12 по делу № А42-5522/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁹ Абзац 3 п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁰ Определение КС РФ от 2 декабря 2013 г. № 1908-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Строительная компания "Строй-Инвест" на нарушение конституционных прав и свобод положением части 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

патентов²⁹¹. Так, суды приходили к выводу, что заинтересованное лицо реально узнало о нарушении его прав и законных интересов при продлении патента, после чего и был предъявлен иск о нарушении исключительного права²⁹², или при подготовке к судебному разбирательству с участием патентообладателя²⁹³.

Кроме того, однозначным маркером для применения ограничения исковой давности может служить факт направления претензии и длительная задержка с предъявлением иска, основанного на такой претензии, когда правообладатель дожидается увеличения оборота продажи товара его конкурентом. Когда истец ждет, пока стоимость его иска вырастет, такое бездействие является основанием для иностранных судов ссылаться на *laches* для сокращения срока исковой давности²⁹⁴.

Эффект от ограничения норм об исковой давности на основании недобросовестности правообладателя или прямого злоупотребления правом, выражающегося в затягивании подачи иска с целью увеличения суммы взыскиваемой компенсации, заключается в том, что соответствующее средство правовой защиты (неосновательное промедление с подачей иска) подлежит такому же ограничению, что и параллельно установленный законом период (исковая давность), поэтому они не будут противоречить друг другу.

Действующее российское законодательство никак не ограничивает недобросовестного истца в затягивании предъявления искового заявления к ответчику, хотя такое поведение носит явно недобросовестный характер и должно быть ограничиваемо с целью исполнения основной функции компенсации или убытков в спорах о нарушении исключительного права, которая состоит в восстановлении положения истца, но не в его неосновательном обогащении.

²⁹¹ См.: Малахов Б.А., Айрапетов Н.А. Особенности оспаривания продления патентов в РФ // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 1(35). С. 97-102.

²⁹² Решение СИП от 7 февраля 2017 г. по делу № СИП-327/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹³ Постановление Президиума СИП от 8 декабря 2014 г. № С01-1193/2014 по делу № СИП-155/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁴ См. примеры: *Lick Oil Co. v. Marbury*, 91 U.S. 587, 592-593 (1875), *Haas v. Leo Feist, Inc.*, 234 F. 105, 108 (S.D.N.Y. 1916) (Hand J.)

Таким образом, добросовестный правообладатель должен использовать предоставленные меры защиты, предусмотренные законом, и сроки для их реализации с целью защиты исключительного права, а не для целей получения выгоды.

В связи с этим видится, что с учетом существующего правового регулирования судьи имеют законную возможность при расчете компенсации учитывать не только характер и тяжесть нарушения, но и срок, в течение которого правообладатель мог применить доступные меры защиты. При этом суд может учитывать этот срок с целью уменьшения суммы взыскиваемой компенсации, в тех случаях, когда предоставленная мера защиты используется для неосновательного обогащения.

Добросовестность участников гражданского оборота может проявляться разными способами, в том числе и проактивными, когда лицу приходится доказывать свою добросовестность несмотря на то, что в российском праве действует презумпция добросовестности. Такие ситуации возможны в нескольких случаях.

Во-первых, это может иметь место, когда лицо хочет начать вводить в оборот какой-либо продукт, но опасается, что может оказаться в ситуации, что его продукт нарушит права на тот или иной объект интеллектуальной собственности правообладателя. Первое лицо не может быть уверено в том, что продукт не нарушает права на объекты интеллектуальной собственности правообладателя до момента, пока решением суда не будет установлено отсутствие нарушений (по иску правообладателя).

Во-вторых, необходимость проактивных действий в доказывании своей добросовестности возникает, когда правообладатель обращается к лицам, которые по смыслу п. 1 ст. 1252 ГК РФ могут пресечь правонарушение (например, если это продавцы спорного товара), с претензионным требованием о прекращении нарушения его исключительного права. В случае добровольного удовлетворения такого требования в досудебном порядке у правообладателя может отпасть необходимость в последующем предъявлении иска как к продавцам, так и к

производителю спорного товара, или он не захочет инициировать затяжное судебное разбирательство, поскольку достигнутый результат досудебного урегулирования его полностью устраивает.

В подобном случае пострадавший производитель спорного товара лишен какой-либо возможности защитить свое право, поскольку судебного разбирательства в отношении него или его контрагентов продавцов не начато и, как следствие, отсутствует юридическая возможность заявить об отсутствии нарушения исключительного права подателя претензии. Единственным механизмом защиты для пострадавшего лица в таком случае является обращение в ФАС России или его территориальное подразделение с требованием о признании действий правообладателя актом недобросовестной конкуренции путем дискредитации²⁹⁵ в связи с отсутствием решения суда, которым установлено, что товар пострадавшего лица является контрафактным. При этом итоговое решение ФАС России не устранил неопределенность между правообладателем и пострадавшим лицом, поскольку факт отсутствия тождества (сходства до степени смешения), переработки или нарушения патента не установлен и не зафиксирован, что не лишает правообладателя повторно обратиться с таким же требованием к другим продавцам и иным лицам.

Устранить такую неопределенность между потенциальным нарушителем и правообладателем можно путем предъявления искового требования о признании действий по использованию продукта, товара или обозначения ненарушением исключительного права правообладателя объекта интеллектуальной собственности, чьи права могут быть нарушены использованием спорного продукта, товара или обозначения.

В юридической литературе указывается следующий смысл иска о ненарушении: если лицо уже производит, вводит в оборот или планирует производить и вводить в оборот определённое техническое решение, которое может потенциально нарушать чей-либо патент, оно имеет право обратиться в суд

²⁹⁵ Статья 14.1 Федерального закона № 135-ФЗ от 26.07.2006 г. «О защите конкуренции».

и получить судебное решение, подтверждающее, что его действия не нарушают патент²⁹⁶. По мнению А.С. Ворожевич: «сущность иска о ненарушении состоит в следующем: заинтересованное лицо, которое производит и вводит в оборот либо намеревается производить и вводить в оборот некий продукт, который потенциально может нарушить чужое исключительное право на патентоохраняемый объект, правомочно обратиться в суд и получить судебное решение о том, что его действия не нарушают соответствующий патент, а в продукте не используется спорное запатентованное решение»²⁹⁷.

Изложенное демонстрирует, что в праве интеллектуальной собственности иск о ненарушении предлагается применять к отношениям в сфере патентных прав.

Вместе с тем думается, что он может использоваться и в сфере объектов авторских прав, а также средств индивидуализации. Это объясняется тем, что признание отсутствия нарушения в продукте или обозначении исключит возможность указывать, что спорный продукт является переработкой чужого объекта авторского права или обозначение является тождественным или сходным до степени смешения с товарным знаком. То есть иск о ненарушении устранил неопределённость между двумя участниками гражданского оборота.

Возможность предъявления иска о ненарушении предусмотрена многими иностранными правовыми порядками.

Так, во Франции любое лицо, которое подтвердит промышленное использование технического решения на территории государства – члена ЕС или эффективные и серьезные приготовления к такому использованию, может обратиться к патентообладателю с запросом его мнения относительно нарушения патента²⁹⁸.

²⁹⁶ См.: Михайлов А.В., Сергунина Т.В. Иск о ненарушении исключительных прав для устранения неясности границ исключительных прав патентообладателя и исключения злоупотребления правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 13, сентябрь 2016 г., С. 38-76.

²⁹⁷ См.: Ворожевич А.С. Иски о ненарушении исключительных прав на изобретения как эффективный способ защиты интересов фармацевтических компаний // Хозяйство и право. 2020. № 4(519). С. 32-46.

²⁹⁸ Статья L. 615-9 Кодекса интеллектуальной собственности Франции// URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/585611> (дата обращения: 01.04.2024 г.)

Законодательство Великобритании также предусматривает возможность подачи иска о нарушении²⁹⁹. При этом иск может быть заявлен как в отношении совершенного действия, так и планируемого³⁰⁰.

В Нидерландах по иску лица, которое непосредственно вовлечено в конкретное правоотношение, суд может вынести декларативное решение относительно этого правоотношения³⁰¹.

В Германии для подачи иска о нарушении требуется установить существование или отсутствие правоотношений, а также подтвердить факт или опровергнуть его ложность и истец обязан доказать наличие у себя законного интереса для обращения в суд³⁰².

В Китайской Народной Республике в ст. 18 Толкования Верховного Народного Суда по некоторым вопросам применения законодательства при рассмотрении дел о нарушении патентных прав четко изложены требования к инициированию заявлений о нарушении патентных прав. Верховный Народный Суд в своем гражданском постановлении указал, что ст. 18 может быть применена и к другим судебным разбирательствам, связанным с заявлением о нарушении интеллектуальной собственности³⁰³.

Аналогичные механизмы защиты своего права через подачу иска о нарушении содержатся в законодательстве Турции³⁰⁴, Индии³⁰⁵ и Малайзии³⁰⁶. При этом по малазийскому законодательству имеется критерий, что в отношении истца не должно быть инициировано производство о нарушении им спорного

²⁹⁹ Статья 71 (1) PATENTS ACT 1977 (CHAPTER 37, UPDATED ON MARCH 26, 2021) // URL:

³⁰⁰ См., например: England and Wales High Court Patents Court, EWHC 345 (Pat), Cantel Medical (UK) Ltd, Cantel (UK) Ltd v Arc Medical Design Ltd (23 January 2018)

³⁰¹ Article 3:302 Dutch Civil Code // URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook033.htm> (дата обращения: 01.04.2024 г.)

³⁰² Par. 256 Zivilprozessordnung (ZPO) zuletzt geändert durch Art. 19 G v. 22.2.2023 I Nr. 51 // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ZPO.pdf> (дата обращения: 01.04.2024 г.)

³⁰³ the Supreme Court's civil ruling (2016) Zui Gao Fa Min Shen No. 351.

³⁰⁴ Determination of Non-Infringement Action is to be Rejected if Marketing Authorisation is Not Granted Yet // Kluwer IP Blog. URL: <http://patentblog.kluweriplaw.com/2019/09/24/turkey-determination-of-non-infringement-action-is-to-be-rejected-if-marketing-authorisation-is-not-granted-yet/?print=pdf>.

³⁰⁵ The Patents Act, 1970 // Office of the Controller General of Patents, Designs & Trade Marks. URL: http://www.ipindia.nic.in/writereaddata/Portal/IPOAct/1_113_1_The_Patents_Act_1970_-_Updated_till_23_June_2017.pdf.

³⁰⁶ Patent Act 1983 (Act 291) // Malaysian Intellectual Property Office. URL: <http://www.myipo.gov.my/wp-content/uploads/2016/09/PATENT-ACT-1983-ACT-291.pdf>.

патента и истец уведомил о подаче иска всех лиц, которым выдана принудительная лицензия на патент и которые могут присоединиться к судебному процессу, а правообладатель, обязан уведомить об иске всех лицензиатов³⁰⁷.

Проведенный анализ норм иностранного законодательства показывает, что признание действий ненарушением исключительного права – распространённая практика для многих правопорядков.

Применительно к российской правовой системе следует отметить, в ГК РФ содержится открытый перечень способов защиты гражданского права, в числе которых упоминается признание права. В соответствии со ст. 1252 ГК РФ защита исключительных прав осуществляется, в частности, посредством признания права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу нарушения права, возмещения убытков или взыскания компенсации и т.д. Следовательно, предъявление исков о ненарушении не противоречит действующим механизмам защиты права, предусмотренным ГК РФ, поскольку их перечень в ст. 12 ГК РФ является неисчерпывающим, а требование о признании права, указанное в ст. 1252 ГК РФ, носит достаточно обширный характер и может толковаться в том числе и как признание ненарушения права другого лица.

Правильно будет заметить, что способы защиты права, указанные в ст. 1252 ГК РФ, относятся именно к лицу, которое является обладателем интеллектуальных прав (правообладатель) и толкование статьи не дает лицу, не являющемуся правообладателем, защищать свое право именно на основании данной нормы. Вместе с тем ст. 12 ГК РФ распространяется на всех участников гражданского оборота, которые имеют какое-либо субъективное гражданское право и не ограничена в своем применении ст. 1252 ГК РФ. Способы защиты права, установленные частью четвертой ГК РФ, являются специальными по отношению к ст. 12 ГК РФ и направлены на защиту конкретного права, имеющего

³⁰⁷ Declaration of Non-Infringement, Invalidation and Infringement Proceedings: A Malaysian Perspective // *Mirandah Law*. URL: <http://www.mirandah.com/pressroom/item/175-declaration-of-non-infringement-invalidation-and-infringement-proceedings-a-malaysian-perspective>.

свои уникальные особенности – такие как исключительное право или личное неимущественное право.

По своей природе иск о ненарушении исключительного права является иском о признании. Как отмечается в литературе: «иск о признании имеет целью защитить интересы истца, полагающего, что у него есть определенное субъективное право, но оно оспаривается другим лицом (например, иск о праве на жилое помещение, о признании незаконным решения административного ответчика и т.д.) и бывают двух видов: положительные (позитивные) и отрицательные (негативные)»³⁰⁸. Следовательно, суть положительного иска о признании состоит в том, что истец обращается в суд с требованием признать за ним конкретное право. При этом в рамках отрицательного иска о признании истец предметом рассмотрения является установление того, что у ответчика отсутствует право, либо что на самом истце не лежит определенная юридическая обязанность.

М.А. Гурвич подчеркивал, что потребность в предъявлении иска о признании возникает вследствие оспаривания существования прав и обязанностей с целью предотвращения правонарушения в дальнейшем, но до того, как спорное право было нарушено: «Если... право еще не нарушено, то все же спором о праве, отрицанием его существования или оспариванием его содержания создается неопределенность во взаимоотношениях сторон, которая, в свою очередь, создает угрозу неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности в будущем»³⁰⁹. Как отмечал В.Л. Исаченко: «спором о праве гражданском называется такой спор, когда одно лицо, оспаривая право другого, присваивает его себе»³¹⁰.

Следовательно, результатом рассмотрения и удовлетворения иска о ненарушении исключительного права является судебное подтверждение правомерности поведения истца и закрепление за ним возможности использовать соответствующий объект в предполагаемом объеме и в том виде, в каком он

³⁰⁸ См.: Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2021. 460 с.

³⁰⁹ См.: Советский гражданский процесс: Учебник / Под ред. Гурвича М.А. М.: Высшая школа, 1975. С. 106.

³¹⁰ См.: Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводство: Практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Том 1. Петроград, 1915. С. 1.

намеревался его использовать. При этом такое использование освобождается от «обременений» в форме потенциальных или гипотетических претензий со стороны правообладателя, который считал, что введение в гражданский оборот конкретного продукта истцом может нарушить его исключительные права.

Следует отметить, что возможность предъявить исковое требование о признании, носящее отрицательный характер, уже нашла закрепление в российском праве. Это, например, требование о признании сделки недействительной (ст. 166 ГК РФ), заявление об отрицании отцовства (ст. 52 СК РФ).

Нельзя не отметить существующую потребность в применении такого механизма как признание права правообладателя отсутствующим. Это связано с тем, что право истца не может быть защищено посредством предъявления иных исков. Как отмечает ВС РФ касательно исков о признании носящих отрицательный характер: «данный иск является исключительным способом защиты, который подлежит применению лишь тогда, когда нарушенное право истца не может быть защищено посредством предъявления специальных исков, предусмотренных действующим гражданским законодательством»³¹¹.

Иск о ненарушении исключительного права полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым к искам о признании, так как его цель — установить отсутствие нарушения прав между заинтересованным лицом и правообладателем. Заинтересованное лицо обладает правомерным интересом (материально-правовым требованием) в подтверждении отсутствия деликтных правоотношений. При этом судебное решение по такому иску не приводит к принудительному исполнению в классическом смысле, хотя и имеет обязательную силу, что соответствует принципу исполнимости с точки зрения процессуального права.

Введение исков о ненарушении имеет важное значение для гражданского оборота в целом, поскольку это вопрос, который может быть разрешен до

³¹¹ Определения ВС РФ от 07.09.2020 г. по делу № А41-92397/2018, от 06.07.2021 г. по делу № А32-36793/2019, Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 10.07.2018 г., Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.04.2021 по делу № А41-46643/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

момента возникновения длительного процесса по оспариванию исключительно права правообладателя как механизма защиты своих прав или до момента предъявления правообладателем требования на основании ст. 1252 ГК РФ. Такое дело может и должно быть рассмотрено судом, поскольку оно «по своему характеру нуждается в решении – во властной деятельности по применению права со стороны компетентных органов»³¹².

С учетом сказанного следует признать, что предъявление требования о ненарушении исключительного права является надлежащим способом защиты права, которое вытекает из принципа добросовестности и может быть рассмотрено судом как самостоятельное требование, устраняющее неопределённость между участниками гражданского оборота об использовании объекта интеллектуальных прав.

Следует отметить, что праву давно известны механизмы защиты нарушенных прав на средства индивидуализации против недобросовестных участников гражданского оборота при таких очевидных нарушениях как реализация контрафактного товара, которое прямо приводит к оттоку потребителей, и по своей природе является прямым посягательством на товарный знак. Вместе с тем в практике возникают ситуации, при которых не такие очевидные посягательства третьих лиц приводят к «размытию» бренда в глазах потребителей.

Доктрина размытия, широко известная в сфере права интеллектуальной собственности, позволяет владельцу известного товарного знака запретить другим лицам использовать этот знак таким образом, который уменьшает (уничижает) его уникальность.

В отличие от традиционного нарушения прав на товарный знак, целью которого является введение в заблуждение в отношении источника происхождения товара, «размытие» не зависит от восприятия потребителем

³¹² См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права (курс лекций): Учебное пособие. Выпуск 4. Свердловск, 1966. С. 15.

источника продукции ответчика³¹³, ибо «размытие» не требует введения потребителя в заблуждение³¹⁴. Товарный знак «размывается», когда использование сходных до степени смешения товарных знаков в отношении неоднородных товаров приводит к тому, что товарный знак сам по себе теряет способность обозначать единственный источник происхождения.

Вследствие сказанного защита от «размытия» распространяется на случаи такого использования товарного знака, которое не вводит потребителей в заблуждение относительно того, кто произвел продукт. Защищается в таком случае не потребитель, а владелец известного товарного знака – от потери в общественном сознании ассоциации товарного знака с конкретным продуктом. В правовой науке «размытие» товарного знака определяется как «ослабление силы или эффективности товарного знака, вызванное использованием знака на несвязанном продукте, обычно размывающее отличительные черты товарного знака или вызывающее неприятные ассоциации»³¹⁵.

Родоначальником концепции «размытия» товарного знака является американский юрист Фрэнк Шехтер, который представил ее в 1927 году в своей статье «Рациональные основы защиты товарного знака»³¹⁶ и подвергал резкой критике раннее законодательство США о товарных знаках и считал, что «сохранение уникальности товарного знака должно составлять единственную рациональную основу для его защиты»³¹⁷. Юрист утверждал, что защита идентичности товарного знака включает в первую очередь защиту правообладателя товарного знака, который «должен быть в состоянии помешать другим людям опорочить оригинальность и уникальность этого знака». В качестве примера он приводил товарный знак «Rolls-Royce», который при регистрации и использовании третьими лицами, например, в отношении

³¹³ См.: Dogan, Stacey L. and Lemley, Mark A., The Trademark Use Requirement in Dilution Cases (February 2, 2011). Santa Clara Comp. & High Tech. Law Journal, Vol. 24, p. 541, 2008, Stanford Public Law Working Paper No. 1033165.

³¹⁴ См.: Mattel, Inc. против MCA Records, Inc., 296 F.3d 894, 905 (9th Cir. 2002).

³¹⁵ Eric A. Prager, The Federal Trademark Dilution Act of 1995: Substantial Likelihood of Confusion, 7 FORDHAM INTELL. PROP. MEDIA & ENT. L.J. 121 (1996) // URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/ipj/vol7/iss1/8>.

³¹⁶ См.: Frank I. Schechter, The Rational Basis of Trademark Protection, 4" HARV. L. Rev. (1927).

³¹⁷ См.: Frank I. Schechter Op. Cit. P. 813.

ресторанов, кафетериев, брюк или конфет, со временем полностью лишится своей различительной способности и от такого товарного знака как «Rolls-Royce» через определенное время ничего не останется.

В обоснование своего тезиса о «сохранении уникальности товарного знака» Шехтер сформулировал четыре идеи-принципа: (1) ценность современного товарного знака заключается в его продающей силе; (2) эта продающая сила зависит от психологического воздействия на публику не только из-за достоинств товаров, на которых он используется, но и от его уникальности и необычности; (3) такая уникальность или необычность ослабляется или ухудшается при его использовании на однородных или неоднородных товарах; (4) степень его охраны зависит, в свою очередь, от степени усилий или изобретательности его владельца по созданию уникального и отличительного образа от других знаков.

В своей работе Шехтер указывал, что концепция «размытия» основывается на доктрине, которая в это же время развивалась в германском праве.

Впервые вопрос о размытии товарного знака был рассмотрен в германской судебной практике в деле по товарному знаку «Odol»³¹⁸, в котором правообладатель названного товарного знака, зарегистрированного в отношении ополаскивателей для рта, смог аннулировать идентичный знак для стальных изделий. Суд в этом деле впервые признал концепцию «размытия» и постановил, что «способность истца конкурировать с другими производителями ополаскивателей для рта будет нарушена, если значение его знака будет уменьшено»³¹⁹. Также суд признал неправомерной торговлю товаров с репутацией известного знака на том основании, что потребитель, который видит или слышит знак, сразу ассоциирует товар с продукцией, для которой этот знак стал известным. Суд пришел к выводу, что владелец знака не заинтересован в том,

³¹⁸ Civil Court, Elberfeld 25 Juristische Wochenschrift 502; XXV Markenschutz und Wettbewerb 264 (Sept. 11, 1925).

³¹⁹ Цит. по Beebe, Barton, The German Misappropriation Origins of Trademark Antidilution Doctrine: A Translation of the 1924 Odol Opinion of the Landgericht Elberfeld, Transition and Coherence in Intellectual Property Law: Essays in Honour of Annette Kur (Niklas Bruun, Graeme B. Dinwoodie, Marianne Levin & Ansgar Ohly eds., 2021) (March 12, 2021)

чтобы его знак был «размыт» и потерял бы свою продающую силу, из-за его использования третьими лицами для обозначения своих товаров.

Следует отметить, что первые дела в странах англо-саксонской правовой семьи, связанные с доктриной «размытия», появились до статьи Фрэнка Шехтера и упомянутого дела по товарному знаку «Odol».

Так, в деле *Vogue Co. против Thompson-Hudson Co.*, Апелляционный суд США по шестому округу вынес запрет компании ответчику на использование товарных знаков V-GIRL и V для шляп.

В Великобритании компания *Harrods Limited*, известный продавец одежды, получила судебный запрет, запрещающий компании *R. Harrold Limited* предлагать услуги денежного кредитования под знаком **HARRODS**³²⁰.

Более того, уже в конце девятнадцатого века в Великобритании был описан случай, когда компания *Eastman Kodak* успешно добилась судебного запрета на использование знака **KODAK** на велосипедах³²¹.

В настоящий момент механизмы защиты от «размытия» в США представлены в *U.S. Trademark (Lanham) Act*³²² с учетом изменений внесенными *Trademark Dilution Revision Act (TDRA)*³²³. В § 43 (c) (1) (A) Закона Лэнхема указано: «владелец известного знака, который является отличительным по своей природе или благодаря приобретенной отличительности, имеет право на судебный запрет против другого лица, которое в любое время после того, как знак владельца стал известным, начинает использовать знак или фирменное наименование в коммерции, что может привести к размыванию».

Понятие известного знака в США похоже на понятие общеизвестного товарного знака в РФ, но имеет и свои особенности³²⁴. Интересно, что регистрация в качестве товарного знака в публичном реестре для признания его

³²⁰ *Harrods Ltd. v. R. Harrod Ltd.* (1924) 41 R.P.C. 74.

³²¹ *Eastman Photographic Materials Co. v. John Griffiths Cycle Corp.*, 15 R.P.C. 105 (Ch. D. 1898).

³²² *U.S. Trademark (Lanham) Act of 1946*; 15 U.S. Code (далее – Закон Лэнхема).

³²³ *Trademark Dilution Revision Act of 2006*. 15 USC 1051.

³²⁴ См. подробнее о соотношении понятий известный знак и общеизвестный товарный знак: Кодиров Ш.Б. Недоразумение относительно понятия «общеизвестный товарный знак» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2 (28), июнь. С. 104-116.

известным по Закону Лэнхема и применения норм о «размытии» как может иметь решающее значение, поскольку прямо указана в законе³²⁵, так может игнорироваться судом³²⁶. Также правообладатель может потребовать взыскания убытков при «размытии» своего бренда.

В § 43 (с) Закона Лэнхема предусмотрено два вида размывания известного знака: размывание посредством стирания различительной способности (blurring)³²⁷ и размывание посредством опорочивания репутации (tarnishment)³²⁸. Ссылка на Закон Лэнхема в части применения норм о «размытии» также применяется и в делах об оспаривании предоставления правовой охраны товарным знакам³²⁹.

Механизм защиты товарного знака от «размытия» также представлен в законодательстве Великобритании³³⁰.

Согласно ст. 10(3) Закона о товарных знаках Англии механизмы защиты товарного знака применяются независимо от того, являются ли товары и услуги, в отношении которых используется знак, идентичными, сходными или несходными с теми, для которых зарегистрирован «размывающийся» товарный знак правообладателя. Кроме того, меры защиты могут применяться только к известным знакам на территории Соединенного королевства. Правообладатель в Великобритании также имеет право на взыскание убытков. Вместе с тем ни закон, ни доктрина в Великобритании не разделяют виды «размытия».

Как видно из проведенного анализа механизм доктрины «размытия» в странах англо-американской правовой семьи заключается в следующем:
(1) предъявление иска о запрете использования «размывающего» обозначения с

³²⁵ Hershey Foods Corp. v. Mars, Inc., 998 F. Supp. 500, 517 (M.D. Pa. 1998), Juice & Java, Inc. v. Juice & Java Boca, LLC, 2017 U.S. Dist. LEXIS 6913, at *16 (S.D. Fla. Jan. 17, 2017).

³²⁶ Gucci Am., Inc. v. Guess, Inc., 868 F. Supp. 2d 207, 219 (S.D.N.Y. 2012), Dallas Cowboys Football Club, Ltd. v. Am.'s Team Props., Inc., 616 F. Supp. 2d 622, 643 (N.D. Tex. 2009).

³²⁷ относится к случаям, когда ответчик использует сходный знак таким образом, что он сильно противоречит значениям, которые потребители ассоциируют со знаком истца. См. подробнее: McCarthy, J. Thomas. McCarthy On Trademarks and Unfair Competition. (4th Ed.2007). Deerfield, IL.: Clark Boardman Callaghan, 1996.

³²⁸ многократное использование одного и того же знака на разных товарах "размывает отличительные качества знака" и затрудняет быстрое запоминание потребителями оригинального продукта. См. подробнее: Daniel Klerman, Trademark Dilution, Search Costs, and Naked Licensing, 74 Fordham L. Rev. 1759 (2006).

³²⁹ TiVo Brands LLC v. Tivoli, LLC, 129 U.S.P.Q.2d (BNA) 1097, 1104 (TTAB 2018).

³³⁰ Trade Marks Act 1994, incorporating amendments up to and including 1 January 2021.

возможностью взыскании убытков, причинённых таким размытием, и (2) оспаривание предоставления правовой охраны «размывающему» товарному знаку.

В решениях российских судов часто встречается термин «размытие».

Так, СИП неоднократно указывал, что регистрация спорного товарного знака за третьим лицом, а также последующий отказ Роспатента в удовлетворении возражений против такой регистрации, нарушают права и законные интересы правообладателя в сфере предпринимательской деятельности, создавая предпосылки к «размытию» товарного знака правообладателя, снижению его маркетинговой и инвестиционной ценности³³¹ и признавал такие действия злоупотребления правом и актом недобросовестной конкуренции. В обоснование своей позиции суд ссылаясь на статью 10 bis Парижской конвенции, поскольку данная норма обуславливает нежелательность появления в гражданском обороте товарных знаков, вызывающих у потребителей неоправданные представления об ассоциативной связи между разными производителями товаров и услуг.

Кроме того, механизм защиты от «размытия» указан как основание подтверждения заинтересованности лица в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака третьего лица, поскольку к «размытию» в глазах потребителя может привести и совместное сосуществование сходных товарных знаков, так как правообладатель каждого из них вправе использовать принадлежащий ему товарный знак самостоятельно, независимо от прав другого лица³³².

В обоих случаях суд руководствовался тем, что в результате использования сходного (тождественного) обозначения для неоднородных товаров или услуг потребитель может утратить возможность индивидуализировать конкретный товар (с нанесенным на него обозначением) или услугу с конкретным

³³¹ Решения СИП от 27 октября 2015 г. по делу № СИП-96/2015, от 4 июля 2014 г. № СИП-9/2013, от 28 января 2014 г. № СИП-286/2013, от 23 января 2015 г. № СИП-839/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³³² Постановления президиума СИП от 24 сентября 2018 г. по делу № СИП-107/2018, от 21 февраля 2019 г. по делу № СИП-324/2018, от 23 декабря 2019 г. по делу № СИП-555/2018, от 18 мая 2020 г. по делу № СИП-439/2019, от 29 января 2021 г. по делу № СИП-903/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

правообладателем, что и приводит к «размытию» более раннего товарного знака. Данная логика полностью соответствует понятию «размытия» в зарубежных правовых порядках.

Интересен вопрос, связанный с возможностью в Российской Федерации добиться через суд запрета на использование обозначения «размывающего» товарный знак, но используемого для неоднородных товаров.

В отношении зарегистрированного «размывающего» товарного знака исходя из вида регистрационной системы товарных знаков в РФ прохождение процедуры его оспаривания является обязательным и предъявление простого иска о запрете невозможно. Это связано с тем, что при наличии двух действующих свидетельств на товарные знаки до признания в установленном законом порядке недействительным товарного знака с более поздней датой приоритета, действия правообладателя такого средства индивидуализации по его использованию не могут быть расценены в качестве нарушения прав на товарный знак, зарегистрированный ранее³³³.

В отношении же незарегистрированных обозначений третьих лиц, используемых на неоднородных товарному знаку продуктах, как представляется, доктрина «размытия» не применима. Это связано с тем, что основной вопрос, который разрешается судом в таком споре – это не только установление факта тождества или сходства до степени смешения, но и однородности товаров или услуг. В случае признания товаров или услуг не однородными товарному знаку правообладателя нарушение признается отсутствующим. При этом такой критерий как однородность товаров или услуг возможно обойти только в том случае, если «размывающийся» товарный знак признан в установленном законом порядке общеизвестным.

³³³ Постановление Президиума ВАС РФ от 15 декабря 2009 г. № 10519/09, постановление президиума СИП от 23 января 2017 г. по делу № СИП-235/2016 и от 03 ноября 2017 г. по делу № СИП-211/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Институт общеизвестного товарного знака также упрощает и процедуру оспаривания зарегистрированных обозначений, если дата испрашивания общеизвестности раньше даты приоритета «размывающего» товарного знака.

Вместе с тем, такая невозможность защиты от спорных обозначений в отношении неоднородных товаров или услуг была бы полезна для борьбы с «киберсквоттингом», под которым понимается регистрация веб-сайтов с целью последующей перепродажи или создания «клонов» других сайтов и др.

«Киберсквоттинг» стал одним из явлений, которое прямо влияет на «размытие» различительной способности товарного знака. Для борьбы с ним, в частности, в США принято несколько законодательных актов³³⁴. Однако применение этих законов возможно только в том случае, если действия нарушителей направлены на коммерческое использование такого товарного знака.

Сказанное требует обратиться к ситуации, которая может возникнуть при «размытии» товарного знака, используемого для некоммерческой деятельности, в условиях, когда нарушитель использует его как раз-таки для коммерческой деятельности для неоднородных товаров или услуг, в том числе в доменном имени³³⁵.

С учетом изложенного можно заключить, что в российской правовой системе хоть и с определенными ограничениями и особенностями также имеются механизмы борьбы с «размытием» товарного знака против недобросовестных участников гражданского оборота, которые представлены следующими способами: (1) оспаривание предоставления правовой охраны «размывающему» товарному знаку; (2) регистрация своего обозначения в качестве общеизвестного и предъявление иска о запрете использования «размывающего» обозначения или оспаривание предоставления правовой охраны «размывающему» товарному знаку в случае испрашивания общеизвестности на более раннюю дату чем дата приоритета «размывающего» товарного знака.

³³⁴ См.: Сухарева А.Е., Туркин Р.Э. Сравнительное исследование механизмов защиты от киберсквоттинга в России и США // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 16, июнь. С. 84-94.

³³⁵ Дело № А40-228714/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/41b41e9f-a1f3-4f70-a597-b01b2d92b322>

Таким образом, защита товарного знака от «размытия» – это действия правообладателя, основанное на принципе добросовестности по сохранению уникальности своего средства индивидуализации в глазах потребителей путем оспаривания регистрации товарных знаков третьих лиц или запрета его использования третьим лицам через суд.

Следует отметить, что стратегия розничной торговли товарами класса люкс отличается от розничной продажи других товаров не только признаками самого продукта, но и его ценой, способами реализации и механизмами создания отличительного образа в глазах покупателей, поскольку люксовые бренды стремятся не столько угодить покупателям, сколько поразить их³³⁶. Философское осмысление роскоши обращает внимание на ее символическое использование, без привязки к материальной форме, которую она принимает (одежда, автомобиль, жилье и т.д.), а также на позы, манеру говорить, интересы и отношения к времени и пространству, которые роскошь создает³³⁷.

Таким образом, ощущение роскоши дают не сами предметы, а отношение людей к таким предметам. Использование предметов роскоши часто понимается как стремление человека к элитному статусу, который прямо сопряжен с предметами роскоши и является по большей части «бренд фетишизмом», то есть восприятием товарных знаков как духовных сущностей, а не как информационных устройств³³⁸. Именно такое привилегированное положение создает определенный бренд вокруг товара или услуги.

Аура роскоши (*aura of luxury*) – это концепция в праве интеллектуальной собственности, используемая в зарубежных правовых порядках, которая применяется к товарам класса люкс и является частным проявлением защиты товарного знака. Доктрина направлена на защиту различительной способности товарного знака правообладателя при продаже третьим лицом товаров, законно введенных в

³³⁶ См.: Delphine Dion, Eric Arnould, Retail Luxury Strategy: Assembling Charisma through Art and Magic, *Journal of Retailing*, Volume 87, Issue 4, 2011, Pages 502-520.

³³⁷ См.: Assouly, Olivier, «La Justification du Luxe entre Nationalité et Simplicité» in *Le Luxe – Essais sur la Fabrique de l'Ostentation*, Assouly O. ed. Paris: Editions de l'Institut Français de la Mode, 2005, p. 203–222.

³³⁸ См. подробнее о понятии «бренд фетишизма»: Assaf Zakharov, Katya, *Brand Fetishism* (September 9, 2009). *Connecticut Law Review*, Vol. 43, p. 83.

оборот в условиях, которые могут умалить существующее психологическое восприятие бренда потребителем товара.

Такое, например, возможно в случае, если товар бренда люкс (Gucci, Dolce & Gabbana и т.д.) продается в магазине секонд-хенд, поскольку это снижает привлекательность такого продукта. Появление и развитие данной доктрины вызвано тем, что продавцы играют центральную роль при организации бренда класса люкс как в качестве лиц, воплощающих ценности бренда, так и в качестве рычагов для создания прочных отношений с клиентами³³⁹. Для продавцов товаров класса люкс донесение до покупателя информации о ценности бренда и продукта является важной задачей³⁴⁰.

Изучение концепции «аура роскоши» представляет особый интерес, поскольку количество брендов класса люкс с учетом развития рынка постоянно растет. Бренды класса люкс уже создаются не только европейскими и американскими компаниями, но и появляются и в развивающихся странах.

Российская Федерация не является исключением, поэтому анализ механизмов данной концепции и возможность ее использования в российском праве представляется интересными с учетом действующих норм в сфере права интеллектуальной собственности.

Знаковое дело в отношении данной концепции было рассмотрено Европейским судом в 2009 году³⁴¹. Примечательно, что дело возникло в связи с относительно простым случаем нарушения договора.

Компания Christian Dior заключила с компанией SIL (Société industrielle lingerie) лицензионный договор на использование товарного знака «CHRISTIAN DIOR» при производстве и распространении элитных корсетных изделий. В рамках лицензионного договора было установлено, что SIL не имеет права перепродавать товар Christian Dior оптовикам, дисконтным магазинам, почтовым

³³⁹ См.: Michaela Merk, Géraldine Michel, «The dark side of salesperson brand identification in the luxury sector: When brand orientation generates management issues and negative customer perception», *Journal of Business Research*, Volume 102, 2019, p. 339-352.

³⁴⁰ См.: Wieseke, J., Homburg, C., & Lee, N. (2008). Understanding the adoption of new brands through salespeople: A multilevel framework. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 36(2), p. 278–291.

³⁴¹ Суд ЕС, дело C-59/08 Copad SA v Christian Dior couture SA, Vincent Gladel and Société industrielle lingerie (SIL).

компаниям, компаниям по продаже «от двери до двери» и т.д. без согласия правообладателя, а также должна сделать все необходимое, чтобы это правило соблюдалось ее дистрибьюторами или розничными продавцами.

Впоследствии в отношении SIL была начата процедура банкротства. Чтобы попытаться преодолеть свои коммерческие трудности, SIL запросила у Christian Dior согласие на продажу лицензионной продукции под товарным знаком «CHRISTIAN DIOR» вне каналов избирательного распределения, определенных в рамках лицензионного договора. Christian Dior отказался удовлетворить эту просьбу. Однако несмотря на отказ контрагента SIL продала продукцию под товарным знаком «CHRISTIAN DIOR» компании Corad (дисконтной сети розничных магазинов), что стало прямым нарушением условий лицензионного договора.

Компания Christian Dior предъявила иски в суды Франции против SIL и Corad за нарушение прав на товарный знак. Хотя иски против SIL и Corad являются самостоятельными по отношению друг к другу, учитывая их различное положение в цепочке дистрибуции, в обоих случаях рассматривались вопросы определения термина «качество» в отношении условий лицензионного договора применительно к каналам дистрибуции товаров уровня люкс и понятия «aura роскоши».

В отношении вопроса о качестве Европейский суд решил, что данное понятие напрямую связано с имиджем бренда, поэтому продажа лицензиатом предметов роскоши третьим лицам, не являющимся частью сети выборочного сбыта, может повлиять на качество этих товаров. Качество предмета роскоши состоит не только из его физических характеристик, но и из его «ауры роскоши», что неоднократно указывалось Европейским судом³⁴².

Сложно не согласиться с избранным подходом, поскольку товарные знаки выполняют важную роль в конкурентных отношениях, они должны давать

³⁴² Суд ЕС, дело C-337/95 Parfums Christian Dior SA и Parfums Christian Dior BV против Evora BV., Суд ЕС, дело C-63/97, Bayerische Motorenwerke AG and BMW Nederland BV v Ronald Karel Deenik

гарантию, что все товары или услуги, обозначенные ими, были произведены или поставлены под контролем одного предприятия, которое несет ответственность за их качество, так как потребители стремятся покупать товары по источнику происхождения, что неоднократно отмечалось в европейской судебной практике³⁴³.

При определении того, является ли спорный товар под брендом «CHRISTIAN DIOR» предметом роскоши, суд руководствовался тем, что стороны лицензионного соглашения компании Christian Dior и SIL сами установили роскошный характер бренда «CHRISTIAN DIOR», поскольку их соглашение предусматривало выборочные каналы реализации продукции с использованием обозначения, чтобы поддерживать репутацию и престиж товарного знака.

Обоснование суда не является однозначно верным и бесспорным, поскольку не все бренды, которые имеют репутацию и престиж, являются люксовыми. Вместе с тем такие бренды признаются престижными благодаря своей надежности, но не вызывают такие эфемерные ощущения, которые создаются люксовыми брендами. Обоснование того, что бренд является люксовым (роскошным) только тем, что стороны его сами признали таковым в своем соглашении, также является спорным.

Установление факта роскошности бренда только на основании относительного правоотношения прямо конкурирует с абсолютным правоотношением, которое возникает при нарушении третьим лицом ауры роскоши.

Обобщенно выводы Европейского суда при определении нарушения условий лицензионного договора и разрешении вопроса, нанесен ли ущерб роскошному бренду, выглядят следующим образом: (1) характер брендированных предметов роскоши; (2) объемы продаж и то, продает ли лицензиат товары в магазины, не входящие в каналы реализации, установленные лицензионным

³⁴³ Суд ЕС, дело C-102/77 Hoffmann La Roche [1978], Суд ЕС, дело C-299/99 Philips [2002], Суд ЕС, дело C-228/03 Gillette Company и Gillette Group Finland [2005]

соглашением, регулярно или только время от времени; (3) характер товаров, обычно реализуемых по не входящим в установленные договором каналы реализации, установленные лицензионным соглашением, и методы маркетинга, обычно используемые в данном секторе деятельности; (4) отсутствие согласия правообладателя на такой способ коммерциализации через магазины, не входящие в каналы реализации, установленные лицензионным соглашением; (5) нанесение ущерба имиджу бренда класса люкс и, таким образом, возникновение угрозы качества продукта.

Следует отметить, что Европейский суд не выносил решение по существу спора, а лишь указал судам на критерии, которыми можно руководствоваться при предъявлении правообладателями требований о нарушении ауры роскоши товаров с их товарными знаками.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что концепция «аура роскоши» применима к случаям, когда между правообладателем и его лицензиатом в рамках договора прямо установлено, что маркированный товарным знаком продукт является предметом роскоши, а также указаны ограничения каналов реализации, и лицензиат допустил нарушение этих условий.

При этом требование применимо как к стороне по лицензионному договору в рамках относительного правоотношения, так и к лицу, которое по вине лицензиата допустило продажу товара по несогласованному каналу реализации, причем такая продажа носила постоянный характер и нанесла ущерб репутации бренда.

В итальянской практике имеются дела³⁴⁴, в которых суды подтвердили возможность применения концепции «ауры роскоши», а именно установили, что целью избранных каналов реализации продукции было обеспечение правильного использования продукции, сохранение ее имиджа и престижа. Для достижения

³⁴⁴ Окружной суд Милана, коллегия по коммерческому праву, решение от 12 декабря 2018 по делу No 44211/2018, *Landoll v MECS*, Решение от 19 ноября 2018 по делу No 38739/2018, *L'Oréal Italia* и *Helena Rubinstein Italia v IDS International Drugstore Italia*.

этой цели дистрибьюторские соглашения требуют, чтобы допущенные торговые посредники обладали соответствующими профессиональными компетенциями.

Например, в указанных судебных делах каналы реализации были выбраны на основе объективных критериев с целью сохранения роскошного имиджа брендов, поскольку характер продукции, поставляемой заявителем, был таков, что требовал избирательного распределения сети, при этом судами был установлен риск нанесения вреда имиджу бренда. Очевидно, что указанные решения свидетельствуют о том, насколько эффективной может быть стратегия защиты товарных знаков в исключительных каналах реализации³⁴⁵.

Следует отметить, что бренды уровня люкс именно российского происхождения немногочисленны (Aurus, Bosco di Ciliegi), но в применении такого механизма защиты эксклюзивных каналов дистрибьюции могут быть заинтересованы и иностранные правообладатели, которые реализуют товары на рынке Российской Федерации (например, Hermes, Graff и т.д.). С учетом частичной легализации параллельного импорта в РФ³⁴⁶ и постепенным возвращением иностранных правообладателей на российский рынок, борьба за такие каналы реализации будет только усиливаться.

Если говорить про применение доктрины «аура роскоши» в рамках правоотношения правообладатель-лицензиат, то здесь никаких ограничений не существует.

В рамках лицензионного договора, то есть относительного правоотношения, стороны исходя из принципа свободы договора вправе установить любые условия в соглашении. Следовательно, правообладатель, обнаружив, что лицензиат реализовал товар не согласованными каналами реализации, может инициировать привлечение к гражданско-правовой ответственности такого лица за нарушение условий договора и взыскать соответствующие договорные неустойки, убытки

³⁴⁵ Giannino, M. (2019). Milan court grants suppliers of luxury cosmetics interim relief against infringers of selective distribution networks. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 14(6), p. 425–427.

³⁴⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс».

или реализовать свое право на односторонний отказ от договора, если оно предусмотрено, или расторгнуть договор в связи с его существенным нарушением.

Такие ограничения также не будут нарушать нормы российского антимонопольного законодательства, поскольку соглашения в сфере интеллектуальной собственности обладают антимонопольным иммунитетом³⁴⁷. Даже если такие ограничения будут сняты предлагаемыми в антимонопольное законодательство изменениями³⁴⁸, то в европейской практике, где отсутствуют антимонопольные иммунитеты для сделок в сфере интеллектуальной собственности, указанные условия не всегда считаются нарушением.

Так, суд в деле *Coty Germany GmbH v Parfumerie Akzente GmbH*³⁴⁹ пришел к выводу, что при соблюдении определенных требований ограничения по использованию каналов реализации с целью сохранения имиджа бренда не нарушает условия ст. 101 (1) Договора о функционировании Европейского союза³⁵⁰. Суд в данном деле применил критерии, разработанные в деле *Metro*³⁵¹ для признаний факта нарушения антимонопольных ограничений отсутствующим, к которым относятся следующие: торговые посредники выбираются на основе качественных объективных критериев; рассматриваемые товары требуют избирательного распространения для сохранения их качества или правильного использования; и введенные таким образом ограничения являются соразмерными.

Если говорить о правоотношениях между правообладателем и лицом, которое является организатором несогласованного канала реализации, то здесь все представляется неоднозначным.

³⁴⁷ Пункт 9 ст. 11 Федерального закона № 135 от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции» // СПС «Гарант».

³⁴⁸ В рамках «шестого антимонопольного пакета», разрабатываемого ФАС РФ.

³⁴⁹ Суд ЕС, дело C-230/16 *Coty Germany GmbH v Parfumerie Akzente GmbH* [2017].

³⁵⁰ Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵¹ Суд ЕС, дело C-26/76 *Metro SB-Grosmarkte GmbH & Co. KG v Commission* [1977].

Оценка действий сторон как добросовестные или недобросовестные, основывается на поведении, ожидаемом от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны³⁵².

Действия продавца, который не состоит в договорных отношениях с правообладателем, при продаже товаров класса люкс несоответствующими каналами реализации, является нарушением условий оборота таких товаров и правообладателем права на товарный знак не ожидается, следовательно, такие действия следует считать добросовестными.

Вместе с тем защита исключительного права осуществляется при допущенном нарушении, а правоотношения в сфере объектов интеллектуальной собственности носят абсолютной характер и не могут находиться в зависимости от относительных правоотношений, в которых предполагаемый нарушитель не является стороной.

Кроме того, действия по реализации продукции, законно введенной в гражданский оборот, согласно ст. 1487 ГК РФ являются исчерпанием исключительного права, поэтому лицо, которое приобретет такие товары у уполномоченного на то лица (лицензиата), не будет считаться нарушителем, поскольку товар является оригинальным, а не контрафактным.

По смыслу механизма «аура роскоши», как он понимается в европейских правовых порядках, в такой ситуации права на товарный знак не были исчерпаны, но, если обстоятельства приведут к исчерпанию прав на товарный знак, дальнейшие продажи в дисконтных магазинах все равно могут быть прекращены³⁵³.

Как отмечается в деле С-337/95³⁵⁴, нанесенный вред репутации товарного знака, в принципе, может быть законной причиной для правообладателя противодействовать дальнейшей коммерциализации товаров, которые были выведены на рынок им самим или с его согласия. Кроме того, отказ от

³⁵² Абзац 3 п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

³⁵³ Glaize, F. (2009). Trade mark infringement by resale of luxury goods in discount stores. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, 4(9), p. 611–612.

³⁵⁴ Суд ЕС, дело С-337/95 *Parfums Christian Dior* [1997].

применения принципа исчерпания исключительного права установлен на уровне законодательства Европейского союза в силу законных оснований, если «состояние товара изменяется или ухудшается после его выпуска на рынок»³⁵⁵. Следовательно, европейский правопорядок в таком случае допускает отход от принципа исчерпания исключительного права.

Представляется, что такой подход является опасным для гражданского оборота, поскольку, как отмечалось ранее, происходит конкуренция абсолютного и относительного правоотношения, когда лицо, которое не знает и не могло знать о нарушении условий договора между правообладателем и лицензиатом, может быть привлечено к ответственности за нарушение условий канала реализации.

Изложенное в настоящем параграфе позволяет сделать ряд выводов.

1. Действующее законодательство позволяет судам при расчете взыскиваемой компенсации учитывать не только характер и тяжесть нарушения, но и срок, в течение которого правообладатель мог применить доступные меры защиты, и учитывать этот срок с целью уменьшения суммы взыскиваемой компенсации, в тех случаях, когда предоставленная мера защиты используется для неосновательного обогащения, а не для достижения цели восстановления положения истца.

2. В рамках проведённого исследования установлено, что предъявление требования о ненарушении исключительного права является надлежащим способом защиты права, которое вытекает из принципа добросовестности и может быть рассмотрено судом как самостоятельное требование, устраняющее неопределённость между участниками гражданского оборота касательно использования объекта интеллектуальной собственности. По своей природе иск о ненарушении исключительного права является иском о признании и имеет целью защитить интересы истца, полагающего, что у него есть субъективное право на

³⁵⁵ Art. 15(2) of Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trade mark, art. 15(2) Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks // URL: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>

соответствующий объект интеллектуальных прав путем его признания самостоятельным и ненарушающим права третьего лица.

3. По результатам анализа действующего законодательства и судебной практики установлено, что защита товарного знака от «размытия» – это действия правообладателя, основанные на принципе добросовестности по сохранению уникальности своего средства индивидуализации в глазах потребителей путем оспаривания регистрации товарных знаков третьих лиц или запрета его использования третьим лицам через суд.

Заключение

В заключение проведённого исследования целесообразно сформулировать ряд обобщённых выводов, содержание которых нашло своё полноценное подтверждение и детальное отражение в ходе настоящей работы.

В рамках большинства научных исследований в области цивилистики изучаются определённые аспекты общественных отношений, которые регулируются гражданским правом, а также особенности их регулирования в конкретный период социально-экономического развития и проблемы, возникающие в процессе правоприменения.

Принцип добросовестности является одним из фундаментальных начал гражданского права, он пронизывает все разделы частного права, охватывая сделки, представительство, вещное право, обязательственное право, наследственное право, вследствие чего исследованию этого принципа был посвящен ряд цивилистических исследований. При этом до настоящего времени проблематика добросовестности в контексте права интеллектуальной собственности явно недостаточно проработана, что порождает сложности в правореализационной и правоприменительной практике, а недостаточность научно обоснованных рекомендаций негативно сказывается на развитии и совершенствовании правового регулирования в соответствующей области общественных отношений.

История применения принципа добросовестности как общего начала в тех случаях, когда отсутствует прямая норма, регулирующая вопрос или устраняющая правовой пробел, насчитывает не один год. Вместе с тем вопросы применения принципа добросовестности в отношении объектов интеллектуальных прав не теряют актуальности и в настоящее время.

Добросовестность является важным принципом права интеллектуальной собственности: она позволяет обеспечить справедливое и эффективное использование объектов интеллектуальной собственности, а также защитить права и интересы авторов, правообладателей и других лиц. Принцип добросовестности – это юридический инструмент, который должен применяться

тогда, когда обычного юридического инструментария, а именно, норм позитивного права не хватает. Основное функциональное назначение принципа добросовестности заключается в появлении возможности обращения к механизму развития писаного права средствами судебного правотворчества.

Анализ литературы и положений действующего законодательства позволяет сделать вывод, что принцип добросовестности является формальным абстрактным правовым требованием поведения, которому должно соответствовать поведение всех участников гражданских правоотношений в силу принципа формального равенства. Правда, надо признать, что вошедшая во всеобщее употребление категория «стандарт поведения» не отличается четкостью и определенностью в части ее сущности, значения, целей, функций.

Отступление от принципа добросовестности позволяет охарактеризовать действие лица, его совершившего, в качестве противоправного действия. Проведённый анализ показывает, что добросовестность рассматривается в юридической науке как общий принцип поведения, а не как чётко сформулированный и определённый механизм, но при этом он находит свое выражение в судебной практике, когда судья, не имея четкого инструментария позитивного права разрешает дело на основании принципа добросовестности, например, квалифицируя новые для реальной практики действия как злоупотребление правом. Нельзя рассматривать добросовестность исключительно как категорию нравственности и этики, поскольку эти понятия субъективны и зависят от восприятия. В таком случае разрешение споров будет зависеть от личных представлений судьи о добре и зле, чтобы избежать этого, наука гражданского права должна определить цели и задачи принципа добросовестности для каждой подотрасли права.

Проведенное исследование позволяет заключить, что закреплённые в первой части ГК РФ нормы о добросовестности применимы и к общественным отношениям по поводу интеллектуальной собственности, регулируемым четвертой частью ГК РФ. При этом судебная практика подтверждает данное обстоятельство, когда в судебных решениях применяются механизмы принципа

добросовестности и противодействия злоупотребления правом для целей развития рынка объектов интеллектуальной собственности в РФ. Проведенное исследование определяет направления для применения принципа добросовестности в сфере права интеллектуальной собственности, а также определяет его цели и функции применительно к основным институтам права интеллектуальной собственности.

Основной функцией добросовестности в праве интеллектуальной собственности является ограничительная, то есть принцип добросовестности устанавливает определённые рамки или пределы для действий правообладателя, противодействуя злоупотреблением права с его стороны. Проведенное исследование подтверждает, что злоупотребление в праве интеллектуальной собственности возможно только в рамках временных, территориальных, содержательных и объектных границ исключительного права, поскольку, за пределами границ исключительного права нет оснований говорить о наличии права, которым правообладатель может злоупотреблять. При этом другие функции принципа добросовестности (такие как дополняющая, корректирующая, конкретизирующая) реализуются применительно к договорным отношениям по поводу объектов интеллектуальной собственности.

Основная функция принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности состоит в ограничении действий правообладателя, предотвращая злоупотребление его правами. Иными словами, принцип добросовестности задаёт определённые рамки и пределы, в пределах которых правообладатель может реализовывать свои исключительные права, не выходя за границы, установленные законом. Проведенное исследование показывает, что злоупотребление правом в праве интеллектуальной собственности возможно исключительно в пределах временных, территориальных, содержательных и объектных характеристик исключительного права. Это означает, что только тогда, когда действия правообладателя выходят за эти чётко определённые рамки, можно говорить о злоупотреблении правом. Если же действия находятся за пределами исключительных прав, то фактически отсутствует право, которым можно

злоупотреблять. Таким образом, добросовестность функционирует как своеобразный баланс, защищающий интересы как правообладателей, так и третьих лиц. Кроме того, принцип добросовестности выполняет дополнительные функции — дополняющую, корректирующую и конкретизирующую, которые проявляются преимущественно в договорных отношениях, связанных с объектами интеллектуальной собственности.

Принцип добросовестности в сфере интеллектуальной собственности применим к действиям, связанным с возникновением, осуществлением, защитой интеллектуальных прав. При этом правообладатель обязан действовать добросовестно не по отношению к контрагенту, а по отношению ко всем третьим лицам, что объясняется абсолютным характером исключительных прав.

Общим правилом добросовестности при создании объектов авторских и смежных прав следует считать действия, направленные на создание самостоятельного (оригинального) объекта. Вместе с тем создание производного произведения не является по общему правилу недобросовестным до тех пор, пока его правообладатель не начнет использовать свое исключительное право без согласия правообладателя оригинального произведения, а творческий характер произведения должен быть достаточным, чтобы его нельзя было считать копией другого объекта авторского права.

Добросовестностью при создании патентохранимых объектов следует считать действия по созданию и патентованию объекта, соответствующего критериям охраноспособности, предъявляемых действующим законодательством и не должны быть направлены на ограничение развития инноваций в тех случаях, когда существует формальная возможность преднамеренного увеличения срока правовой охраны патентов путём применения императивных положений относительно первого разрешения о применении патентохранимых объектов, а также не должны приводить к ограничению поведения неопределённого круга лиц в сфере действия патента путем создания блокирующих патентов.

Возникновение прав на средства индивидуализации признаётся добросовестным, если такое поведение направлено на достижение целей по

индивидуализации товаров и услуг, а также для защиты своих законных интересов в рамках конкурентных отношений. Не может признаваться добросовестным поведение, при котором правообладатель совершает действия, направленные на устранение присутствия третьих лиц определенного товара на конкурентном рынке путем применения мер защиты, предусмотренных действующим законодательством.

На основании проведённого анализа предлагаются рекомендации по усовершенствованию правоприменительной практики, направленные на ограничительное толкование некоторых прав, предоставляемых правообладателям, либо на расширение прав третьих лиц относительно правообладателей и принадлежащих им объектов интеллектуальной собственности. В частности, предлагается следующее:

Возможность квалифицировать действия одного из совладельцев (соправообладателя), направленные на прекращение исключительных прав на общий объект, как злоупотребление правом. Такие действия могут стать основанием для взыскания убытков с виновного соправообладателя.

Ограничение периода расчёта при предъявлении имущественных требований о защите исключительных прав. Эта мера позволит снизить риск неправомерного обогащения через использование института исковой давности.

Констатация возможности подачи требования о ненарушении как самостоятельного требования, подлежащего рассмотрению судом. Такое требование направлено на предупреждение возможных нарушений прав правообладателя до момента возникновения спора.

Признание действий правообладателя, направленных на защиту своего товарного знака от размывания, добросовестной практикой. Эти меры могут применяться не только против однородных товаров или аналогичных товарных знаков, зарегистрированных в отношении других классов Международной классификации товаров и услуг (МКТУ).

Перспективным направлением развития дальнейших исследований может стать изучение иных форм и способов добросовестного поведения и

добросовестных стратегий управления интеллектуальными правами, а также проблематика особенностей иных общегражданских принципов права в сфере интеллектуальных прав.

Список сокращений и условных обозначений

Бернская конвенция	Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (Берн, 09.09.1886)
ВАС РФ	Высший арбитражный суд Российской Федерации
ВС РФ	Верховный Суд Российской Федерации
ГК РФ	Гражданский кодекс Российской Федерации
КС РФ	Конституционный Суд Российской Федерации
Парижская конвенция	Парижская конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 10.03.1883)
СИП	Суд по интеллектуальным правам
СК РФ	Семейный кодекс Российской Федерации
Соглашение ТРИПС	Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров) (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями)
ФАС РФ	Федеральная антимонопольная служба

Библиографический список

I. Международные правовые акты

1. Хартия прав авторов (принята 26 сентября 1956 г. в Гамбурге) // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // СПС «КонсультантПлюс».

II. Законодательство Российской Федерации

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. – 1994. № 32. – ст. 3301.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
5. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» // "Российская газета". – № 162. – 27.07.2006.
7. Постановление Правительства РФ от 21 марта 1994 г. № 218 «О минимальных ставках авторского вознаграждения за некоторые виды использования произведений литературы и искусства» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приказ Роспатента от 26.12.2018 № 233 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации полезной модели и выдаче патента на полезную модель, его дубликата» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Приказ Роспатента от 27.12.2018 № 236 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Приказ Министерства экономического развития РФ от 31.03.2021 № 155 «О внесении изменений в Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы и Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.05.2021.

12. Проект Федерального закона № 479514-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

III. Законодательство СССР

13. Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // СПС «КонсультантПлюс».

IV. Зарубежное законодательство

14. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen : Act of 25 October 1994 // BGBl. I/2004. — P. 3082.

16. Gesetz zur Reform des Geschmacksmusterrechts : Act of 12 March 2004 // BGBl. I/2004. — P. 390.
17. Declaration of Non-Infringement, Invalidation and Infringement Proceedings: A Malaysian Perspective // Mirandah Law. URL: <http://www.mirandah.com/pressroom/item/175-declaration-of-non-infringement-invalidation-and-infringement-proceedings-a-malaysian-perspective> (дата обращения: 24.03.2025).
18. The Patents Act, 1970 // Office of the Controller General of Patents, Designs & Trade Marks. URL: http://www.ipindia.nic.in/writereaddata/Portal/IPOAct/1_113_1_The_Patents_Act_1970_-_Updated_till_23_June_2017.pdf (дата обращения: 24.03.2025).
19. Patent Act 1983 (Act 291) // Malaysian Intellectual Property Office. URL: <http://www.myipo.gov.my/wp-content/uploads/2016/09/PATENT-ACT-1983-ACT-291.pdf> (дата обращения: 24.03.2025).
20. Trade Marks Act 1994 (including amendments up to and including 1 January 2021).
21. Trademark Dilution Revision Act of 2006 : 15 U.S.C. § 1051.
22. The Lanham (Trademark) Act : Pub.L. 79-489, 60 Stat. 427. — Enacted: July 5, 1946. — Codified at: 15 U.S.C. § 1051 et seq. (15 U.S.C. ch. 22).
23. Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trade mark, art. 15(2); Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks [Electronic resource] // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html> (date of treatment: 15.06.2024).
24. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) [Electronic

resource] // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689> (дата обращения: 26.01.2025).

25. Copyright Act, 1957 (Act No. 14 of 1957, as amended up to Act No. 27 of 2012) [Electronic resource] // WIPO Lex. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=IN&subjectMatters=11> (дата обращения: 15.06.2024).

26. Федеральный закон «Об авторском праве на произведения литературы и искусства и смежных правах» (Закон 1936 г. «Об авторском праве» с последними изменениями, внесенными Федеральным законом, опубликованным в Официальном вестнике Республики I № 105/2018 (BGBl.I No. 105/2018)) [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=AT&subjectMatters=11> (дата обращения: 20.06.2024).

27. Закон (1960:729) «Об авторских правах на произведения литературы и искусства» с изменениями, внесенными Постановлением (2018:1099) [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=SE&subjectMatters=11> (дата обращения: 25.06.2024).

28. Закон Китайской Народной Республики «Об авторском праве» (с изменениями, внесёнными Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 26.02.2010 г. «О внесении поправок в Закон Китайской Народной Республики «Об авторском праве»») [Электронный ресурс] // WIPO Lex. — URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=CN&subjectMatters=11> (дата обращения: 30.06.2024).

29. U.S. Copyright Act of 1976, 17. U.S.C. §§ 101 et seq. (as amended up to the STELA Reauthorization Act of 2014) [Electronic resource] // WIPO Lex. — URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/more-info.html> (дата обращения: 05.07.2024).

30. Закон «Об авторском праве» (Закон № 48 от 06.05.1970 г.) (с изменениями, внесенными Законом № 72 от 13.07.2018 г.) Электронный ресурс //

WIPO Lex. — URL:
<https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=JP&subjectMatters=11>
 (дата обращения: 25.06.2024).

31. Федеральный закон от 09.10.1992 г. «Об авторском праве и смежных правах» (по состоянию на 01.01.2017 г.) Электронный ресурс // WIPO Lex. — URL:

<https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=CH&subjectMatters=11>
 (дата обращения: 30.06.2024).

32. Консолидированный закон «Об авторском праве» № 1144 от 23.10.2014 г. (с учетом изменений от 08.06.2018 г.) Электронный ресурс // WIPO Lex. — URL:

<https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=DK&subjectMatters=11>
 (дата обращения: 05.07.2024).

33. Закон 1968 года «Об авторском праве» (по состоянию на 1.01.2019 г.) Электронный ресурс // WIPO Lex. — URL:
<https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/results?countryOrgs=AU&subjectMatters=11>
 (дата обращения: 10.07.2024).

V. Судебная практика Российской Федерации

34. Определение КС РФ от 17 июля 2014 г. № 1808-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шуклина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 и пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс»

35. Определение КС РФ от 15 мая 2007 г. № 370-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Эвалар» на нарушение конституционных прав и свобод положениями п. 2 и 3 ст. 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», подп. 4 п. 1 и абзаца 4 п. 3 ст. 28 Закона Российской Федерации

«О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // СПС «ГАРАНТ».

36. Определение КС РФ от 2 декабря 2013 г. № 1908-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Строительная компания "Строй-Инвест" на нарушение конституционных прав и свобод положением части 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение КС РФ от 3 ноября 2006 г. № 445-О «По жалобам граждан Бронникова Валерия Акимовича и Володина Николая Алексеевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

38. Постановление КС РФ от 13 июля 2021 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева» // Российская газета. 2021. № 166. 26 июля.

39. Постановление КС РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа» // СПС «КонсультантПлюс».

40. Постановление КС РФ от 15 февраля 2016 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого» // СПС «КонсультантПлюс».

41. Постановление КС РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева» // СПС «КонсультантПлюс»

42. Постановление КС РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим» // СПС «КонсультантПлюс».

43. Постановление КС РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт - Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита – Плюс» и «Невско - Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско - южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // СПС «КонсультантПлюс».

44. Постановление КС РФ от 27 октября 2015 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной» // СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

47. Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

48. Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

49. Постановление Пленума ВС РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс»

50. Постановление Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2015.

51. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».

52. Обзор практики суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (утвержден постановлением президиума СИП от 24.10.2022 № СП-21/24) // СПС «КонсультантПлюс».

53. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2023) (утв. Президиумом ВС РФ 26.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

54. Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2021) // СПС «КонсультантПлюс».

55. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2021)» (утв. Президиумом ВС РФ 7 апреля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

56. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

57. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

58. Определение ВАС РФ от 19.01.2011 № ВАС-18315/10 по делу № А65-7742/2010-СА3-56 // СПС «КонсультантПлюс»

59. Определение ВС РФ от 01.06.2021 № 49-КГ21-11-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

60. Определение ВС РФ от 08.06.2016 по делу № А20-2391/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение ВС РФ от 11.06.2024 № 32-КГ24-8-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Определение ВС РФ от 17.09.2019 № 49-КГ19-38 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Определение ВС РФ от 17.10.2017 № 5-КГ17-138 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Определение ВС РФ от 06.07.2021 г. по делу № А32-36793/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

65. Определение ВС РФ от 07.09.2020 г. по делу № А41-92397/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Определение ВС РФ от 08.09.2021 г. по делу № СИП-932/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Определение ВС РФ от 09.08.2016 № 21-КГ16-6 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Определение ВС РФ от 1 сентября 2015 г. № 5-КГ15-92 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Определение ВС РФ от 10 февраля 2023 г. по делу № А79-7675/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Определение ВС РФ от 11 февраля 2019 г. по делу № А65-31592/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

71. Определение ВС РФ от 12 апреля 2016 г. № 19-КГ16-5 // СПС «КонсультантПлюс».
72. Определение ВС РФ от 14 июня 2016 г. № 52-КГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».
73. Определение ВС РФ от 17 января 2023 г. № 5-КГ22-121-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
74. Определение ВС РФ от 17.09.2020 по делу № А40-46622/2019. // СПС «КонсультантПлюс».
75. Определение ВС РФ от 18 января 2022 г. № 18-КГ21-161-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
76. Определение ВС РФ от 19 апреля 2016 г. № 5-КГ16-51 // СПС «КонсультантПлюс».
77. Определение ВС РФ от 19 апреля 2016 г. № 83-КГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».
78. Определение ВС РФ от 19 апреля 2016 г. № 9-КГ16-3 // СПС «КонсультантПлюс».
79. Определение ВС РФ от 19 июля 2016 г. № 18-КГ16-61 // СПС «КонсультантПлюс».
80. Определение ВС РФ от 19 января 2016 г. по делу № А40-138789/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
81. Определение ВС РФ от 19 января 2016 г. по делу № А40-138793/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
82. Определение ВС РФ от 2 февраля 2021 г. № 51-КГ20-12-К8, 2-5/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
83. Определение ВС РФ от 20 сентября 2016 г. № 49-КГ16-18 // СПС «КонсультантПлюс».
84. Определение ВС РФ от 21 июня 2016 г. № 78-КГ16-24 // СПС «КонсультантПлюс».
85. Определение ВС РФ от 21 октября 2020 г. № 300-ЭС20-12050 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Определение ВС РФ от 21 января 2020 г. № 18-КГ19-147 // СПС «КонсультантПлюс».
87. Определение ВС РФ от 23 ноября 2022 г. №№ А43-3349/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
88. Определение ВС РФ от 26 апреля 2016 г. № 45-КГ16-2 // СПС «КонсультантПлюс».
89. Определение ВС РФ от 26 января 2021 г. № 310-ЭС20-9768 по делу № А48-7579/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
90. Определение ВС РФ от 27.09.2019 № 305-ЭС19-15824 по делу № А40-151454/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
91. Определение ВС РФ от 28 декабря 2015 г. по делу № А63-4164/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
92. Определение ВС РФ от 29 марта 2016 г. № 5-КГ16-28 // СПС «КонсультантПлюс».
93. Определение ВС РФ от 30 августа 2016 г. №78-КГ16-36 // СПС «КонсультантПлюс».
94. Определение ВС РФ от 7 июля 2015 г. по делу № 78-КГ15-7 // СПС «КонсультантПлюс».
95. Определение ВС РФ от 8 февраля 2022 г. № 5-КГ21-175-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
96. Определение ВС РФ от 9 августа 2016 г. № 21-КГ16-7 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Определение ВС РФ от 9 января 2018 г. № 50-КГ17-27 // СПС «КонсультантПлюс».
98. Определение ВС РФ № 305-ЭС20-8198 от 17 сентября 2020 г. по делу № А40-46622/2019. // СПС «КонсультантПлюс»
99. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 10.07.2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».
100. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 3 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17. // СПС «КонсультантПлюс»

101. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13.12.2018 по делу № А32-34267/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
102. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.04.2021 по делу № А41-46643/2019. // СПС «КонсультантПлюс».
103. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17 сентября 2020 г. по делу № А40-46622/2019. // СПС «КонсультантПлюс».
104. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26 января 2021 г. № 310-ЭС20-9768 по делу № А48-7579/2019,
105. Постановление ВАС РФ от 2 апреля 2013 г. № 15187/12 по делу № А42-5522/2011.
106. Постановление ВАС РФ от 20 ноября 2012 г. № 8953/12 по делу № А40-82533/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
107. Постановление Президиума ВАС от 17.09.2009 № 11458/09 // СПС «КонсультантПлюс»
108. Постановление Президиума ВАС РФ от 01.12.2009 № 10852/09 по делу № А45-15761/2008-8/270 // СПС «КонсультантПлюс».
109. Постановление Президиума ВАС РФ от 15 декабря 2009 г. № 10519/09 // СПС «КонсультантПлюс».
110. Постановление Президиума ВАС РФ от 2 апреля 2013 г. по делу № А42-5522/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
111. Постановление Президиума ВАС РФ от 2 апреля 2013 г. № 15187/12 по делу № А42-5522/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
112. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.08.2006 № 1877/06 // СПС «КонсультантПлюс»
113. Постановление Президиума СИП от 01.04.2021 по делу № СИП-329/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
114. Постановление Президиума СИП от 01.11.2019 по делу № СИП-580/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
115. Постановление Президиума СИП от 01.11.2019 по делу № СИП-34/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

116. Постановление Президиума СИП от 02 мая 2017 г. по делу № СИП-711/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
117. Постановление Президиума СИП от 02.11.2018 по делу № СИП-795/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
118. Постановление Президиума СИП от 02.11.2018 по делу № СИП-795/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
119. Постановление Президиума СИП от 02.11.2018 по делу № СИП-795/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
120. Постановление Президиума СИП от 02.11.2018 № С01-902/2018 по делу № СИП-191/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
121. Постановление Президиума СИП от 03 ноября 2017 г. по делу № СИП-211/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
122. Постановление Президиума СИП от 03.02.2022 г. по делу № СИП-143/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
123. Постановление Президиума СИП от 03.09.2020 по делу № СИП-821/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
124. Постановление Президиума СИП от 04.09.2020 по делу № СИП-665/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
125. Постановление Президиума СИП от 04.09.2020 по делу № СИП-665/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
126. Постановление Президиума СИП от 06.12.2021 г. по делу № СИП-393/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
127. Постановление Президиума СИП от 08.08.2019 по делу № СИП-729/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
128. Постановление Президиума СИП от 11.08.2021 по делу № СИП-1068/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
129. Постановление Президиума СИП от 11.08.2021 по делу № СИП-1068/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
130. Постановление Президиума СИП от 12 августа 2019 г. по делу № СИП-152/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

131. Постановление Президиума СИП от 12.07.2021 г. по делу № СИП-471/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
132. Постановление Президиума СИП от 13 июня 2017 г. по делу № СИП-658/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
133. Постановление Президиума СИП от 13.11.2019 по делу № СИП-838/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
134. Постановление Президиума СИП от 15 апреля 2021 г. по делу № СИП-475/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
135. Постановление Президиума СИП от 15.02.2021 по делу № СИП-598/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
136. Постановление Президиума СИП от 16.01.2020 по делу № СИП-359/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
137. Постановление Президиума СИП от 17.04.2017 по делу № СИП-289/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
138. Постановление Президиума СИП от 18.02.2019 № С01-1113/2018 по делу № СИП-688/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
139. Постановление Президиума СИП от 18.04.2019 по делу № СИП-72/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
140. Постановление Президиума СИП от 20.05.2019 по делу № СИП-527/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
141. Постановление Президиума СИП от 20.05.2019 по делу № СИП-527/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
142. Постановление Президиума СИП от 20.12.2018 по делу № СИП-127/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
143. Постановление Президиума СИП от 21 ноября 2019 г. по делу № СИП-326/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
144. Постановление Президиума СИП от 21 ноября 2019 г. по делу № СИП-326/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
145. Постановление президиума СИП от 21 февраля 2019 г. по делу № СИП-324/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

146. Постановление Президиума СИП от 22.06.2020 по делу № СИП-529/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
147. Постановление Президиума СИП от 22.06.2020 по делу № СИП-529/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
148. Постановление президиума СИП от 23 декабря 2019 г. по делу № СИП-555/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
149. Постановление президиума СИП от от 18 мая 2020 г. по делу № СИП-439/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
150. Постановление Президиума СИП от 23 января 2017 г. по делу № СИП-235/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
151. Постановление президиума СИП от 24 сентября 2018 г. по делу № СИП-107/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
152. Постановление Президиума СИП от 24.04.2019 № С01-62/2019 по делу № А14-6218/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
153. Постановление президиума СИП от 25.12.2020 по делу № СИП-781/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
154. Постановление Президиума СИП от 26 ноября 2021 г. по делу № СИП-1124/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
155. Постановление Президиума СИП от 28.05.2020 по делу № СИП-558/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
156. Постановление Президиума СИП от 29 января 2021 г. по делу № СИП-903/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
157. Постановление Президиума СИП от 29.06.2018 по делу № СИП-579/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
158. Постановление Президиума СИП от 29.06.2018 по делу № СИП-579/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
159. Постановление Президиума СИП от 3 февраля 2020 г. по делу № СИП-427/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
160. Постановление Президиума СИП от 30 июля 2019 г. делу № СИП-819/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

161. Постановление Президиума СИП от 31.05.2019 по делу № СИП-860/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

162. Постановление Президиума СИП от 4 июня 2020 г. по делу № СИП-770/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

163. Постановление Президиума СИП от 8 декабря 2014 г. № С01-1193/2014 по делу № СИП-155/2014. // СПС «КонсультантПлюс».

164. Постановление Президиума СИП по делу № СИП-529/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

165. Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 02.04.2013 года по делу № 33-4218/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

166. Апелляционное определение Мосгорсуда от 18 октября 2018 г. по делу № 33-40548/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

167. Апелляционное определение Новгородского областного суда от 11.03.2015 года по делу № 2-89/14-33-528/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

168. Апелляционным определением Мосгорсуда от 12 сентября 2019 г. по делу № 33–40814/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

169. Определение Московского городского суда от 13.03.2020 № 2и-1469/2020. // СПС «КонсультантПлюс».

170. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.09.2021 № Ф01-4557/2021 по делу № А11-8670/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

171. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.07.2012 по делу № А82-4256/2011 // СПС «КонсультантПлюс»

172. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2012 по делу № А40-100964/11 // СПС «КонсультантПлюс».

173. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 сентября 2016 г. по делу № А54-4857/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

174. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10АП-22771/2021 по делу № А41-5612/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

175. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2022 № 10АП-22374/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

176. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2022 г. по делу № А11-14198/2020. // СПС «КонсультантПлюс».

177. Постановление СИП от 07.11.2013 г. по делу № А40-110460/2012 // СПС «КонсультантПлюс»

178. Постановление СИП от 1 апреля 2022 г. № С01-1377/2020 по делу № А56-121341/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

179. Постановление СИП от 10 февраля 2022 г. по делу № А32-14690/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

180. Постановление СИП от 14 марта 2014 г. № С01-88/2014 по делу № А41-28573/2011// СПС «КонсультантПлюс»

181. Постановление СИП от 14 марта 2019 г. № С01-303/2017 по делу № А70-9233/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

182. Постановление СИП от 14 января 2022 г. по делу № А54-3645/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

183. Постановление СИП от 14 января 2022 г. по делу № А54-3645/2016. // СПС «КонсультантПлюс».

184. Постановление СИП от 15 октября 2020 г. № С01-1141/2020 по делу № А56-108297/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

185. Постановление СИП от 15.02.2018 по делу № А32-36047/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

186. Постановление СИП от 16.07.2018 по делу № А33-25467/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

187. Постановление СИП от 16.10.2018 по делу № А57-26047/2016. // СПС «КонсультантПлюс».

188. Постановление СИП от 17 февраля 2022 г. № С01-61/2022 по делу № А41-52135/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

189. Постановление СИП от 19 января 2022 г. по делу № А65-4153/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

190. Постановление СИП от 20 декабря 2018 г. по делу № СИП-127/2018. // СПС «КонсультантПлюс».
191. Постановление СИП от 20 ноября 2020 г. № С01-1254/2020 по делу № А21-1160/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
192. Постановление СИП от 21 июня 2018 г. № С01-386/2017 по делу № А54-3645/2016. // СПС «КонсультантПлюс».
193. Постановление СИП от 21 июня 2018 г. № С01-386/2017 по делу № А54-3645/2016. // СПС «КонсультантПлюс».
194. Постановление СИП от 21 октября 2020 г. № С 01-1070/2020 по делу № А75-18112/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
195. Постановление СИП от 23 августа 2021 г. по делу № А40-306089/2019 // СПС «КонсультантПлюс»
196. Постановление СИП от 24 мая 2017 г. по делу № А46-12028/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
197. Постановление СИП от 24.12.2020 по делу № А40-29771/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
198. Постановление СИП от 25 октября 2018 г. № С01-665/2017 по делу № А43-7247/2016. // СПС «КонсультантПлюс».
199. Постановление СИП от 26.05.2017 по делу № А41-50022/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
200. Постановление СИП от 30.10.2018 № С01-800/2018 по делу № А56-27644/2018// СПС «КонсультантПлюс».
201. Постановление СИП от 5 апреля 2022 г. по делу № А32-36309/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
202. Постановление СИП от 6 июня 2014 г. по делу № А40-126600/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
203. Постановление СИП от 8 октября 2014 г. № С01767/2014 по делу № А12-30130/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
204. Постановление СИП от 9 марта 2014 г. № С01-445/2014 по делу № А12-13881/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

205. Постановление СИП от 9 марта 2016 г. № С01-69/2016 по делу № А21-2831/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

206. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 15 января 2013 г. № Ф03-6025/2012 по делу № А04-3711/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

207. Постановления Президиума СИП от 22.07.2022 г. по делу № СИП-1374/2021// СПС «КонсультантПлюс».

208. Постановление Президиума СИП от 29.06.2018 по делу № СИП-579/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

209. Решение СИП от 01.10.2020 г. по делу № СИП-435/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

210. Решение СИП от 10.12.2021 г. по делу № СИП-807/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

211. Решение СИП от 15.11.2021 г. по делу № СИП-550/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

212. Решение СИП от 16.01.2023 г. по делу № СИП-599/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

213. Решение СИП от 16.07.2019 г. по делу № СИП-34/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

214. Решение СИП от 17.02.2022 г. по делу № СИП-927/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

215. Решение СИП от 22 марта 2021 г. по делу № СИП-635/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

216. Решение СИП от 23 января 2015 г. № СИП-839/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

217. Решение СИП от 27 октября 2015 г. по делу № СИП-96/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

218. Решение СИП от 27.08.2021 г. по делу № СИП-477/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

219. Решение СИП от 28 января 2014 г. № СИП-286/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

220. Решение СИП от 30.08.2018 по делу № СИП-188/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

221. Решение СИП от 4 июля 2014 г. № СИП-9/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

222. Решение СИП от 7 февраля 2017 г. по делу № СИП-327/2016.

223. Решение СИП по делу № СИП-796/2022 от 27 03.2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

224. Решение СИП от 10.10.2022 г. по делу № СИП-490/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

VI. Зарубежная судебная практика

225. Дело Gucci Am., Inc. против Guess, Inc. / Gucci Am., Inc. v. Guess, Inc. // Федеральный репортер. — 2012. — Т. 868, № 2. — С. 207–219. — Суд Южного округа Нью-Йорка.

226. Дело Dallas Cowboys Football Club, Ltd. против Am.'s Team Props., Inc. / Dallas Cowboys Football Club, Ltd. v. Am.'s Team Props., Inc. // Федеральный репортер. — 2009. — Т. 616, № 2. — С. 622–643. — Северный округ Техаса.

227. Окружной суд Милана, коллегия по коммерческому праву. Решение по делу № 44211/2018 от 12 декабря 2018 г. Landoll v. MECS.

228. Окружной суд Милана, коллегия по коммерческому праву. Решение по делу № 38739/2018 от 19 ноября 2018 г. L'Oréal Italia и Helena Rubinstein Italia v. IDS International Drugstore Italia.

229. Суд Европейского Союза. Дело C-102/77 Hoffmann La Roche. — 1978.

230. Суд Европейского Союза. Дело C-299/99 Philips. — 2002.

231. Суд Европейского Союза. Дело C-228/03 Gillette Company и Gillette Group Finland. — 2005.

232. Суд Европейского Союза. Дело C-230/16 Coty Germany GmbH v. Parfumerie Akzente GmbH. — 2017.

233. Суд Европейского Союза. Дело C-26/76 Metro SB-Grösmärkte GmbH & Co. KG v. Commission. — 1977.

234. Суд Европейского Союза. Дело C-337/95 Parfums Christian Dior. — 1997.
235. Суд Европейского Союза. Дело C-337/95 Parfums Christian Dior SA и Parfums Christian Dior BV против Evora BV.
236. Суд Европейского Союза. Дело C-63/97 Bayerische Motorenwerke AG and BMW Nederland BV v. Ronald Karel Deenik.
237. Суд Европейского Союза. Дело C-59/08 Copad SA v. Christian Dior couture SA, Vincent Gladel and Société industrielle lingerie (SIL).
238. Arnett v. Jackson / Eastern District of North Carolina. — 2017. — № 5:16-CV-872-D. — August 14.
239. Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc. // Supreme Court of the United States. — 1994. — Vol. 510 U.S. — P. 569. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/510/569/> (дата обращения: 30.07.2024).
240. Cattley v. Pollard / High Court of England and Wales. — 2006. — [2007] EWHC B16 (Ch). — [2007] EWHC 5561 (Ch).
241. Civil Court, Elberfield. — 25 Juristische Wochenschrift. — P. 502. — XXV Markenschutz and Wettbewerb. — P. 264. — 1925. — September 11.
242. Davidson v. State / Washington Supreme Court. — 1991. — Vol. 116 Wn.2d. — P. 13, 25. — Vol. 802 P.2d. — P. 1374.
243. Eastlake Condominium Association v. Hoover / Washington Court of Appeals. — № 78266-5-1.
244. England and Wales High Court Patents Court. Cantel Medical (UK) Ltd, Cantel (UK) Ltd v Arc Medical Design Ltd. — EWHC 345 (Pat). — 2018. — January 23.
245. First Instance Court of Paris. Moulin Rouge et al v. DPH Lingerie. — 3rd Chamber, 3rd Division. — 2012. — November 30.
246. Galliher v. Cadwell. — 1892.
247. Gardner v. Panama Railroad Co. — 1951.
248. Haas v. Leo Feist, Inc. / Southern District of New York. — 1916. — Vol. 234 F. — P. 105, 108. — (Hand J.).

249. Harper & Row v. Nation Enterprises // Supreme Court of the United States. — 1985. — Vol. 471 U.S. — P. 539. — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/471/539> (дата обращения: 10.08.2024).
250. Harrods Ltd. v. R. Harrods Ltd. // R.P.C. — 1924. — Vol. 41. — P. 74–82.
251. Lick Oil Co. v. Marbury. — 1875. — Vol. 91 U.S. — P. 587, 592-593.
252. Lindsay Petroleum v. Hurd. — 1874.
253. Lopp v. Peninsula School District No. 401 / Washington Supreme Court. — 1978. — Vol. 90 Wn.2d. — P. 754, 759. — Vol. 585 P.2d. — P. 801.
254. Mattel, Inc. v. MCA Records, Inc. / United States Court of Appeals for the Ninth Circuit. — 2002. — Vol. 296 F.3d. — P. 894, 905.
255. Norse v. Henry Holt and Co. // United States District Court for the Northern District of California. — 1994. — Vol. 847 F. Supp. — P. 142. — URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/847/142/1402954> (дата обращения: 05.08.2024).
256. Paris Appeal Court, Section 1, 2nd Chamber. — 2012. — September 12.
257. Paris Appeal Court, Section 5, 2nd Chamber. — 2012. — November 16.
258. Penny v. Allen. — 1857.
259. Sixto Nunez v. Caribbean International News Corp. (El Vocero De Puerto Rico) // United States Court of Appeals for the First Circuit. — 2000. — Vol. 235 F.3d. — P. 18. — URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/771448/sixto-nunez-v-caribbean-international-news-corp-el-vocero-de-puerto> (дата обращения: 20.06.2024).
260. Smith v. Clay // Casetext: Smarter Legal Research. — URL: <https://casetext.com/case/smith-v-clay> (дата обращения: 25.06.2024).
261. Stewart v. Johnston / Washington Supreme Court. — 1948. — Vol. 30 Wn.2d. — P. 925, 935-36. — Vol. 195 P.2d. — P. 119.
262. The Supreme Court's civil ruling. — 2016. — Zui Gao Fa Min Shen No. 351.
263. Three Boys Music Corp. v. Michael Bolton / United States Court of Appeals for the Ninth Circuit. — 2000. — Vol. 212 F.3d. — P. 477.

264. TiVo Brands LLC v. Tivoli, LLC / Trademark Trial and Appeal Board. — 2018. — Vol. 129 U.S.P.Q.2d. — P. 1097, 1104.

VII. Монографии и иные научные труды

265. Агарков, М. М. Проблема злоупотребления права в советском гражданском праве / Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1 : Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права / М. М. Агарков. — М. : Статут, 2012. — 428 с.

266. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. — М., 1955. — 176 с.

267. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права : курс лекций : учебное пособие. Вып. 4 / С. С. Алексеев. — Свердловск, 1966. — 203 с.

268. Авторское право / Б. С. Антимонов, Е. А. Флейшиц. — М. : Госюриздат, 1957. — 278 с.

269. Ахлибининский, Б. В. Кибернетика и тайны психики / Б. В. Ахлибининский. — Л., 1966. — 142 с.

270. Беляева, О.А. Предпринимательское право : учебное пособие / под ред. В. Б. Ляндреса. — М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ» : ИНФРА-М, 2006. — 271 с.

271. Богданова, Е. Е. Защита от контрагента : проблемы субъективных гражданских прав и интересов в договорных отношениях / Е. Е. Богданова. — М., 2006. — 208 с.

272. Брагинский, М. И. Договорное право : книга 1 : общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М., 1997. — 817 с.

273. Витко, В. С. Понятие формы произведения в авторском праве / В. С. Витко. — М. : Статут, 2020. — 268 с.

274. Волков, А. В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом) : монография / А. В. Волков. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 104 с.

275. Ворожевич, А. С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты : монография / А. С. Ворожевич. — М. : Статут, 2020. — 288 с.
276. Гаврилов, Э. П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития / Э. П. Гаврилов. — М., 1984. — 160 с.
277. Гамбаров, Ю. С. Гражданское право. Общая часть : научное издание / Ю. С. Гамбаров ; под ред. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2013. — 810 с.
278. Генкин, Д. М. Советское гражданское право : учебник для юр. вузов / Д. М. Генкин, С. Н. Братусь [и др.]. — М., 1950. — Т. 1. — 406 с.
279. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — М. : Статут, 2000. — 351 с. — (Серия: Классика российской цивилистики)
280. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. — М., 1991. — 203 с.
281. Гришаев, С. П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий / С. П. Гришаев // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
282. Гурвич, М. А. Советский гражданский процесс : учебник / М. А. Гурвич. — М. : Высшая школа, 1975. — 303 с.
283. Дворецкий, В. Р. Комментарий к новому Закону о рекламе / В. Р. Дворецкий. — М., 2006. — 192 с.
284. Дождев, Д. В. Понятие справедливости (aequitas) в римской правовой традиции / Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. / Д. В. Дождев ; Исслед. центр част. права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. права. — М. : Статут, 2021. — С. 8–27.
285. Дождев, Д. В. Правовое общение: опыт римского права / Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. / Д. В. Дождев ; Исслед. центр част. права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. права. — М. : Статут, 2021. — 412 с. — С. 140–204.

286. Дождев, Д. В. *Ars boni et aequi* в определении Цельса: право между искусством и наукой / Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. / Д. В. Дождев ; Исслед. центр част. права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. права. — М. : Статут, 2021. — С. 27–38.

287. Дозорцев, В. А. Творческий результат: система правообладателей / Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / В. А. Дозорцев ; Исследовательский центр частного права. — М. : Статут, 2003. — 416 с.

288. Зайцева, Н. В. Субъективный фактор в частном праве : монография / Н. В. Зайцева. — М. : Статут, 2023. — 384 с.

289. Иоффе, О. С. Основы авторского права / О. С. Иоффе. — М. : Знание, 1969. — 128 с.

290. Иоффе, О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) / Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — 4-е изд. — М. : Статут, 2020. — 574 с.

291. Исаченко, В. Л. Русское гражданское судопроизводство: Практическое руководство для студентов и начинающих юристов : в 2 т. Т. 1 / В. Л. Исаченко. — Петроград, 1915. — 420 с.

292. Калятин, В. О. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты исключительных прав / В. О. Калятин, Е. А. Павлова ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — М., 2014. — 288 с.

293. Канторович, Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: Систематический комментарий к закону 20 марта 1911 г. с историческим очерком и объяснениями, основанными на законодательных мотивах, литературных источниках, иностранных законодательствах и судебной практике / Я. А. Канторович. — 2-е изд., значит. доп. — Петроград : Тип. бывш. Акционер. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1916. — 412 с.

294. Карапетов, А. Г. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. Т. 1 : Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. — М. : Статут, 2012. — 452 с.

295. Катков, В. Д. О привилегиях (патентах) на промышленные изобретения / В. Д. Катков. — Харьков, 1902. — 164 с.

296. Кожевников, Б. О. Некоторые вопросы применения исковой давности в англо-американской системе права / Б. О. Кожевников // Материалы секции права ТПП СССР. — М., 1978. — Вып. 31. — С. 45–46.

297. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер. — СПб., 1999. — 896 с.

298. Ларионов, А. В. Комментарий к Федеральному закону от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» (постатейный) / А. В. Ларионов, В. А. Ларионова // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — 2006.

299. Лугманов, Р. Р. Информационные обязанности, вытекающие из принципа добросовестности. Правовой и экономический анализ : монография / Р. Р. Лугманов. — Электрон. текст. дан. — М. : М-Логос, 2022. — 45 с.

300. Маковский, А. Л. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Л. Маковский ; под ред. А. Л. Маковского. — М., 2008. — 378 с.

301. Манфريد, Ф. Фашизм и германское гражданское право / Ф. Манфريد. — М., 1936. — С. 25–26.

302. Нам, К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам. — 2-е изд., перераб. и доп. — Электрон. текст. дан. — М. : М-Логос, 2023. — 388 с.

303. Новицкий, И. Б. Сделки. Исковая давность / И. Б. Новицкий. — М., 1954. — 150 с.

304. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В.

В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Электрон. текст. дан. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.

305. Пиленко, А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. — М. : Статут, 2001. — 686 с.

306. Рожкова, М. А. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права : монография / М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2018. — 271 с. — (Серия: IP & Digital Law)

307. Садилов, О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О. Н. Садилов. — М. : Статут, 2009. — 256 с. — 812 с.

308. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А. П. Сергеев. — М., 2003. — 384 с.

309. Сеницын, С. А. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / С. А. Сеницын, О. В. Гутников. — М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. — 208 с.

310. Сеницын, С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы / С. А. Сеницын. — М., 2022. — 134 с.

311. Скловский, К. И. Сделка и ее действие (2-е изд.) : комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок) / К. И. Скловский. — М. : Статут, 2016. — 47 с.

312. Спектор, Е. И. Комментарий к Федеральному закону «О рекламе» (постатейный) / Е. И. Спектор. — М., 2007. — 192 с.

313. Суханов, Е. А. Российское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 / Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2010. — 957 с.

314. Хейфец, И. Я. Авторское право / И. Я. Хейфец. — М. : Советское законодательство, 1931. — 128 с.

315. Хейфец, И. Я. Основы патентного права / И. Я. Хейфец ; с предисл. Л. К. Мартенс. — Л. : Научное химико-техническое издательство, 1925. — 416 с.

316. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. — 3-е изд., доп. — М. : Статут, 2022. — 312 с.

317. Ярков, В.В. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др. — М. : Статут, 2021. — 460 с.

VIII. Диссертации и авторефераты

318. Авдони́на, О. С. Субъективные пределы защиты исключительных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Авдони́на Ольга Сергеевна. — М., 2017. — 120 с.

319. Ворожевич, А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты : дис. ... д-р юрид. наук : 12.00.03 / Ворожевич Анастасия Сергеевна. — М., 2021. — 14 с.

320. Гаврилов, К. М. Сроки действия исключительных гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Гаврилов Константин Михайлович. — М., 2011. — 17 с.

321. Куликова, Е. В. Влияние новых технологий на развитие авторского права и смежных прав: договоры, законодательство, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Куликова Елена Владимировна. — М., 2001. — 24 с.

322. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... докт. юрид. наук / Морхат Петр Мечиславович. — М., 2018. — 520 с.

323. Савин, А. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Савин Александр Геннадьевич ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — М., 2019. — 204 с.

324. Спиридонова, Н. Б. Структура исключительного права : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Спиридонова Наталья Борисовна. — М., 2022. — 183 с.

325. Третьяков, С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... д-р юрид. наук : 12.00.03 / Третьяков Сергей Владимирович. — М., 2022. — 467 с.

IX. Статьи в периодических изданиях

326. Будылин, С. Л. Штрафные убытки. Теперь и в России? / С. Л. Будылин // Вестник гражданского права. — 2013. — № 4. — С. 19–52.

327. Васильев, А. С. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции / А. С. Васильев, Д. В. Мурзин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 3. — С. 65–77.

328. Витко, В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта / В. Витко // ИС. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 2. — С. 5–20; № 3. — С. 5–22.

329. Витко, В. О признаках понятия «производное произведение» / В. Витко // ИС. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 9. — С. 37–54.

330. Войниканис, Е. А. Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве / Е. А. Войниканис, М. В. Якушев // М.: Волтерс Клувер. — 2004. — 256 с. — С. 112.

331. Ворожевич, А. С. Граница исключительных прав на товарные знаки. Значение репутации (гудвилла) товарных знаков / А. С. Ворожевич // ИС. Промышленная собственность. — 2019. — № 11. — С. 41–48.

332. Ворожевич, А. С. Иски о нарушении исключительных прав на изобретения как эффективный способ защиты интересов фармацевтических компаний / А. С. Ворожевич // Хозяйство и право. — 2020. — № 4 (519). — С. 32–46.

333. Ворожевич, А. С. Исключительное право: сущность, принципы и пределы защиты / А. С. Ворожевич // Вестник гражданского права. — 2013. — № 6. — С. 41–83.

334. Ворожевич, А. С. Незаконное использование товарного знака: понятие, меры ответственности / А. С. Ворожевич // Вестник гражданского права. — 2015. — № 6. — С. 7–46.

335. Ворожевич, А. С. Право преждепользования: сущность, объем, проблемы доказывания / А. С. Ворожевич // Хозяйство и право. — 2017. — № 9. — С. 65–78.

336. Ворожевич, А. С. Принцип эстоппеля в патентном праве: основания и практика применения / А. С. Ворожевич // Закон. — 2020. — № 4. — С. 88–106.

337. Список использованных источников (продолжение)

338. Гаврилов, Э. П. О введении в Гражданский кодекс РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности / Э. П. Гаврилов // Хозяйство и право. — 2013. — № 8. — С. 1–9.

339. Герасименко, Н. М. «Продакт плейсмент: теория и практика развития» / Н. М. Герасименко, А. Н. Король // Вестник ТОГУ. — 2015. — № 3(38). — С. 183–192.

340. Гойхбарг, А. Г. Применение гражданских законов судом / А. Г. Гойхбарг // Советское право. — 1923. — № 3. — С. 10–11.

341. Городов, О. А. Право преждепользования и право послепользования: новый взгляд на старые проблемы / О. А. Городов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2014. — № 6. — С. 8–15.

342. Гурко, А. В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. В. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 12. — С. 7–14.

343. Гутников, О. В. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики / О. В. Гутников, С. А. Сеницын // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 12. — С. 67–73.

344. Демьянова, М. В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве / М. В. Демьянова // Право и экономика. — 2021. — № 9. — С. 54–59.

345. Егоров, А. В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве / А. В. Егоров // Вестник ВАС РФ. — 2010. — № 12. — С. 18–25.

346. Еременко, В. И. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. — 2011. — № 5. — С. 15–26.

347. Залесов, А. В. Правовая природа продления монопольного патентного права на лекарственное средство / А. В. Залесов // Патенты и лицензии. — 2022. — № 6. — С. 6–12.

348. Зенин, И. А. Изобретательское право: природа, функции, развитие / И. А. Зенин // Советское государство и право. — 1980. — № 2. — С. 48–56.

349. Калятин, В. О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования / В. О. Калятин // Закон. — 2015. — № 11. — С. 40–47.

350. Калятин, В. О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности / В. О. Калятин // ИС. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 8. — С. 35–48.

351. Кашаров, З. А. Вопросы квалификации действий по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак в качестве недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом / З. А. Кашаров, Э. Н. Гапураева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2021. — № 2 (32), июнь. — С. 142–160.

352. Кодиров, Ш. Б. Недоразумение относительно понятия «общеизвестный товарный знак» / Ш. Б. Кодиров // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 2 (28), июнь. — С. 104–116.

353. Корнеев, В. А. Практика Европейского Суда по вопросу о продлении срока действия патентов на изобретения / В. А. Корнеев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 4 (30), декабрь. — С. 4–15.

354. Лабзин, М. В. Право запрещать как юридическое содержание исключительного права / М. В. Лабзин // Патенты и лицензии. — 2009. — № 7. — С. 14–19.

355. Ламбина, В. С. Протокол заседания Научно-консультативного Совета при Суде по интеллектуальным правам (23 января 2014 года) / В. С. Ламбина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2014. — № 4. — С. 4–11.

356. Лысков, Н. Б. Актуальные вопросы интеллектуальной собственности в фармацевтике / Н. Б. Лысков, А. А. Полякова // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества: материалы XXIII Междунар. конф. Роспатента, М., 16–17.10.2019 / Роспатент, ФИПС; сост. Е. В. Королева, М. С. Борисова. — М.: ФИПС, 2019. — С. 184.

357. Малахов, Б. А. Особенности оспаривания продления патентов в РФ / Б. А. Малахов, Н. А. Айрапетов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 1(35). — С. 97–102.

358. Малышева, В. Г. Концепции исковой давности в праве Великобритании и Соединенных Штатов Америки / В. Г. Малышева // Правоведение. — 2020. — Т. 64, № 4. — С. 483–495.

359. Михайлов, А. В. Иск о ненарушении исключительных прав для устранения неясности границ исключительных прав патентообладателя и исключения злоупотребления правом / А. В. Михайлов, Т. В. Сергунина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2016. — № 13, сентябрь. — С. 38–76.

360. Могилевский, П. С. Доктрина добросовестного использования в США и свободное использование произведений в России: сравнительный анализ / П. С. Могилевский // Гражданское право. — 2022. — № 5. — С. 12–14.

361. Мурзин, Д. В. Осуществление исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: допустимость аналогии норм о праве собственности / Д. В. Мурзин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2019. — № 6. — С. 5–15.

362. Новицкий, И. Б. Принцип добросовестности в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124–181.

363. Новоселова, А. Л. Элемент вины в нарушении исключительного права на товарный знак / А. Л. Новоселова, А. С. Ворожевич // Российский судья. — 2018. — № 6. — С. 14–20.

364. Озолина, И. Г. Обход закона и иное недобросовестное поведение при патентовании изобретений и полезных моделей / И. Г. Озолина // ИС. Промышленная собственность. — 2022. — № 3. — С. 59–70.

365. Павлова, Е. А. Право на переработку и производное произведение / Е. А. Павлова // Вестник гражданского права. — 2019. — № 4. — С. 206–220.

366. Понкин, И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности / И. Понкин, А. Редькина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 2. — С. 5–15.

367. Протокол № 1 заседания Научно-консультативного совета при СИП от 27 декабря 2013 г. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2014. — № 3. — С. 4–27.

368. Протокол № 3 заседания Научно-консультативного совета при СИП от 4 апреля 2014 г. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2014. — № 4 (июнь). — С. 4–11.

369. Рузакова, О. А. Компенсация и убытки: соотношение институтов / О. А. Рузакова // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2019. — № 1. — С. 15–22.

370. Семенюта, Б. Е. Фанфики и Косплеи vs. Правообладатели оригиналов: в поисках баланса интересов / Б. Е. Семенюта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2020. — № 27. — С. 118–127.

371. Сесицкий, Е. П. Охрана результатов, генерируемых системами искусственного интеллекта, в рамках существующего правового поля / Е. П. Сесицкий // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2018. — № 11. — С. 49–55.

372. Синельникова, В. Н. Права на результаты искусственного интеллекта / В. Н. Синельникова, О. В. Ревинский // Копирайт. — 2017. — № 4. — С. 23–30.

373. Сеницын, С. А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории / С. А. Сеницын // Журнал российского права. — 2016. — № 2 (230). — С. 55–62.

374. Сеницын, С. А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) / С. А. Сеницын // Вестник гражданского права. — 2022. — № 6. — С. 55–97.

375. Ситдикова, Р. Определение размера компенсации при рассмотрении споров о нарушении авторских и смежных прав / Р. Ситдикова // Интеллектуальная собственность. Авторское право. — 2009. — № 11. — С. 40–49.

376. Скловский, К. И. О применении норм о злоупотреблении правом в судебной практике / К. И. Скловский // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 2. — С. 45–49.

377. Сухарева, А. Е. Сравнительное исследование механизмов защиты от киберсквоттинга в России и США / А. Е. Сухарева, Р. Э. Туркин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2017. — № 16 (июнь). — С. 84–94.

378. Третьяков, С. В. Критика понятия субъективного частного права как критика принципа автономии воли / С. В. Третьяков // Законодательство. — 2021. — № 12. — С. 69–75.

379. Туркина, А. Е. Опыт регулирования правового режима производных произведений в ЕС / А. Е. Туркина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — № 1 (43). — С. 70–76.

380. Фролова, О. Понятие и правовая природа субъективных смежных прав / О. Фролова // Хозяйство и право. — 2007. — № 7. — С. 95–102.

381. Хесселинк, М. В. Принцип добросовестности / М. В. Хесселинк // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 8. — С. 157–187.

382. Хлюстов, П. В. Энциклопедия правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам об истребовании имущества из чужого незаконного

владения / П. В. Хлюстов. — М.: Инфотропик Медиа, 2015. — 300 с. // СПС «КонсультантПлюс».

383. Ширвиндт, А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение / А. М. Ширвиндт // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / Отв. ред. А. М. Ширвиндт. — М.: Статут, 2014. — С. 210–214.

384. Яценко, Т. С. Эстоппель в авторском праве: условия и пределы использования / Т. С. Яценко // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2022. — № 10. — С. 13–19.

385. X. Научные работы на иностранных языках

386. Anthony, S. F. Antitrust and Intellectual Property Law: From Adversaries to Partners / S. F. Anthony // *AIPLA QJ*. — 2000. — Vol. 28. — P. 1–25.

387. Assaf, K. Brand Fetishism / K. Assaf // *Connecticut Law Review*. — 2009. — Vol. 43. — P. 83–112.

388. Asser, C. *Verbintenissenrecht. 2: Algemene Leer Der Overeenkomsten* / C. Asser, A.S. Hartkamp. — 12th ed. — Deventer: Kluwer, 2005. — 896 p.

389. Assouly, O. La Justification du Luxe entre Nationalité et Simplicité / O. Assouly // *Le Luxe – Essais sur la Fabrique de l’Ostentation*. — Paris: Editions de l’Institut Français de la Mode, 2005. — P. 203–222.

390. Bas, L. Le brevet blocant: évaluation des pratiques des entreprises françaises / L. Bas, C. Mothé // *Management International Review*. — 2010. — Vol. 14, No. 3. — P. 24–45.

391. Beautridge, J. Understanding Good Faith in the Context of Contractual Performance. Lessons to Learn from the German System / J. Beautridge // *AGLJ*. — 2016. — Vol. 2. — P. 41–49.

392. Beebe, B. The German Misappropriation Origins of Trademark Antidilution Doctrine: A Translation of the 1924 Odol Opinion of the Landgericht Elberfeld / B. Beebe // *Transition and Coherence in Intellectual Property Law: Essays in Honour of Annette Kur* / Eds. N. Bruun, G.B. Dinwoodie, M. Levin, A. Ohly. — 2021. — P. 123–145.

393. Bullinger, W. § 23 UrhG, Rn. 19–22 / W. Bullinger // Wandtke/Bullinger, Urheberrecht. — 3rd ed. — 2009. — P. 198–205.
394. Canaris, C.-W. Systemdenken und Systembegriff in der Jurisprudenz / C.-W. Canaris. — 2nd ed. — Berlin, 1983. — 234 p.
395. Dion, D. Retail Luxury Strategy: Assembling Charisma through Art and Magic / D. Dion, E. Arnold // Journal of Retailing. — 2011. — Vol. 87, Issue 4. — P. 502–520.
396. Dogan, S. L. The Trademark Use Requirement in Dilution Cases / S. L. Dogan, M. A. Lemley // Santa Clara Computer & High Technology Law Journal. — 2008. — Vol. 24. — P. 541–572.
397. Eastman Photographic Materials Co. v. John Griffiths Cycle Corp. // R.P.C. — 1898. — Vol. 15. — P. 105–112.
398. First, H. The Cambridge Handbook of Antitrust, Intellectual Property and High Tech / H. First. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — P. 222–223.
399. Fort, K. E. The New Laches: Creating Title Where None Existed / K. E. Fort // Georgetown Mason Law Review. — 2009. — Vol. 16. — P. 372–401.
400. Furmston, M. P. Cheshire, Fifoot, and Furmston's Law of Contract / M. P. Furmston. — 17th ed. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — P. 643–660.
401. Gervais, D. J. The Derivative Right: Or Why Copyright Law Protects Foxes Better than Hedgehogs / D. J. Gervais // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. — 2013. — Vol. 15, No. 4. — P. 785–855.
402. Giannino, M. Milan Court Grants Suppliers of Luxury Cosmetics Interim Relief Against Infringers of Selective Distribution Networks / M. Giannino // Journal of Intellectual Property Law & Practice. — 2019. — Vol. 14, No. 6. — P. 425–427.
403. Glaize, F. Trade Mark Infringement by Resale of Luxury Goods in Discount Stores / F. Glaize // Journal of Intellectual Property Law & Practice. — 2009. — Vol. 4, No. 9. — P. 611–612.
404. Gordon, J. The Jurists: A Critical History / J. Gordon. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — P. 281–287.

405. Herbots, J. Contract Law in Belgium / J. Herbots // *European Contract Laws*. — 2018. — No. 272. — P. 1–30.
406. Honsell, H. Tradition und Zession — kausal oder abstrakt? / H. Honsell. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2005. — 208 p.
407. Howell, C. Intellectual Property Law / C. Howell, B. Farrand. — 2nd ed. — London : Routledge, 2017. — 480 p.
408. Ihering, R. von. Im juristischen Begriffshimmel. Scherz und Ernst in der Jurisprudenz / R. von Ihering. — Leipzig : Breitkopf & Härtel, 1884. — 192 p.
409. Jansen, N. Commentaries on European Contract Law / N. Jansen, R. Zimmerman. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 456 p.
410. Kilian, W. Zur Auslegung zivilrechtlicher Verträge / W. Kilian // Koch, H.-J. Juristische Methodenlehre und analytische Philosophie. — Regensburg : Friedrich Pustet, 1976. — P. 278–289.
411. Klerman, D. Trademark Dilution, Search Costs, and Naked Licensing / D. Klerman // *Fordham Law Review*. — 2006. — Vol. 74. — P. 1759–1782.
412. Knopp, W. § 242 / W. Knopp, W. Siebert // Sörgel. Bürgerliches Gesetzbuch. — 10th ed. — Stuttgart : Kohlhammer, 1967. — P. 34–52.
413. Krasser, R. Ann C. Patentrecht: Lehrbuch zum deutschen und europäischen Patentrecht und Gebrauchsmusterrecht / R. Krasser. — München : C.H. Beck, 2016. — 874 p.
414. Larenz, K. Allgemeiner Teil des deutschen bürgerlichen Rechts / K. Larenz. — München : C.H. Beck, 1967. — 329 p.
415. Maxwell, W. A Comparative French and U.S. Law Approach to Scènes à Faire and Other Non-Protectable Elements in Copyright Law / W. Maxwell, K. Bolger, T. Zeggane // *Propriété*. — 2009. — No. 30 (January). — P. 45–62.
416. McCarthy, J. Thomas. McCarthy On Trademarks and Unfair Competition / J.T. McCarthy. — 4th ed. — Deerfield, IL : Clark Boardman Callaghan, 1996. — 1234 p.
417. McGee, A. Limitation Periods / A. McGee. — London : Sweet & Maxwell, 2012. — § 3.022. — P. 123–135.

418. Merk, M. The dark side of salesperson brand identification in the luxury sector: When brand orientation generates management issues and negative customer perception / M. Merk, G. Michel // *Journal of Business Research*. — 2019. — Vol. 102. — P. 339–352.
419. Mousseron, J.-M. L'abus de monopole conféré par le brevet d'invention / J.-M. Mousseron // *Etudes de Droit commercial à la mémoire de Henry Cabrillac*. — Paris : Litec, 1968. — P. 156–172.
420. Palandt. Bürgerliches Gesetzbuch / Palandt. — 73rd ed. — München : C.H. Beck, 2014. — § 242, Rn. 7. — P. 1234.
421. Palzer, C. Patentrechtsdurchsetzung als Machtmissbrauch / C. Palzer // *Europäische Zeitschrift für Wirtschaftsrecht*. — 2015. — P. 702–715.
422. Patry, W. F. Patry on fair use / W. F. Patry. — Eagan : Thomson West, 2014. — P. 64–82.
423. Perilleux, J. Rapport belge / J. Perilleux // *Travaux de l'association Henri Capitant*. — 1994. — T. XLIII. — P. 250–265.
424. Planiol, M. *Traité pratique de droit civil français*. T. VI: Les obligations / M. Planiol, G. Ripert. — 2nd ed. — Paris : L.G.D.J., 1952. — 917 p.
425. Posner, R. A. The economic structure of intellectual property law / R. A. Posner, W. A. Landes. — Cambridge : Harvard University Press, 2003. — P. 172–195.
426. Posner, R. A. The economic structure of intellectual property law / R. A. Posner, W. A. Landes. — Cambridge : Harvard University Press, 2003. — P. 172–195.
427. Purner, S. Principle of Good Faith in German Case-Law / S. Purner // *Zb. Prav. Fak. Sveuc. Rij.* — 2004. — Vol. 25. — P. 247–264.
428. Ranieri, F. *The Max Planck Encyclopedia of European Private Law* / F. Ranieri. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — Vol. 1. — P. 5–6.
429. Rudokvas, A. D. Trust and Fiduciary Ownership in Russia / A. D. Rudokvas // *KLRI Journal of Law and Legislation*. — 2017. — Vol. 7, No. 2. — P. 43–70.
430. Schechter, F.I. The Rational Basis of Trademark Protection / F.I. Schechter // *Harvard Law Review*. — 1927. — Vol. 40, Issue 4. — P. 819–845.

431. Schwab, D. Einführung in das Zivilrecht / D. Schwab, M. Löhning. — 19th ed. — Heidelberg : C.F. Müller, 2012. — Rn. 97–105.
432. Sohm, R. Der Gegenstand. Ein Grundbegriff des Bürgerlichen Gesetzbuches / R. Sohm. — Leipzig : Duncker & Humblot, 1905. — P. 61–62.
433. Spence, M. Intellectual property / M. Spence. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — P. 200–201.
434. Tsoutsanis, A. Trademark registration in a bad faith / A. Tsoutsanis. — Oxford : Hart Publishing, 2010. — P. 194–205.
435. Vaquer, A. Verwirkung versus Laches: A Tale of Two Legal Transplants / A. Vaquer // SSRN Electronic Journal. — 2009. — February. — P. 1–5.
436. Virgo, G. The Principle of the Law of Restitution / G. Virgo. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — P. 741–743.
437. Wiedmann, E. Der Rechtsmissbrauch im Markenrecht / E. Wiedmann. — Karlsruhe : Verlag für Wissenschaft und Forschung, 2002. — P. 86–95.
438. Wieseke, J. Understanding the adoption of new brands through salespeople: A multilevel framework / J. Wieseke, C. Homburg, N. Lee // Journal of the Academy of Marketing Science. — 2008. — Vol. 36, No. 2. — P. 278–291.
439. Zimmerman, R. Good Faith in European Contract Law (The Common Core of European Private Law) / R. Zimmerman, S. Whittaker. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — P. 23–35.

XI. Иные источники

(доклады, исследования, годовые отчеты, интернет-ресурсы)

440. Apple запрещает кинозлодеям использовать iPhone [Электронный ресурс] // Кинопоиск. — URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/news/4000721> (дата обращения: 25.07.2024).
441. Гаврилов Э. П. Постановление 5/29 о правовой охране товарных знаков (часть II) // Патенты и лицензии. — 2009. — № 12. — URL: <http://www.rbis.su/article.php?article=292> (дата обращения: 15.07.2024).

442. Дискуссия ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)». Второй раунд: пересмотренный концептуальный документ по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта от 21 мая 2020 г. [Electronic resource] // WIPO. — URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=59168 (дата обращения: 23.12.2024).

443. Доклад национальной комиссии США по новым технологическим способам использования произведений, охраняемых авторским правом (CONTU) [Electronic resource] // Digital Law Online. — 1978. — URL: <http://digital-law-online.info/CONTU/contu17.html> (дата обращения: 12.12.2024).

444. Маркировка [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240514/markirovka-1945757794.html> (дата обращения: 26.01.2025).

445. Протокол N 19 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам [Электронный ресурс] // Официальный сайт суда по интеллектуальным правам. — М., 2018. — URL: <https://ipc.arbitr.ru/node/14172> (дата обращения: 10.07.2024).

446. Решение от 21 марта 2019 г. по делу № С-443/17 [Electronic resource] // Curia. — URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=212011&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5051162> (дата обращения: 10.07.2024).

447. Решение от 25 июля 2018 г. по делу № С-121/17 [Electronic resource] // Curia. — URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=204388&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5051162> (дата обращения: 20.07.2024).

448. Решение от 9 июля 2020 г. по делу № С-673/18 [Electronic resource] // Curia. — URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=228371&text=&dir=&docla>

ng=EN&part=1&occ=first&mode=DOC&pageIndex=0&cid=8536870 (дата обращения: 15.07.2024).

449. Решение по первому делу о нарушении авторских прав на изображения, созданные ИИ [Electronic resource] // Портал муниципального народного правительства Шаньтоу. — URL: https://www.shantou.gov.cn/stszcwyh/zcal/content/post_2290248.html (дата обращения: 23.12.2024).

450. Справка о некоторых спорных вопросах соправообладания исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации (подготовлена к обсуждению на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 30 ноября 2018 года) // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам. — URL: https://ipc.arbitr.ru/files/pdf/spravka_po_sopravo.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

451. Справка по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий от 21 марта 2014 г. № СП 21/2 // СПС «КонсультантПлюс».

452. Anenson T. L. The Triumph of Equity: Equitable Estoppel in Modern Litigation // Review of Litigation. — 2008. — Vol. 27. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1013106> (дата обращения: 25.07.2024).

453. Article 3:302 Dutch Civil Code // URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook033.htm> (дата обращения: 20.07.2024).

454. Barnes D. W., Laky T. Classic Fair Use in Trademark: Confusion About Defenses // Santa Clara Computer and High Technology Law Journal. — 2004. — Vol. 20. — URL: <https://ssrn.com/abstract=899781> (дата обращения: 12.06.2024).

455. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence, 88 Fed. Reg. 16190, 16193 (Mar. 16, 2023) [Electronic resource] // Federal Register. — URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright->

registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence#footnote-8-p16191 (дата обращения: 23.12.2024).

456. Determination of Non-Infringement Action is to be Rejected if Marketing Authorisation is Not Granted Yet // Kluwer IP Blog. — URL: <http://patentblog.kluweriplaw.com/2019/09/24/turkey-determination-of-non-infringement-action-is-to-be-rejected-if-marketing-authorisation-is-not-granted-yet/?print=pdf> (дата обращения: 20.07.2024).

457. New bipartisan bill would require labeling of AI-generated videos and audio [Electronic resource] // PBS NewsHour. — URL: <https://www.pbs.org/newshour/politics/new-bipartisan-bill-would-require-labeling-of-ai-generated-videos-and-audio> (дата обращения: 26.01.2025).

458. Par. 256 Zivilprozessordnung (ZPO) zuletzt geändert durch Art. 19 G v. 22.2.2023 I Nr. 51 // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ZPO.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).

459. Prager E. A. The Federal Trademark Dilution Act of 1995: Substantial Likelihood of Confusion // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. — 1996. — Vol. 7. — P. 121. — URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/iplj/vol7/iss1/8> (дата обращения: 15.06.2024).

460. United States Copyright Office: Previous Correspondence ID: 1-5GB561K Re: Zarya of the Dawn (Registration # VAu001480196) Электронный ресурс // United States Copyright Office. — URL: <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf> (дата обращения: 23.12.2024).

461. Zimmermann R., Whittaker S. Op. cit. P. 516, 530; Storme M. E. Good Faith and the Contents of Contracts in European Private Law // Electronic Journal of Comparative Law. — Vol. 7.1. — March 2003. — URL: <http://www.ejcl.org/71/art71-1.html> (дата обращения: 25.06.2024).

ХII. Словари

462. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Словарный портал. — URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31502> (дата обращения: 12.12.2024).

463. Фролов И. Т. Философский словарь / И. Т. Фролов. — М.: Республика, 2001. — 1089 с.

464. Black's law dictionary: 10th edition / edited by B. A. Garner. — USA: Thomson Reuters, 2014. — 1539 p.